

**Российская
академия
наук**

**Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН РАН)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
ISSN 2219–8776

МОСКВА 2021

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор, Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, Л.Р. Комалова – д-р филол. наук, ответственный секретарь, В.М. Алпатов – д-р филол. наук, Н.С. Бабенко – канд. филол. наук, В.Н. Желязкова – д-р филологии, Е.А. Казак – канд. филол. наук, И.В. Кангро – д-р филологии, В.Г. Кузнецов – д-р филол. наук, Е.М. Миронеско-Белова – д-р филологии, А.В. Нагорная – д-р филол. наук, Е.О. Опарина – канд. филол. наук, В.А. Пищальникова – д-р филол. наук, В.А. Плунгян – д-р филол. наук, Р.К. Потапова – д-р филол. наук, В.В. Потапов – д-р филол. наук, М.Б. Раренко – канд. филол. наук, С.А. Ромашко – канд. филол. наук, К.Я. Сигал – д-р филол. наук, Н.Н. Трошина – канд. филол. наук

ISSN 2219–8776

DOI 10.31249/ling/2021.01.00

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

© «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание»,
информационно-аналитический журнал, 2021
© ФГБУН Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	5
Теоретические проблемы и отдельные методы	5
<i>Трошина Н.Н.</i> Актуальные проблемы германистики в исследованиях Чабы Фёльдеша	5
Миграционная лингвистика	37
<i>Раренко М.Б.</i> Миграционная лингвистика и ее место в современных лингвистических исследованиях. (Обзор).....	37
Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение	44
<i>Раренко М.Б.</i> Синхронный перевод на современном этапе.....	44
<i>Крылов С.А.</i> Роль фигуры говорящего в грамматическом строе современного русского языка. Часть 3: Синтаксис сложного предложения (опыт тематического дайджеста на материале «русской грамматики» 1980 года)	54
Цифровая филология	68
Цифровая классическая филология. Древнегреческий и латинский в эпоху цифровой революции. (Реферат)	68
Коммуникация, дискурс. Речевые жанры	82
<i>Хахалева А.Ю.</i> Основные направления в изучении современного русскоязычного PR-дискурса	82
<i>Кулагина Д.А.</i> Исследования вербальной репрезентации речевой агрессии. (Обзор)	92
<i>Опарина Е.О.</i> Язык религии и его изучение в современном обществе. (Обзор)	97
Язык СМИ	107
<i>Опарина Е.О.</i> Жанры массмедиа. (Обзор)	107
<i>Опарина Е.О.</i> Медиатекст: семантика и прагматика. (Обзор)	114

УРОВНИ ЯЗЫКА	122
Морфология	122
Санярова Н.С. Редупликация в русском языке: структурно-семантический, функциональный, лингводидактический аспекты. (Реферат)	122
Лексикология. Лексикография. Фразеология	129
Григорьев А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. (Реферат)	129
Куликова И.С., Салмина Д.В. Лингвистические термины за пределами специального текста: (по материалам национального корпуса русского языка). (Реферат)	136
<i>Яковлева Э.Б.</i> От семьи до коронавируса: военная метафора в разных видах дискурса. (Обзор)	141
Стилистика	154
Святославский А.В. Художественный текст Михаила Пришвина: лингвостилистический аспект. (Реферат)	154
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ	158
Ильина Е.Н., Сабурова Л.В., Ганичева С.А. Языковая картина мира вологодского крестьянина. (Реферат)	158
<i>Опарина Е.О.</i> Русские говоры: лексика и лексикография. (Обзор)	165

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

УДК: 811.11-112

DOI: 10.31249/ling/2021.01.01

Трошина Н.Н.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧАБЫ ФЭЛЬДЕША

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. Рассматриваются наиболее актуальные проблемы современной германистики, связанные с национальной и региональной вариативностью / полицентричностью немецкого языка, а также с влиянием билингвального дискурса и межкультурного общения на речевые практики. Подчеркивается необходимость сохранения национальных школ зарубежной германистики с целью углубления и расширения научных и культурных контактов в Европе. Анализируется лингвокультурологическая парадигма языкознания, активно развивающаяся в современной российской лингвистике.

Ключевые слова: немецкий язык; венгерский язык; коммуникативный статус немецкого языка; автостереотипы / гетеростереотипы о Германии; язык вторичной цивилизации; билингвизм; билингвальный дискурс; многоязычие; моноязычие; языковая вариативность; региональная вариативность; национальные варианты немецкого языка; контактная лингвистика; гибридность; лингвокультурология; прецедентность; немецкий как язык науки; интракультурная / инокультурная германистика.

Troshina N.N.

**ACTUAL PROBLEMS OF GERMAN STUDIES
IN THE WORKS OF CSABA FÖLDES:
(Review article)**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences (INION RAN)*

Abstract. The article deals with the most relevant problems of modern German studies related to the national and regional variability / polycentricity of the German language, as well as the influence of bilingual discourse and intercultural communication on speech practices. The need to preserve national schools of German studies in other countries outside Germany in order to deepen and expand scientific and cultural contacts in Europe is emphasized. The article analyzes the linguoculturological paradigm of linguistics, which is actively developing in modern Russian linguistics.

Keywords: the German language; the Hungarian language; communicative status of the German language; Germany autostereotypes / heterostereotypes; the language of secondary civilization; bilingualism; bilingual discourse; multilingualism; monolingualism; language variation; regional variation; national variants of the German language; contact linguistics; hybridity; linguoculturology; precedent; German as the language of science; intracultural / foreign-cultural germanistics.

Исследования профессора Чабы Фёльдеша¹ выполнены на материале немецкого, венгерского и русского языков, первые два из которых являются родными языками автора (Чаба Фёльдеш – билингв), а русский – иностранным. Эти исследования охватывают широкий круг проблем, которые целесообразно представить по разделам.

¹ Чаба Фёльдеш – доктор филологических наук, заведующий кафедрой германского языкознания философского факультета Эрфуртского университета, специалист в области германистики и финно-угроведения, социолингвистики, межкультурной коммуникации, почетный доктор Венгерской академии наук.

1. Коммуникативный статус немецкого языка в современном мире

Поскольку разработка актуальных проблем германистики происходит на фоне отношения к Германии как к стране с высоко-развитой наукой и культурой, с одной стороны, и весьма непростой историей, – с другой, в публикациях Ч. Фёльдеша уделяется большое внимание образу Германии в восприятии наших современников и их отношению к немецкому языку. Актуальность этой проблемы обостряется в связи со снижением коммуникативного статуса немецкого языка в практике международного общения. В статье «В чем ценность немецкого языка?» [Földes, 2000] описывается ситуация в июне 1999 г., когда Финляндия стала председателем Совета министров Европейского союза и на первой же неофициальной встрече объявила в качестве рабочих только английский и французский языки (помимо финского как языка страны-хозяйки). Германия и Австрия настаивали на включении немецкого языка в число рабочих языков и, не добившись этого, пригрозили бойкотировать все заседания. Финляндия пошла на уступки.

Ч. Фёльдеш анализирует привлекательность образа Германии и немецкого языка в современном мире, в результате чего выясняется, что имидж и страны, и ее языка оставляет желать лучшего. Имидж трактуется в статье как «продукт и фактор истории. В отличие от стереотипов имидж исторически изменчив, может быть целенаправленно выстроен и поддержан» [Földes, 2000, S. 275]. Имидж языка (его привлекательность) зависит от его коммуникативного статуса и степени сложности его системы, причем этот имидж может быть различным в глазах носителей немецкого языка и в глазах иностранцев, владеющих этим языком. Характеризуя автостереотипы немцев по отношению к своему родному языку, Ч. Фёльдеш отмечает, что они нередко поддерживают распространённое мнение о немецком как о грамматически очень сложном и фонетически некрасивом языке. Привлекательность немецкого языка его носители видят в том, что правила правописания и чтения практически зеркальны (*getreues Spiegelbild*) [Földes, 2000, S. 277]. Словарь весьма компактен из-за развитой словообразовательной системы. Впечатление о невероятной слож-

ности немецкого языка Ч. Фёльдеш связывает с неудачными методами обучения немецкому языку.

Другую причину существования отрицательных автостереотипов о немецком языке Ч. Фёльдеш видит в недостаточной лояльности немцев своей культуре и своему языку, причем это отношение характерно для немецкой элиты уже с XIII в. Сегодня это появляется в перенасыщении немецкого языка англицизмами и в отказе от его использования в ситуациях межкультурного общения. Как иронично замечает Ч. Фёльдеш, многие немцы относятся к своему языку «не как к материнскому (Muttersprache), а как к языку мачехи (Stiefmuttersprache)» [Földes, 2000, S. 278].

Озабоченность автора статьи вызывает и то, что немецкие фирмы нередко сознательно избегают использовать немецкий язык в сфере бизнеса: так, например, в Турции фирмы с участием немецкого капитала практически не требуют знания немецкого языка от своих будущих сотрудников (Ч. Фёльдеш ссылается на публикацию Й. Гарбе: [Garbe, 1998, S. 10]). Такие наблюдения разделяет и газета *Zeit*, мнение которой также приводит Ч. Фёльдеш: «Если молодой варшавянин полагает, что, получив сертификат Института им. Гёте, он имеет лучшие шансы на работу в немецких фирмах, он ошибается. Скорее выбор будет сделан в пользу его конкурента, владеющего английским языком» [Földes, 2000, S. 279]. В Венгрии и в Чехии ситуация аналогичная.

Образ Германии как страны также нельзя назвать безусловно положительным: она ассоциируется, в первую очередь, с национал-социалистическим прошлым, из-за которого немцы до сих пор испытывают чувство вины и стыда. Ч. Фёльдеш приводит высказывание одного венгерского участника книжной дискуссии: «Когда венгр думает о Германии, перед его мысленным взором встают три картины: баварцы, пьющие пиво в 'Гауди'¹, немецкая национальная сборная по футболу и фюрер Адольф Гитлер на трибуне». Такие отрицательные гетеростереотипы о Германии разделяет молодежь во многих странах мира.

Недостаточная лояльность немцев своему родному языку играет досадную роль в проведении языковой политики, не идет на

¹ «Гауди» – пивной ресторан на Октоберфесте в Мюнхене. – Н. Т.

пользу языковой культуре и вредит индивидуальной идентичности немцев, считает Ч. Фёльдеш [Földes, 2000, S. 286].

2. Проблемы контактной лингвистики

Все вышеназванные проблемы имиджа Германии и ее языка учитываются при анализе социолингвистических проблем, связанных, в первую очередь, с усилившимися иммиграционными процессами и контактным взаимодействием языков.

Первому аспекту посвящена статья Ч. Фёльдеша «Межкультурность – гетерогенность – миграция и их последствия для немецкого языка иностранного / языка вторичной социализации: Взгляд из Эрфурта» [Földes, 2017]. Проблема интеграции иммигрантов в социокультурную и экономическую жизнь Германии может быть решена только при условии их языковой адаптации, т.е. через их обучение немецкому языку, подчеркивает Ч. Фёльдеш, однако этому вопросу не было уделено должного внимания, начиная с 2006 г. Более того, в то время немецкое правительство даже видело в обучении иммигрантов немецкому языку «принудительную германизацию» (Zwangsgermanisierung) [Földes, 2017, S. 109]. Сегодня ситуация усугубляется еще и тем, что уровень общего образования новых иммигрантов (в частности, сирийцев) удручающе низок. Они могут выполнять только простейшую работу, даже пользуясь при этом своим родным языком, т.е. они функционально безграмотны.

Для Германии как традиционно одноязычной страны с монокультурной системой образования это приводит к большим проблемам с наполнением школьных классов и, соответственно, с качеством школьного образования. Сегодня, согласно докладу Федерального управления по делам иммиграции и беженцев (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge), пятая часть населения ФРГ связана в прошлом с иммиграцией (hat einen Migrationshintergrund), а среди детей этот показатель достигает одной трети [там же, S. 110].

Проблемы контактной лингвистики могут быть адекватно рассмотрены с применением методов корпусной лингвистики и с созданием онлайн-порталов, фиксирующих проявления непосредственных языковых контактов, считает Ч. Фёльдеш в статьях

«Венгерско-немецкая языковая вариативность и многоязычие: Корпусно-лингвистический проект на базе эмпирических полевых исследований и языковой онлайн-документации» [Földes, 2016 b], «Дискурсы в зоне двуязычия: Результаты одного эмпирико-документационного проекта» [Földes, 2016] и «Речевые практики в контексте вариативности и многоязычия: Опыт эмпирического исследования» [Földes, 2013]. Анализируются записи двуязычных речевых актов (zweisprachige Sprechhandlungen), имевших место в билингвальном дискурсе, в котором участвует немецкий язык как миноритарный в Венгрии (в районе, населенном дунайскими швабами, Donauschwaben) и находящийся под угрозой исчезновения (bestandgefährdetes regionales Sprachmaterial des Deutschen als Minderheitensprache in Ungarn) [Földes, 2016, S. 322]. Ч. Фёльдеш указывает, что члены дву- или полиязычного дискурсивного сообщества общаются во многих отношениях иначе, чем члены одноязычного сообщества, т.е. иначе используют возможности языковой вариативности [Földes, 2013, S. 119]. Исследования показали, что в условиях долговременного и постоянного межкультурного общения (транскультурности, Transkulturalität) [там же, S. 121] немецкий язык не является для коммуникантов ни родным, ни иностранным языком в обычном смысле этого слова [там же]. Для говорящих не существует границы между их языковыми мирами (Sprachwelten) [там же, S. 123], поэтому они легко переходят с одного языка на другой, креативно используя возможности языковых и культурных систем для достижения максимального коммуникативного результата. Ч. Фёльдеш определяет такую коммуникативную ситуацию как «плавную диглоссию» (fluide Diglossie) [там же, S. 121], находящуюся под сильным влиянием венгерского языка. В различных коммуникативных ситуациях используются три кода: местный венгерско-немецкий диалект, литературный вариант венгерского языка и литературный вариант немецкого языка (собственно-немецкий литературный язык, принятый в ФРГ). Таким образом, языковая ситуация определяется взаимодействием вербальных кодов, коммуникативный статус и престиж которых неодинаков, чем обуславливается «асимметричный характер языкового контакта», т.е. «билингвальная диалектно-литературная диглоссия» [там же]. Языковой вариант, используемый во внутригрупповом устном общении, Ч. Фёльдеш называет

«контактирующим немецким языком» (Kontaktdeutsch) [Földes, 2013, S. 121], который характеризуется чрезвычайной динамикой и, как следствие этого, высокой распространенностью окказиональных образований: «В билингвальном дискурсивном сообществе все ‘говорят одинаково, но каждый по-своему’» (In der bilingualen Diskursgemeinschaft spricht ‘jeder auf eine andere Weise gleich’) [там же, S. 122].

Тесное языковое контактирование проявляется как гибридность в следующем:

1) в межязыковых трансферах, прежде всего: а) на лексическом уровне, например: Soll ma itt em **polgármester** saj **ajándék** **zimacsomagolni** and teand **legalább** zwi, drei **szaloncukor** odr eappes naj? **Akkor szép lenne**¹ = Soll man nicht dem „polgármester“ [=Bürgermeister] sein „ajándék“ [=Geschenk] zusammen „csomagolni“ [=packen] und tut „legalább“ [wenigstens] zwei, drei „szaloncukor“ [=Süßigkeit am Weihnachtsbaum] oder etwas hinein? Dann wäre es schön «Может быть, бургомистру упаковать его подарок и положить туда хотя бы два-три рождественских лакомства? Это было бы хорошо»; б) на морфологическом уровне, например: Schit:’s miar ans Gl’sliba! = Gieße es mir in Gläslein! «Налей мне в стаканчик!»; в немецком слове Gläslein уменьшительно-ласкательный суффикс –lein заменен на венгерский –ba, требующий илллатива (падежа, указывающего на движение, направленное внутрь чего-то), в результате чего образована гибридная морфема Gläsliba;

2) в гибридации на уровне словообразования, например, венгерско-немецких местоименных наречий: **akármonah** = akár- [=egal]wohin «все равно, куда» [там же, S. 127–128].

3) в феномене синкретизма, т.е. в кодовых переключениях с венгерского языка на немецкий и обратно, в результате чего стирается грань между «Своим» и «Чужим»; при этом высказывания, для которых характерна коммуникативная когерентность (kommunikative Kohärenz), основанная на когнитивной когерентности (kognitive Kohärenz) говорящих [там же, S. 136]. Соответственно, модус дискурса организуется по принципу «как ..., так и»

¹ Заимствования из венгерского языка даются в соответствии с венгерской орфографией и жирным шрифтом. – Ч. Ф.

(sowohl... als auch), а не «или... или» (entweder... oder). В таком дискурсе реализуется «контактная креативность как выражение социокультурной идентичности» [Földes, 2013, S. 137]. В заключение подчеркивается, что билингвы обладают языковой мультикомпетентностью, существенно отличающейся от языковой компетенции монолингвов.

Особенности и трудности межкультурного общения проявляются и в сфере массмедиа – в тех изданиях, которые издаются в условиях непосредственного взаимодействия различных языков и культур. Эту ситуацию Ч. Фёльдеш рассматривает на примере газеты *Moskauer Deutsche Zeitung* – «Московской немецкой газеты». Анализируются неточности межкультурного интердискурса (*interkultureller Interdiskurs*) [Földes, 2018, S. 75], проявляющиеся на фоне норм немецкого литературного языка, на котором издается печатная пресса в ФРГ (*binnendeutsche Pressesprache*). К таким неточностям относятся, например, проявления языковой интерференции (*Kollektionäre* вместо *Sammler* «коллекционер»), выбор неудачного синонима (*breite russische Seele* вместо *weite russische Seele* «широкая русская душа»), ошибка в стилистической окраске слова (*berüchtigt* «пресловутый» вместо *berühmt* «известный»), выбор метафоры, вызывающей отрицательные ассоциации у немецкоязычного читателя (слово *Schwarzgold* «черное золото» (о нефти) коннотируется со понятием *illegales Gold* «контрабандное золото»), использование так называемых «ложных друзей переводчика» (*Akademiker* в значении «действительный член Академии наук» – в немецком языке это слово означает «человек с высшим образованием»).

Особенности и проблемы межкультурного общения в сфере массмедиа Ч. Фёльдеш анализирует также в статье «Политический язык и межкультурность – на примере прессы немецкоязычных меньшинств», т.е. на материале газет, издаваемых для немецкоязычного меньшинства Венгрии (*Ungarndeutsche, ungarische Schwaben*) [Földes, 2018 a]. Анализируются тексты газет за 2005–2016 гг.: «*Neue Zeitung*», «*Sonntagsblatt*», «*LandesratForum*», «*Gajavölgye – Bründel*» (издается на венгерском и немецком языках), «*Vörösvári Újság / Werischwarer Zeitung*» (издается на венгерском и немецком языках). В текстах этих газет и сегодня используются австрицизмы (следствие длительного пребывания Венгрии в со-

ставе Габсбургской империи), а также венгеро-германизмы (Hungaro-Germanismen), т.е. фразеологизмы, которые отсутствуют в собственно немецком языке (в ФРГ), например: Am 8. Mai gab das Kulturhaus in Mesch / Mõzs der dritten Qualifizierung das Zuhause. Фразеологизм einer Sache das Zuhause geben возник под влиянием венгерского *vminek otthond ad* «принять, стать местом показа, демонстрации ч.-л.». По-немецки это следовало бы сформулировать иначе: Am 8. Mai wurde im Kulturhaus Mesch / Mõzs die dritte Qualifizierung gefeiert или Am 8. Mai fand im Kulturhaus Mesch / Mõzs die dritte Runde des Wettbewerbs statt «8 мая в доме культуры в Меше / Мёше состоялся третий этап конкурса».

Автор приходит к выводу, что язык политического дискурса, представленный в этих газетах, нельзя назвать ни немецким, ни венгерским. Можно говорить об «кином языковом профиле (со специфическими нормами действий и оценок, ein anderer linguistischer Profil mit spezifischen Handlungs- und Bewertungsnormen) [там же, S. 313]. Основная часть этих текстов является письменной фиксацией обиходно-разговорного языка, которую Ч. Фёльдеш метафорически определяет как «Parlando-Texte». Отмечается их эссенциализм, т.е. «приписывание Другому якобы неискоренимых черт его инакости (Andersartigkeit), себе – изначальной сущности (ursprüngliche Wesenheit, Essenz) при игнорировании внутренних различий» [там же, S. 315].

3. Национальная вариативность современного немецкого языка

Национальная вариативность немецкого языка проявляется не только на региональном уровне, но и на уровне литературного языка, т.е. в его «архитектуре», отмечается в статье «Немецкий язык и его архитектура. Аспекты многообразия, вариативности и региональности: К вопросу о теории вариативности» [Földes, 2005]. При этом подчеркивается, что именно региолекты являются хронологически и функционально первичными вариантами немецкого языка, в то время как так называемый литературный язык (литературный стандарт, Standardsprache) – это, «в конце концов, только теоретический конструкт и нечто вторичное» (letztlich nur ein theoretisches Konstrukt – etwas Sekundäres) [там же, S. 38], су-

шествующее как нечто абстрактное. Он отличается специфической региональной неоднородностью, в которой проявляется своеобразие его культуры и из чего вытекает возможность выделения некоторых оппозиций, связанных с фактором региональности. В действительности литературному языку противопоставлено множество локальных диалектов, совокупность которых образует различные надрегиональные варианты языкового стандарта (*überregionale Standardsprachen*) [Földes, 2005, S. 43].

Ч. Фёльдеш предлагает рассматривать феномен вариативности немецкого языка на шкале, полюсами которой являются литературный язык (*Standardsprache*), с одной стороны, и иное использование / вариант немецкого языка (*andere Gebrauchsweise / Varietät der deutschen Sprache*), – с другой стороны. В рамках такого подхода выстраиваются следующие оппозиции:

1) литературный язык vs множественная вариативность немецкого языка (*mehrfache Regionalität des Deutschen*); а) наречия и местные диалекты; б) региональные обиходно-разговорные языки; в) национальные варианты немецкого языка; г) варианты, используемые национальными меньшинствами (*Kontaktdeutsch*); в этом случае речь идет об использовании миноритарного немецкого языка за пределами замкнутого немецкого языкового пространства (*geschlossenes deutsches Sprachgebiet*); такой вариант представляет собой особую форму региональности (и гибридности), поскольку в данном случае региональный диалект функционирует как единственная местная исходная аутентичная форма существования немецкого языка;

2) литературный язык vs региональные обиходно-разговорные языки (*regional (typisch)e Umgangssprachen*), например, так называемый рурский немецкий язык (*Ruhrdeutsch*);

3) северо- vs южнонемецкий обиходно-языковой стандарт (*nördlicher und südlicher Gebrauchsstandard*); границы существования этих стандартов совершенно не совпадают с границами государств, отражают давние культурные и политические различия в Германии и многочисленные стереотипы, нормативно проявляясь не на диалектном, а на более высоком уровне.

На основе этих оппозиций Ч. Фёльдеш считает более оправданной плюралистическую нормативно-ориентированную концепцию (*pluralistische Normkonzeption*), поскольку в различных вариан-

тах немецкого языка используются различные коммуникативные нормы, различающиеся в плане социальной престижности, но одинаково релевантные для лингвистики (*linguistisch betrachtet über die gleichen Wertpositionen verfügen*).

Занимаясь вопросом вариативности немецкого языка, автор пользуется термином «архитектура языка» (*Architektur einer Sprache*) [Földes, 2005, S. 39], трактуя ее как гетерогенное множество взаимосвязанных вариантов (хронологических, географических, социальных и т.д.) языка – множество, являющееся «культурной реальностью, определяющей субстанцию немецкого языка» (ср. аналогичную точку зрения М. Глаунингера [Glauning, 2013, S. 126] и Й. Херргена [Herrgen, 2015, S. 141]). Отмечается, что эта вариативная гетерогенность характеризуется известной регулярностью и упорядоченностью (*eine gewissermaßen regelhafte und geordnete Heterogenität*) [Földes, 2005, S. 39] при всей ее нестабильности и изменчивости под воздействием социальных, технических, культурных и других факторов.

Дается критический анализ теории полицентричности немецкого языка, основы которой заложил Х. Клосс [Kloss, 1978] и развили М. Кляйн [Clyne, 1992; Clyne, 2001], Р. Мур [Muh, 1987] и У. Аммон [Ammon, 1995]. Согласно этой теории различаются собственно-немецкий, австрийский и швейцарский варианты, функционирующие в национальных центрах немецкого языка¹, и по-

¹ Согласно концепции, на которой построен «Словарь национальных вариантов немецкого языка: Литературный язык в Австрии, Швейцарии, Германии, Лихтенштейне, Люксембурге, Восточной Бельгии и Южном Тироле, а также в Румынии, Намибии и в поселениях Меннонитов» [Variantenwörterbuch, 2016] различаются три типа языковых центров немецкого языка: 1) языковые центры (*Vollzentren*) – Германия, Австрия и Швейцария; 2) языковые полуцентры (*Halbzentren*) – Лихтенштейн, Люксембург, Восточная Бельгия, Южный Тироль; 3) языковые четверть-центры (*Viertelzentren*) – Румыния, Намибия, поселения меннонитов в Мексике. Во всех центрах и полуцентрах немецкий является национальным официальным языком (*nationale Amtssprache*) для всего государства (в Швейцарии он одновременно территориально ограничен, *in der Schweiz mit gleichzeitiger territorialer Beschränkung* [Ammon, 2016, S. 21]) или для определенного региона государства (региональный официальный язык, *regionale Amtssprache* – в Восточной Бельгии и Южном Тироле). В центрах национальные варианты немецкого языка кодифицированы в отличие от полуцентров. В четверть-центрах немецкий язык используется только немецким языковым меньшинством, не явля-

этому немецкий язык квалифицируется в специальной литературе как полицентричный / полинациональный (*plurizentrische / plurinationale Sprache*). Эта концепция основана на основной посылке, что национальные особенности языка (т.е. его специфика в различных государствах) проявляется не только на региональном и диалектном уровнях, но и на уровне литературного языка, что позволяет трактовать собственно-немецкий, австрийский и швейцарский варианты как равноценные. Как отмечает Ч. Фёльдеш, в устной и письменной практике носителей этих национальных вариантов возникают некоторые трудности, даже когда используется литературный язык. Так, например, юрист В. Кр. Лозе (председатель в суде по финансовым вопросам) с досадой отмечает, что в немецких и австрийских юридических текстах не совпадают значения терминов, что затрудняет коммуникацию в сфере законодательства и в правоприменительной практике [Lohse, 2002].

Ч. Фёльдеш различает три подхода к трактовке национальной вариативности немецкого языка, вытекающие из вышеназванной теории полицентричности / полинациональности немецкого языка: 1) из полицентричности языка следует полицентричность культур и, соответственно, различия в культурных стандартах в Австрии, Германии и Швейцарии [Muhr, 1996, S. 744–746]; 2) немецкому языку «генетически свойственна полицентричность» (*Deutsch als genetisch-inhärente plurizentrische Sprache*) [Glauninger, 2001, S. 171 ff.]; 3) национальные варианты немецкого языка являются выражением, соответственно, австрийского, немецкого и швейцарского мышления [Naumenko, 2001, S. 33].

Многие германисты, отмечает Ч. Фёльдеш, (например И. Райффенштайн), предпочитают термину «языковая / национальная полицентричность» термины «региональная полицентричность» (*regionale Plurizentrität*) и «региональная вариативность» (*regionale*

ется официальным языком и не кодифицирован. О четверть-центрах немецкого языка можно говорить только в тех случаях, если в используемом варианте зарегистрированы специфические для языкового меньшинства языковые единицы, если они используются в принятых типах текстов (прежде всего, в газетах) и если они одобряются местными авторитетами в области языка (преподавателями немецкого языка, журналистами и писателями). В «Словаре» зафиксированы 160 слов, используемых в четверть-центрах: 79 румынизмов, 37 намибизмов и 46 слов, принятых в мексиканских поселениях меннонитов [Variantenwörterbuch, 2016].

Variation) [Reiffenstein, 2001, S. 88]. Это предпочтение основано на том, что членение немецкого языкового пространства формировалось задолго до появления государств Германия и Австрия. К Майснер пишет даже о четырех немецких языках (Areal-sprachen), используя этот термин в значении «национальная вариативность», – о собственно-немецком, австрийском, швейцарском и немецком в бывшей ГДР» [Meißner, 1994, S. 17].

Ч. Фёльдеш указывает, что понятие полицентричности / полинациональности связано, в первую очередь, с письменной речью, а понятие полиареальности (Pluriarealität) – с устной речью и применимо к более широкому пространству. Теория синхронной и диахронной полицентрики (synchrone und diachrone Plurizentrik) [Földes, 2005, S. 47] имеет, по мнению Ч. Фёльдеша хорошие эвристические перспективы.

Сегодняшняя динамика развития немецкого языка характеризуется общим приближением к литературному стандарту, с одной стороны, и к обиходно-разговорному языку, – с другой. С этой динамикой контрастирует феномен «контактного немецкого языка» как нового типа языковой вариативности, для которого две вышеназванные тенденции не актуальны: этот тип вариативности находится под доминирующим влиянием соответствующего мажоритарного языка (например, венгерского). Это обстоятельство обращает на себя внимание лексикографов, специализирующихся в области двуязычных словарей, что отмечается в статье Ч. Фёльдеша «Австрийский немецкий в двуязычной лексикографии» [Földes, 2015]. Статья написана на материале немецко-венгерских / венгерско-немецких [Halász, 1952; Halász, Földes, Uzonyi, 1998] и немецко-словацких / словацко-немецких [Deutsch-slowakisches Wörterbuch, 1991] словарей [Lingea vel'iký slovník ..., 2008], в которых отражены австрицизмы. Анализируются совпадения / расхождения в лексикографических пометах к леммам.

Выбор именно этих двух языковых пар обусловлен: 1) близкими и продолжительными контактами венгерского и словацкого языков с немецким языком в его австрийском варианте; 2) более высоким уровнем престижа немецкого языка и симпатиями к нему в названных странах, чем, например, во Франции [Földes, 2015, S. 349]. Лексемы, пометы к которым анализируются, отбираются, прежде всего, в соответствии с критерием их известности и важно-

сти для речевого общения венгров и словаков. Такие лексемы относятся, в основном, к сфере кулинарии и гастрономии. Выяснилось, что лексикографические пометы к одной и той же лексеме не всегда совпадают в указанных словарях. Так, например, австрицизм *Powidl* (*Zwetschenmarmelade*, *Zwetschgenmuss*) «сливовое повидло» имеет следующие пометы: 1) в словаре Э. Халаса – *der / das Powidl, dialektal*; 2) в словаре Э. Халаса, Ч. Фёльдеша и П. Уцоньи – *der / das Powidl, A (=österreichisch)*; 3) в словаре М. Черны, М. Юриковой, Э. Геце и Э. Менке – *der / das Powidl, A*; 4) в «Большом немецко-словацком и словацко-немецком словаре» – *der Powidl, A*.

Однако некоторые австрицизмы, появившиеся еще в эпоху Австро-Венгрии (k.u.k.-Vokabular) [Földes, 2015, S. 351] и активно использующиеся и сегодня в Австрии, Венгрии и Словакии, например, слово *Schmafu* «чушь, ерунда» не отражены ни в одном из названных словарей.

Расхождения в информационном наполнении лемм касаются также фонетических помет, так, например, в словаре Э. Халаса указано типично австрийское ударение в слове со значением «математика» – *Mathem'atik*, а в словаре Э. Халаса, Ч. Фёльдеша и П. Уцоньи – два варианта: *Mathemat'ik* и *Mathem'atik*. Эти расхождения свидетельствуют о необходимости более тщательного лексикографирования австрицизмов в двуязычных словарях, считает Ч. Фёльдеш.

Лексикографические интересы автора проявляются также в его внимании к так называемому «слову года» (*Wort des Jahres*), которое сегодня выбирается во всех странах немецкого языка. Этому вопросу посвящена статья «Молодежное слово года: Коммуникативная реальность или молодежный язык как медиальный конструкт?» [Földes, 2019]. Выбор слова года (в том числе и молодежного) отражает непрофессиональную языковую рефлексия обычных носителей немецкого языка. Этот выбор привел к дискуссии в профессиональной среде: «портит» ли молодежный язык немецкий язык, или же, наоборот, креативность молодежной речевой практики запускает креативные процессы языковых изменений и, соответственно, обогащает язык?

В Германии слово года выбирается регулярно с 1977 г., а с 1991 г. – также самое неудачное слово года (*Unwort des Jahres*) и самое неудачное высказывание года (*Satz des Jahres*); в Австрии – с

1999 г. выбирается слово года, с 2002 г. также выражение года (Spruch des Jahres), с 2006 – неудачное выражение года (Unspruch des Jahres). Молодежное слово года выбирается в Германии с 2008 г., в Швейцарии – с 2009 г., в Австрии – с 2010 г.

Креативность молодежного языка проявляется в принципиально новых формах общения, например, в акронимах (*2 g4 u = too good for you* «слишком хорошо для тебя»), в сокращениях (*hdgl = hab dich ganz lieb* «очень люблю тебя»). Неоднородность молодежного языка дает основания говорить о существовании многих молодежных языков [Földes, 2019, S. 123].

В статье приводятся примеры молодежных слов и выражений разных лет (*I bims – Ich bin's* «Это я», 2017 г.; *Smombie < Smartphone + Zombie* «человек, не отрывающийся от смартфона»¹, 2015 г.; тюрк. / араб. *Yalla!* «Давай, давай! Поторапливайся!»), в том числе и из языка *Vong*. Существует так называемый *Vong*-генератор, который может превратить любое сообщение в *Vong*-текст. 51% всех немцев и 81% молодежной аудитории приняли эту языковую тенденцию, в результате чего этот язык стал активно использоваться в рекламном дискурсе: рекламное агентство «SchriftMedia GmbH» запатентовало выражение *I bims* и слово *Vong* как фирменные знаки.

Из-за своей популярности в СМИ молодежные слова года могут со временем войти в общеупотребительную лексику, как это произошло, например, с молодежным словом *geil*, которое теперь стало использоваться в значении «здорово, отлично». Это подтверждается изменениями в стилистических пометах к этому слову в словарях издательства «Дуден»: в 2007 г. это слово имело помету *jugendsprachl.* «молодежн», в 2015 и в 2017 гг. – *salopp.* «разговорн.-небрежн.» [там же, S. 133].

4. Проблемы взаимодействия языка и культуры

Важное место в исследованиях Ч. Фёльдеша занимают проблемы соотношения и взаимовлияния языка и культуры, т.е. тот аспект современной антропоцентрически ориентированной лин-

¹ Высказывается предположение, что это слово создано в издательстве «Langenscheid» [Földes, 2019, S. 132].

гвистики, который в российском языкознании получил название «лингвокультурология». Статья Ч. Фёльдеша «Язык – интеракция – культура: Критический анализ проблемы на примере лингвокультурологической парадигмы» [Földes, 2019 a] знакомит западноевропейских лингвистов с одним из самых активно развивающихся направлений российской лингвистики, мало им знакомым (даже в очень содержательной монографии Х. Куссе «Введение в культурологическую лингвистику» [Кузе, 2012] она упоминается только вскользь).

Начало формирования лингвокультурологической парадигмы Ч. Фёльдеш относит к концу XX в. Указывается, что в современном российском языкознании лингвокультурология «претендует на создание нового парадигматического фундамента для исследования взаимосвязи языка и культуры» [Földes, 2019 a, S. 85]. Автор прослеживает историю формирования советской / российской лингвокультурологии, анализирует ее основные понятия и положения с целью выявления ее научного вклада в гуманитарное знание.

Характеризуя ситуацию в международной лингвистике по проблеме изучения связи языка и культуры, Ч. Фёльдеш называет пять¹ типов концепций: 1) между языком и культурой не существует связи; 2) язык воздействует на культуру, определяя картину мира и обуславливая менталитет носителей языка (гипотеза Сепира-Уорфа; концепция «промежуточного языкового мира» Л. Вайсгербера); 3) язык – это и есть культура (подчеркивается не коммуникативная, а эстетическая или людическая функция языка); 4) культура и язык воздействуют друг на друга, т.е. «культура погружена в язык, поскольку она как целое представлена в текстах»

¹ В статье «‘Replikantia’ из запомнившегося в раннем детстве и в младшем школьном возрасте: Результаты и выводы одного психо-лингвокультурного эксперимента» [Donec, Földes, 2019], в которой характеризуются основные особенности лингвокультурологии, называются следующие три направления, в которых данная проблематика рассматривается российскими учеными: 1) язык → культура, т.е. язык воздействует на культуру, в результате чего формируются языковые картины мира; Ч. Фёльдеш полагает, что в этом случае речь идет, скорее, о воздействии языка на менталитет человека, на его мировоззрение, что должно изучаться с позиций философии языка, а не лингвокультурологии; 2) язык = культура, т.е. акцент делается на эстетической функции языка; 3) язык ← культура, т.е. культура отражается в языке [Donec, Földes, 2019].

[Гусева, Ольшансий, 2018, с. 323]; 5) культура воздействует на язык и отражается в нем, например в словах-реалиях (см.: [Dones, Földes, 2019, S. 209 f.]). Подводя итог анализу различных концепций, Ч. Фёльдеш указывает, что «культура, язык и мышление являются не абстрактными сущностями (abstrakte Entitäten), а базисными структурами поведения, дискурса и мышления (букв. ‘разума’, Verstand) сообщества. Они участвуют в каждой интеракции между членами этого сообщества, культурные и языковые формы что-то выражают и интерпретируются на основе моделей культуры» [там же, S. 89].

Первые предпосылки формирования лингвокультурологии Ч. Фёльдеш обнаруживает в страноведении 20–30-х годов XX в., преимущественно, в Германии, где страноведение возникло как аспект обучения иностранным языкам и содержало информацию об экономической и политической географии, истории, государственном устройстве и искусстве на территории изучаемого языка. Таким образом, исходной категорией была «страна». Собственного концептуально-терминологического аппарата такое страноведение не выработало.

В 70–80-х годах XX в. в Советском Союзе Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров заложили основы лингвострановедения, целью которого было описание культуры через возможности языка: исходной категорией стала культура, а объектом исследования – языковые единицы с национально-культурным компонентом семантики: безэквивалентная лексика, фразеологизмы и проективные тексты (projektive Texte) [Földes, 2019 a, S. 91]. Появились лингвострановедческие словари [Мальцева, 1998; Муравлева, 1997; Муравлева, Муравлева, 2003; Маркина, Муравлева, Муравлева, 2006; Германия, 2011].

Ч. Фёльдеш выделяет следующие основные положения советской / российской лингвокультурологии: 1) субъектом как языка, так и культуры является индивидуум или коллектив (этнос); 2) язык и культура относятся к формам сознания, накладывающим отпечаток на мировоззрение индивида и коллектива; 3) язык и культура существуют как артефакты, созданные индивидуумами и коллективом; 4) как язык, так и культура имеют нормативный характер; 5) язык и культура предписывают индивидууму и коллективу определенную систему ценностей; 6) язык и культура выпол-

няют кумулятивную и объединяющую функцию для разных поколений; 7) языку и культуре онтологически свойственны исторический и эволюционный характер [Földes, 2019 a, S. 95].

В статье подробно анализируются основные понятия и термины советской / российской лингвокультурологии (языковая картина мира, прецедентные феномены, языковая личность, лингвокультурная концептология, культурный концепт, лингвоконцепт, лингвокультурный концепт, концептосфера), а также соотношение лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Резюмируя работы по основным проблемам лингвокультурологии, автор приходит к выводу, что в них под концептом имеется в виду «конструктивный феномен (*konstruktiver Begriff*) аккумулирующий и сохраняющий информацию о языковой картине мира» [там же, S. 101].

Отмечается терминологическая неупорядоченность в публикациях по лингвокультурологии: так, наряду с термином «концепт» используются термины «культурный концепт», «лингвоконцепт» и «лингвокультурный концепт», причем все эти термины обозначают абстрактные понятия, ядром которых является культурная информация, имеющая экзистенциальное значение как для отдельной языковой личности, так и для всего русского лингвокультурного сообщества, например, «совесть», «судьба», «воля», «грех», «родина». «В отличие от культурного концепта лингвоконцепт в большей степени связан с языком и более полно отражен в языке», считает Ч. Фёльдеш [там же, S. 103]. Значение слова – это только часть концепта, что обуславливает необходимость языковой синонимии. «Лингвокультурные концепты не универсальны, чем они также отличаются от культурных концептов. Культурный концепт – это элемент культуры, понятный для каждого человека, выросшего в данной культуре и, следовательно, усвоившего ее концепты. Лингвокультурный концепт может быть и субъективным, т.е. зависеть от индивидуального опыта (человека. – Н. Т.)» [там же, S. 103].

Проанализировав российскую специальную литературу по вопросу о лингвокультурном концепте [Слышкин, 2004; Евсюкова, Бутенко, 2016; Воркачев, 2014], Ч. Фёльдеш выделяет следующие основные признаки лингвокультурного концепта, зафиксированные в российской лингвокультурологии: 1) его комплексный характер: он существует в сознании носителя языка, определяется особенно-

стями культуры и вербализуется в языке; 2) ментальная природа, что обуславливает когнитивный характер исследований; 3) его ядром является ценность, что отличает его от других ментальных единиц (когнитивного концепта, фрейма, гештальта, стереотипа); 4) вариабельность, т.е. возможность изменения его оценочности с отрицательной на положительную и наоборот; 5) ограниченность сознанием носителя языка; 6) нечеткость границ (самые важные для носителя языка ассоциации составляют ядро лингвокультурного концепта, менее важные – его периферию); 7) трехкомпонентная структура, которая состоит из фигуративных (образно-метафорических), понятийных и оценочных компонентов; 8) полипрезентативность (может быть представлен как языковыми средствами (словом, фразеологизмом), так и невербальными знаками); 9) многомерность (может иметь форму фрейма, скрипта и т.д.); 10) методологическая открытость (может быть классифицирован по темам и типам дискурса, средствам коммуникации и т.д.).

Ч. Фёльдеш приходит к выводу, что в советской / российской лингвокультурологии предпринята попытка по-новому представить соотношение языковых и ментальных единиц: «Если, например, в когнитивной лингвистике соотношение лексемы и концепта трактуется как один к одному, то в лингвокультурологии такое одномерное соответствие не признается, т.е. одной (культурно-маркированной) лексеме не обязательно соответствует один лингвокультурный концепт» [Földes, 2019 a, S. 105].

Следует отметить, что этой проблеме в статье уделяется большое внимание. Автор называет следующие общие черты лингвокультурологии и когнитивной лингвистики: 1) антропоцентричный характер их парадигм;

2) отнесенность к когнитивному направлению научного знания;

3) использование понятий концепта и языковой картины мира.

Различия Ч. Фёльдеш видит в следующем:

1) основным (исходным) объектом исследования в когнитивной лингвистике является когнитивный концепт, а в лингвокультурологии культурный концепт;

2) исследования в когнитивной лингвистике проводятся в направлении «язык – человек», в лингвокультурологии в направ-

лении «язык – человек – сознание – культура» [Földes, 2019 a, S. 107];

3) соотношение «концепт – языковая единица» (см. выше);

4) структура концепта инклюзивна и состоит из ядра (прототипического образа), ассоциативной периферии (абстрактных образов, возникших на основе ядерного образа), поля интерпретации; структура лингвокультурного концепта состоит из дефиниции (концепты вербализуются), образов (зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых, связанных с соответствующими предметами), ценностных представлений;

5) когнитивная лингвистика использует, в основном, понятие «языковая картина мира», а лингвокультурология, в основном, понятие «ценностная картина мира» [там же, S. 107–108].

В заключение статьи Ч. Фёльдеш приходит к выводу, что в тех направлениях международной лингвистики, которые ориентированы на культурологию, советская / российская лингвокультурология ближе всего к культурологической лингвистике, представленной, например в концепциях Г.Б. Палмера [Palmer, 1996] или Ф. Шарифиана [Sharifian, 2017] [Földes, 2019 a, S. 109]. Лингвокультурология развивается, в основном, в направлении когнитивной лингвистики, в то время как культурологическая лингвистика занимается, преимущественно, культурологическими аспектами познания.

Неудачным представляется Ч. Фёльдешу само название дисциплины – «лингвокультурология», так как о ее связи с языкознанием говорит только определяющее слово («лингво-»), но не определяемое («-культурология»), что выводит лингвокультурологию за пределы собственно лингвистики.

В целом по лингвокультурологической концепции современной российской лингвистики в статье Ч. Фёльдеша высказываются следующие критические замечания:

1) культуры трактуются как стабильные, практически неизменяющиеся феномены, все носители которых думают и общаются одинаково (ср. замечание Ч. Фёльдеша относительно изменений культуроспецифических знаний носителя языка в зависимости от изменений в социокультурном контексте и, соответственно, в языковой картине мира [Földes, 2016 a, S. 96]);

2) формирование значения языковых единиц трактуется как зависящее, в первую очередь, от национальных коннотаций, в то время как оно зависит, прежде всего, от особенностей культуры; кроме того, понятие национального входит в понятие культурного;

3) использование положений лингвокультурологии применительно к полицентричным языкам вызывает сомнение именно в силу их культурной гетерогенности;

4) неясно, почему в лингвокультурологии используется эмпирическая база лишь немногих лингвокультур.

Современная российская лингвокультурология не является «коперниковским поворотом в исследовании взаимодействия языка и культуры (keine kopernikanische Wende in der Erforschung der Sprache-Kultur-Allianz) [Földes, 2019 a, S. 111]. Современное состояние лингвокультурологии оценивается как недостаточно структурированное и систематизированное. Ее основные достижения состоят в том, что она перенесла акцент с языка как такового на лингвокультуру, т.е. поставила феномен культуры как аналитической категории в центр языковедческой проблематики (analytische Zentralkategorie in der Sprachwissenschaft [там же, S. 111].

Подчеркивается практическая значимость лингвокультурологии для теории перевода и преподавания иностранных языков.

Понятию прецедентности как одному из основных в терминотехнике лингвокультурологии посвящена совместная статья Ч. Фёльдеша и украинского лингвиста П.Н. Донца «‘Replikantia’ из забывшегося в раннем детстве и младшем школьном возрасте: Результаты и выводы одного психо-лингвокультурологического эксперимента» [Donec, Földes, 2019]. Исследуются прецедентные феномены (тексты), которые формируются в памяти маленького ребенка и которые вводят его в пространство родной культуры, на чем затем основывается действие текстов СМИ и рекламы.

Авторы обращают особое внимание на таком признаке прецедентных текстов, как их «реинтерпретируемость (Reinterpretierbarkeit) в других формах манифестации» [там же, S. 211], например, в опере, балете, живописи и т.д. При этом Ч. Фёльдеш и П.Н. Донец считают неудачным выбор термина «прецедентный текст», так как русское слово «прецедент» связано со сферой юриспруденции и акцентирует внимание на происхождении соответствующего феномена, но не на причинах его повторяемости.

Кроме того, едва ли можно объединить под одним термином такие разные явления, как «ситуация», «текст», «кия», «высказывание» [Dones, Földes, 2019, S. 211]. Более емким понятием / термином и более адекватной моделью описания феномена прецедентности авторы считают понятие / термин «репликация» и, соответственно, «репликативную» модель (Replikationsmodell) [там же, S. 212]¹.

Выделяются следующие этапы процесса номинации с участием в нем прецедентных феноменов: «наличие прецедентного феномена → возникновение мема → формирование прототипичности для классов определенных феноменов → появление копий определенного феномена в новой сфере действительности → повторное использование соответствующего имени / имен» [там же]. Поскольку имеет место повторение языковой единицы, авторы считают термин «репликация» более удачным, чем термин «прецедентный феномен».

5. Немецкий язык как язык современной науки и образования

Этот раздел обзора публикаций Ч. Фёльдеша целесообразно начать с приведения высказывания Хуберта Маркля, бывшего в 2002 г. президентом общества Макса Планка: «Передовая наука говорит по-английски». Это высказывание приводит Ч. Фёльдеш в своей статье «Язык науки и научная коммуникация – проблемы выбора между немецким, национальным и английским языком» [Földes, 2005 b]. Эта же доминанта в оценке языковой ситуации в немецкой научной сфере прозвучала и на заседании подкомитета немецкого парламента (Бундестага) по вопросам культурной и образовательной политики: «Немецкий как язык науки находится при смерти» [Földes, 2011, S. 37].

За прошедшие годы ситуация не только не улучшилась, но усугубилась: немецкий язык утратил свою прежде ведущую роль даже для немецких ученых. Сложившаяся ситуация объясняется не только экономическим, а следовательно, и политическим, культурным и языковым влиянием мощных англоязычных стран – прежде

¹ С этим предложением П.Н. Донец выступил в 2017 г. в другой своей статье – «Прецедентные феномены как периферия номинации» [Dones, 2017].

всего США, – но и развитием Болонского процесса, направленного на создание единого европейского пространства высшего образования (*Vereinheitlichung des europäischen Hochschulraums*), для чего потребовалась языковая координация университетских программ и внедрение английского языка как языка обучения. На начальных курсах в немецких университетах было введено 19 таких программ, на старших – 45, сообщает Ч. Фёльдеш в статье «В чем ценность немецкого языка?» [Földes, 2000]. Социологические опросы в студенческой среде, однако, показали, что, выбирая университет в Германии, иностранные студенты руководствуются, прежде всего, желанием углубить знание немецкого языка и поэтому заинтересованы в курсах немецкого языка как сопровождающих их обучение в Германии [там же, S. 289]¹.

Вытеснение немецкого языка английским происходит особенно быстро именно в академической сфере: по данным статистики, более 90% научных публикаций выходят сегодня на английском языке. Конференции, даже в немецких университетах, проводятся, в основном, на английском языке, нередко даже запрещается цитирование немецкоязычных источников, указывает Ч. Фёльдеш в статье «Немецкий язык как язык науки в контексте многоязычия в Восточной и Центральной Европе» [Földes, 2011, S. 38].

Перевод университетского образования с немецкого языка на английский приведет к обучению по сильно сокращенным программам (*Schmalspurstudium*), к отказу от гумбольдтианского идеала образованности, к выхолащиванию научного содержания в деятельности университетов [Földes, 2005 a].

Несколько иная ситуация складывается в этом плане в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, где пози-

¹ Эти результаты опроса подтвердились через 15 лет после публикации указанной статьи Ч. Фёльдеша, а именно в статье О. Рёш «Международное общение в высшей школе – в чем наши цели?»: наличие программ на английском языке в предпоследнюю очередь привлекает иностранных студентов в немецкие университеты, что, казалось бы, противоречит логике международного общения в высшей школе. Со ссылкой на «Меморандум Немецкой службы академических обменов» О. Рёш пишет, что именно высокое качество образования и хорошие условия для учебы и занятий научными исследованиями являются самой лучшей рекламой обучения в Германии [Rösch, 2015, S. 21].

ции немецкого языка традиционно сильны, отмечается в статьях Ч. Фёльдеша «Германистика и ее варианты перед вызовами европейского пространства высшей школы» [Földes, 2005 a], «Немецкий язык как язык науки в контексте многоязычия в Восточной и Центральной Европе» [Földes, 2011] и «Язык науки и научная коммуникация – проблемы выбора между немецким, национальным и английским языком» [Földes, 2005 b]. Автор, одним из родных языков которого является венгерский, подробно останавливается на ситуации в венгерских вузах, предпосылая этому описанию краткий экскурс в историю научной коммуникации в Венгрии, т.е. в той сфере, где до XVIII в. использовалась латынь: В 1533 вышел Латинско-немецкий словарь с пояснениями на венгерском языке (Lateinisch-deutsches Wörterverzeichnis) Яноша Мурмеллиуса (János Murmellius), в 1539 г. была опубликована на латыни грамматика венгерского языка Grammaticum Hungarolatina Яноша Сильвестера (János Sylvester), в 1653 г. – Венгерская энциклопедия (Magyar Encyclopedia) Яноша Апацаи Чере (János Apáczai Csere). Постепенно позиции венгерского языка в сфере образования и науки укреплялись, и в 1792 г. в Пешт-Буде (сегодня Будапешт) усилиями Андраша Вайи (András Valyi) была открыта университетская кафедра венгерского языка и литературы. С 1867 г. венгерский язык стал административным языком (Verwaltungssprache) [там же].

В XX в. венгерский язык играл важную роль в науке карпатского региона, но затем его сильно потеснил английский язык. Как отмечает Ч. Фёльдеш, сегодня в университетах, ориентированных на научно-теоретические исследования, английский язык востребован гораздо больше, чем в специальных вузах, готовящих своих студентов для решения практических задач. Так, например, в медицинских университетах английским языком занимается в четыре раза больше студентов, чем в специальных медицинских вузах.

В Венгрии позиции немецкого языка прочны в Будапештском техническом университете и в открывшемся в 2002 г. в Будапеште университете им. Андраши – единственном немецкоязычном учреждении высшего образования за пределами немецкоязычного региона.

Сообщается о программе по привлечению высококвалифицированных немецких специалистов, вышедших на пенсию, для преподавания в вузах в странах Центральной, Восточной и Юго-

Восточной Европы – программе, разработанной фондом Иоганна Готфрида Гердера (Emeriti-Programme der Stiftungsinitiative Johann Gottfried Herder) и, безусловно, способствующей укреплению позиций немецкого языка в венгерской науке и в образовании. Однако при этом немецкие университеты стараются привлечь венгерских студентов (в числе прочих иностранных) к обучению в немецких университетах, предлагая программы и возможности защиты диссертаций на английском языке [Földes, 2011, S. 51].

В такой ситуации, считает Ч. Фёльдеш, германисты, работающие не в немецкоязычных странах, должны поддерживать использование немецкого языка, не противопоставляя его английскому. Будущее немецкого языка в научной сфере зависит от того, в скольких областях науки, с какими учеными, на какие темы и как часто будет вестись общение на немецком языке, т.е. ситуация зависит от степени лояльности немецких ученых своему родному языку. Ч. Фёльдеш ссылается на немецкую газету «Zeit», сообщая об одном очень досадном случае языковой нелояльности: Президент австрийского института науки и техники (Institute of Science and Technology Austria) Томас Хенцингер (Thomas Henzinger), чьим родным языком является немецкий, отвечал на вопросы журналистов, заданные на немецком языке, по-английски [там же, S. 54].

В области издательской политики в Венгрии наблюдаются следующие тенденции: 1) на английском языке издается больше наименований книг, чем на немецком, однако тиражи книг на немецком языке выше; 2) на английском языке издаются в основном научно-исследовательские работы, а на немецком – научно-популярные [там же, S. 52].

Явным признаком сегодняшнего преобладания английского языка в научной сфере является и то, что самый авторитетный лингвистический журнал Венгрии Acta Linguistica Hungarica перешел, в основном, на английский язык: в последних четырех выпусках только одна статья опубликована на немецком, остальные – на английском.

Признавая, что английский язык является удобным средством международной научной коммуникации, Ч. Фёльдеш напоминает о тех когнитивных проблемах, которые связаны с переходом на язык иной культуры в процессе обучения и в целом в познавательном процессе: 1) в формировании научных понятийных сис-

тем важную структурирующую роль играют метафоры, а они всегда культуроспецифичны; 2) научные термины связаны с лексико-семантическими группами и гнездами и, соответственно, ассоциированы с определенными семантическими контекстами употребления; 3) теоретическое мышление развивается на базе естественного языка, причем небезразлично, на каком языке изначально была сформулирована мысль, так как всегда существует специфика в языковом структурировании мира, ведь слова предоставляют различные возможности трактовать и упорядочивать смыслы [Földes, 2005 b, Földes, 2011, S. 52].

Подчеркивается важность сохранения национальных научных школ и преподавания на национальных языках, так как переход исключительно на английский язык означал бы утрату научных традиций и приспособление к англо-американской системе моделей научного знания и, что особенно важно, к системе ценностей [Földes, 2005 b].

В превращении английского языка в *lingua academica universalis* Ч. Фёльдеш видит вполне определенные риски: «эрозию» других национальных языков и утрату своей «когнитивной родины» (*Denkheimat*) [Földes, 2011, S. 53] носителями этих языков. Именно к этому может привести сведение роли языка только как к коду общения. Поэтому Ч. Фёльдеш выступает за многоязычие в научной сфере и против учреждения англоязычной монокультуры: английский язык стал сегодня «мегаязыком науки» (*Megasprache*), а немецкий – языком определенных «научных ниш» (*Nischensprache*) [там же, S. 54].

Стремление к широко разрекламированному европейскому многоязычию должно сочетаться со стремлением к сохранению своего родного языка, в чем важную роль должны играть носители языков, в том числе ученые, подчеркивает Ч. Фёльдеш.

Меры по созданию общеевропейского пространства высшего образования предъявило особые вызовы германистике как специального раздела языкознания. Этой проблеме посвящена статья Ч. Фёльдеша «Германистика и ее варианты перед вызовами европейского пространства высшей школы» [Földes, 2005 a]. Автор констатирует, что современная германистика существует как ряд «национальных наук» (*Nationalwissenschaften*). В связи с этим он различает: 1) собственно-немецкую германистику, т.е. германи-

стику в немецкоязычном регионе (интракультурную германистику, основанную на традициях немецкой культуры, *eigenkulturelle Germanistik, Inlandsgermanistik*); 2) инокультурную, т.е. зарубежную германистику – германистику в не-немецкоязычных странах (*fremdkulturelle Germanistik, Auslandsgermanistik*), которая представлена рядом научных школ. Учитывая их концептуальное разнообразие и различные научные традиции, Ч. Фёльдеш даже употребляет слово «германистика» применительно к этим странам во множественном числе – «германистики» (*Auslands- / fremdkulturelle Germanistiken*) [Földes 2005 a]. Гетерогенность зарубежных германистик объясняется различными углами зрения, под которыми германисты этих стран смотрят на немецкоязычный культурный ареал, а также различиями в истории отношений этих стран со странами немецкого языка. Это определяет выбор различных направлений в университетской подготовке германистов, в соответствии с чем выбираются следующие цели подготовки: 1) обучение немецкому языку и переводу (чаще всего); 2) подготовка по немецкой философии литературе и культуре (лекционные курсы во всех регионах, где немецкий язык сохраняет репутацию языка высокой культуры); 3) подготовка по лингвистической и литературоведческой германской филологии (традиционные курсы).

Одним из национально-специфичных вариантов германистики с давними научными традициями является венгерская германистика, так как история Венгрии обусловила настолько тесное взаимодействие с немецкой культурой, что знание последней входит в общеобразовательную подготовку венгерских граждан.

Ч. Фёльдеш уверен, что именно использование опыта национальных зарубежных германистик приблизит подготовку студентов-германистов к требованиям современного рынка труда, для чего необходимо профессионально профилировать эту подготовку: готовить студентов к практической деятельности в качестве экспертов по вопросам языка и культуры, переводчиков в сфере экономики и даже квалифицированных делопроизводителей. Глубокими теоретическими филологическими изысканиями предстоит заниматься лишь немногим, большинство же надо готовить к работе в книжных издательствах, СМИ, в культурно-дипломатической сфере. Соответствующие учебные программы должны предлагаться и в бакалавриате, и в магистратуре с учетом национально-

культурной специфики страны, в которой обучаются студенты-германисты.

Ч. Фёльдеш считает целесообразной не только стажировку студентов-германистов из не-немецкоязычных стран в странах немецкого языка, но и, наоборот, стажировку немецких студентов-германистов в странах зарубежной германистики. Таким образом будущие немецкие германисты смогут посмотреть на свой родной язык и культуру со стороны и увидеть в ней новые аспекты, т.е. интракультурная германистика может извлечь большую пользу для себя из эвристических ресурсов инокультурных, т.е. зарубежных германистик. Это предложение Ч. Фёльдеш подкрепляет ссылкой на известное высказывание Гёте: «Кто не знает иностранных языков, не знает ничего и о своем родном».

В качестве востребованного модуля германистического образования рекомендуется проведение летних университетов, как это было сделано, например, в 2004 г. в Дрездене, где тему «Европейские ключевые слова» обсуждали студенты-германисты из разных стран Европы.

Ч. Фёльдеш убежден, что активное сотрудничество национальных германистик 44 (!) стран, граничащих с немецкоязычным регионом (Angrainergermanistiken), может внести достойный вклад в «европеизирование германистики» (Europäisierung der Germanistik) и в результате углубить и расширить культурные контакты в Европе. Особенно важно при этом учесть контакты с носителями автохтонных языков на территории немецкоязычных государств (сорбами, словенами и др.), а также с аллохтонными языковыми меньшинствами (например, с трудовыми мигрантами).

Таким образом, германистика, представленная в публикациях Ч. Фёльдеша в различных ее вариантах, остро реагирует на важнейшие вызовы сегодняшнего дня. Автор намечает основные направления развития германистики как одного из традиционных разделов языкознания.

Список литературы

Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема: (Продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – № 49 (3). – С. 12–20.

- Германия: Лингвострановедческий словарь = Deutschland: Realienwörterbuch. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 991 с.
- Гусева А.Е., Ольшанский И.Г. Лексикология немецкого языка. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 447 с.
- Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю. Лингвокультурология. – Изд-е 4-е. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 480 с.
- Мальцева Д.Г. Германия: Страна и язык. = Landeskunde durch die Sprache: Лингвострановедческий словарь. – М.: Русские словари, 1998. – 383 с.
- Маркина Л.Г., Муравлева Е.Н., Муравлева Н.В. Культура Германии: Лингвострановедческий словарь = Kultur Deutschlands: Realienwörterbuch. Свыше 5000 ед. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 1181 с.
- Московская немецкая газета = Moskauer deutsche Zeitung. – Mode of access: <https://ru.mdz-moskau.eu/> (дата обращения – 11.04.2020).
- Муравлева Н.В. Австрия: Лингвострановедческий словарь. – М.: Метатекст, 1997. – 415 с.
- Муравлева Н.В. (Muravlova N), Муравлева Е.Н. (Muravlova E.) Австрия: Лингвострановедческий словарь. Более 5000 слов. статей. = Österreich. Realienwörterbuch. Über 5000 Stichwörter. – М.: Русский язык – Медиа, 2003. – 656 с.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронеж. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – Вып. 1. – С. 29–35.
- Ammon U. Deutsche Sprache: Stadien und Formen der Entwicklung zur Nationalsprache // Sociolinguistica. – Berlin; Boston, 2016. – Bd 30: Standardisierung von Sprachen: Theorie und Praxis = Language standardisations: Theory and praxis = La standardisation des langues: Theorie et pratique. – S. 1–23.
- Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und in der Schweiz: Das Problem der nationalen Varietäten. – Berlin; New York: de Gruyter, 1995. – 575 S.
- Clyne M. German as a pluricentric language // Pluricentric languages: Differing norms in different nations. – Berlin; New York: de Gruyter, 1992. – P. 117–147.
- Clyne M. Varianten des Deutschen in den Staaten mit vorwiegend deutschsprachiger Bevölkerung // Deutsch als Fremdsprache: Ein Internationales Handbuch. – Berlin; New York: de Gruyter, 2001. – S. 2008–2015.
- Deutsch-slowakisches Wörterbuch, Nemecko-slovenský slovník / Čierna M., Juriková M., Géze E., Menke E. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1991. – 968 S.
- Donec P.N. «Präzedenz-Phänomene» als nominative Peripherie // Interkulturelle Linguistik als Forschungsorientierung in der mitteleuropäischen Germanistik. – Tübingen: Narr Francke Attempto, 2017. – S. 53–62.
- Donec P.N., Földes Cs. «Replikantia» aus dem frühen Kindes- und Grundschulalter: Befunde und Schlüsse eines psycho-linguokulturellen Experiments // Die Leistung der Philologie bei der Deutung der Kultur (en). – Tübingen: Stauffenburg, 2019. – S. 207–233.

- Földes Cs.* «Jugendwort des Jahres»: Kommunikative Realität oder mediale Konstruktion von Jugendsprache? // *Wirkendes Wort*. – Trier, 2019. – Jg. 69, H. 1. – S. 121–139.
- Földes Cs.* Die deutsche Sprache und ihre Architektur. Aspekte von Vielfalt, Variabilität und Regionalität: Variationstheoretische Überlegungen // *Studia Linguistica*. – Wrocław, 2005. – Vol. 24, № 2743. – S. 37–59.
- Földes Cs.* Diskurse im Wirkungsraum von Zweisprachigkeit: Werkstattbericht aus einem Forschungs- und Dokumentationsprojekt // *Wort – Text – Diskurs*. – Frankfurt a.M.: Lang, 2016. – S. 321–336.
- Földes Cs.* Germanistik und ihre Variationen an der Schwelle neuer Herausforderungen im europäischen Hochschulraum // *Deutsch als Fremdsprache*. – Berlin, 2005 a. – Jg. 42, H. 4. – S. 195–203.
- Földes Cs.* Interkulturalität – Heterogenität – Migration und ihre Folgen für Deutsch als Fremdsprache: Zweitsprache: Notizen aus einer Erfurter Perspektive // *Konstanz und Variationen: Die deutsche Sprache in Mittel-, Ost- und Südosteuropa*. – Berlin: Wissenschaftl. Verlag., 2017. – S. 104–126.
- Földes Cs.* Kulturelles Wissen in Dynamik: Veränderungen im Weltbild Deutschsprachiger am Beispiel moderner Sprichwortformen (wie Anti-bzw. Nach-Sprichwörter) // *Zeitschrift für mitteleuropäische Germanistik*. – Tübingen, 2016 a. – S. 95–114.
- Földes Cs.* Mediensprache im Kontakt der Kulturen: Beispiel «Moskauer Deutsche Zeitung» // *Sprach- und Textkulturen – interkulturelle und vergleichende Konzepte*. – Tübingen: Narr, 2018. – S. 43–77.
- Földes Cs.* Österreichisches Deutsch in der bilingualen Lexikographie: eine exemplarische Untersuchung // *Dimensionen des Deutschen in Österreich: Varianten und Varietäten im sozialen Kontext*. – Frankfurt a. M.: Lang, 2015. – S. 345–359.
- Földes Cs.* Politische Sprache und Interkulturalität – am Beispiel der Presse deutscher Minderheiten // *Sprachgebrauch in der Politik: Grammatische, lexikalische, pragmatische, kulturelle und dialektologische Perspektiven*. – Berlin; Boston: de Gruyter, 2018 a. – S. 299–317.
- Földes Cs.* Sprache – Interaktion – Kultur: Ein Beitrag zur Problemdemontage anhand des Paradigmas *Linguokulturologie* // *Facetten der Mehrsprachigkeit aus theoretischer und unterrichtspraktischer Sicht*. – Münster: New York: Waxmann, 2019 a. – S. 85–115.
- Földes Cs.* Sprachliche Praktiken im Spannungsfeld von Variation und Mehrsprachigkeit: Ein Beitrag zur Empirie // *Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache*. – Berlin; Boston: de Gruyter, 2013. – S. 119–142.
- Földes Cs.* Ungarndeutsche Sprachvariation und Mehrsprachigkeit: Ein Korpusprojekt auf der Basis von empirischer Feldforschung und Online-Dokumentation // *Sprachtheorie und germanistische Linguistik*. – Münster: Nodus Publicationen, 2016 b. – S. 167–190.
- Földes Cs.* Was ist die deutsche Sprache wert? // *Wirkendes Wort*. – Trier, 2000. – Jg. 50, H. 2. – S. 275–296.

- Földes Cs.* Wissenschaftssprache im Kontext der Mehrsprachigkeit in Ostmitteleuropa // Sprache und Sprachbewusstsein in Europa: Beiträge aus Wissenschaft, Öffentlichkeit und Politik. – Bielefeld: Transcript-Verlag, 2011. – S. 37–56.
- Földes Cs.* Wissenschaftssprache und Wissenschaftskommunikation im Spannungsfeld zwischen Deutsch, Nationalsprache und Englisch // Perspektiven der Germanistik in Europa: Tagungsbeiträge. – München: Iudicium, 2005 b. – S. 258–272.
- Garbe J.* Deutsch im Nobelvorort: Zum Beitrag «Am Kap der Erwartung» von Andreas M. Rausch, erschienen in der Zeitschrift für Kulturaustausch 2 / 98 // Zeitschrift für Kulturaustausch. – Stuttgart, 1998. – H. 48. – S. 9–10.
- Glauninger M.M.* Zur Sonderstellung des Deutschen innerhalb der «plurizentrischen» Sprachen: Reflexionen anhand eines sprachgeschichtlichen Vergleichs zwischen Englisch und Deutsch // Sprache – Kultur – Identität: Festschrift für Katharina Wild zum 60. Geburtstag. – Pécs, 2001. – S. 171–180.
- Glauninger M.M.* Deutsch im 21. Jahrhundert: 'pluri-', 'supra-' oder 'postnational'? // Dienst am Wort: Festschrift für Ioan Lazarescu zum 60. Geburtstag. Passau: Stuz, 2013. – S. 122–132.
- Halász E., Földes Cs., Uzonyi P.* Német-magyar nagyszótár Deutsch-Ungarisches Großwörterbuch. – Budapest: Akad. Kiadó, 1998. – 1876 S.
- Halász E.* Német-magyar szótár Deutsch-Ungarisches Wörterbuch. – Budapest: Akad. Kiadó, 1952. – XXXI, 696 S.
- Herrgen J.* Entnationalisierung des Standards. Eine perzeptionslinguistische Untersuchung zur deutschen Standardsprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz // Standarddeutsch im 21. Jahrhundert: Theoretische und empirische Ansätze mit Fokus auf Österreich. – Wien: V&R unipress, 2015. – S. 139–164.
- Kloss H.* Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. – 2., erw. Aufl. – Düsseldorf: Pädagog. Verlag «Schwann», 1978. – 463 S.
- Konzepte. – Tübingen: Narr, 2018. – S. 43–77.
- Kuße H.* Kulturwissenschaftliche Linguistik: Eine Einführung. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. – 319 S.
- Lingea* vel'ký slovník nemecko-slovenský, slovensko-nemecký. – Bratislava: Lingea, 2008. – 1264 s.
- Lohse W.Chr.* Sprachenvielfalt und einheitliche Rechtsanwendung in der EG: Dargestellt am Beispiel des Umsatz-/Mehrwert-Steuer // Umsatzsteuer-Rundschau. – Köln, 2002. – № 51. – S. 393–405.
- Meißner K.* Grammatik und Rechtschreibung zum Lernen und Nachschlagen. – Bergisch Gladbach: Lingen, 1994. – 480 S.
- Muhr R.* Deutsch in Österreich – Österreichisch: Zur Begriffsbestimmung und Normfestlegung der Standardsprache in Österreich // Grazer Arbeiten zu Deutsch als Fremdsprache und Deutsch in Österreich. – Graz, 1987. – H. 1. – S. 3–21.
- Muhr R.* Kulturstandards in Österreich, Deutschland und der Schweiz im Vergleich – Sprache und Kultur in plurizentrischen Sprachen // Blickwinkel: Kulturelle Optik und interkulturelle Gegenstandskonstitution. Akten des III. Internationa-

- tionalen Kongresses der Gesellschaft für interkulturelle Germanistik. – Düsseldorf, 1994. – München: Iudicium, 1996. – S. 743–757.
- Naumenko A.* Nationale Varianten der deutschen Sprache aus anthropologischer Sicht // Mehr Sprache – mehrsprachig – mit Deutsch: Konzepte und Thesen. XII. Internat. Tagung der Deutschlehrerinnen und Deutschlehrer. 30. Juli bis 4. August 2001. – Luzern, 2001. – S. 33.
- Palmer G.B.* Toward a theory of cultural linguistics. – Austin: Univ. of Texas Press, 1996. – 360 p.
- Reiffenstein I.* Das Problem der nationalen Varietäten: Rezensionssaufsatz zu Ulrich Ammon: Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten – Berlin; New York, 1995 // Zeitschrift für deutsche Philologie. – Berlin, 2001. – H. 120. – S. 78–89.
- Rösch O.* Internationalisierung der Hochschulbildung – was sind *unsere* Ziele? // Die neue Hochschule. – Bonn, 2015. – H. 1. – S. 18–24
- Sharifian F.* Cultural linguistics: Cultural conceptualisation and language. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. – XVII, 171 p.
- Variantenwörterbuch des Deutschen: German dictionary of regional language variants. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz, Deutschland, Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol sowie Rumänien, Namibia und Mennonitensiedlungen / Ed. by Ammon U., Bickel H., Lenz A.N. – Berlin; New York: de Gruyter, 2016. – LXXVIII, 916 S.

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК: 81'272

DOI: 10.31249/ling/2021.01.02

Раренко М.Б.

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЕЕ МЕСТО В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (Обзор)

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В обзоре миграционная лингвистика, вызванная к жизни активными миграционными процессами, усилившимися в мировом сообществе в последнее время, рассматривается как самостоятельное направление внутри лингвистических исследований, имеющее собственные предмет и объект изучения. Миграционные процессы представляют собой довольно противоречивое явление, имеющее как положительные, так и отрицательные последствия для общества в целом. Миграционный дискурс противопоставляется некоторыми исследователями антимиграционному дискурсу, что отражает отношение к миграционным процессам в обществе.

Ключевые слова: миграционная лингвистика; миграция; миграционные процессы; миграционный дискурс; антимиграционный дискурс; междисциплинарный подход.

В настоящее время миграционные процессы, интенсивно наблюдаемые во всем мире, оказывают влияние на разные аспекты жизни, в том числе на язык или языки принимающего мигрантов

государства. Не подлежит сомнению то, что меняя свое место жительства, мигранты вынуждены овладевать новым для себя языком, усваивать новые, часто непонятные и даже противоречившие их национальной культуре традиции и привычки, менять свой менталитет, если они хотят интегрироваться в новое для них сообщество. Однако то, что язык принимающего мигрантов государства, испытывает значительные изменения, сталкиваясь с мигрантами, в течение долгого времени не принималось во внимание, поскольку, в лучшем случае, признавалось, что влиянию подвергается речь, но не сам язык. Однако, как показывают многочисленные исследования, это оказалось совсем не так. Под влиянием речи мигрантов необратимые процессы происходят и в языке принимающей стороны. И эти изменения заслуживают самого серьезного и пристального внимания и изучения. С.В. Шустова отмечает, что «исследование миграционных процессов имеет давнюю традицию, начиная с примеров миграции в США, Канаду и Австралию», и хотя «особую значимость миграционные процессы представляют в Европе», «для России вопрос о миграции населения давно приобрел актуальность. Так, В.О. Ключевский указывал, что история России есть история страны, которая колонизируется» [Шустова, 2019, с. 158].

М.В. Дружинина отмечает, что миграционные процессы носят «двусторонний поликультурный и многоязычный характер, так как происходит культурное и языковое взаимовлияние мигрантов на местных жителей. Иными словами, идет процесс смешения языков, культур, а динамика процессов гибридизации может иметь как положительные результаты, так и негативные последствия. К числу положительных явлений следует отнести возможность кооперации, реализацию международных проектов, обмен ресурсами, виртуальную мобильность, оперативное получение источников новой информации, внедрение инноваций и многое другое. Негативными моментами являются потеря национальной идентичности, коммуникативные сбои в общении представителей разных национальностей, разжигание неприязни к представителям других национальностей, вспышки национализма, выражение русофобии или других фобий, распространение англосаксонской культуры во всем мире, влияние английского языка на другие языки, тенденции к языковой экспансии, чрезмерное увлечение модными англий-

скими выражениями и словами, порождающими негативные языковые явления Denglish, Frenghish, Renglish и др.» [Дружинина, 2019, с. 102–103].

Миграция становится неотъемлемой частью жизни современного общества, поэтому неудивительно, что изучением различных аспектов миграционных процессов занимаются представители самых разных научных направлений. Так, антропология, изучая в основном общество на микроуровне, т.е. отдельных индивидов, социальные группы, домохозяйства, стремится найти ответ на вопрос: как миграция вызывает культурные изменения и воздействует на этническую идентичность. Антропологи занимаются межкультурными сравнениями, позволяющими строить обобщения, охватывающие разные территории и разные эпохи, т.е. антропологи ориентированы на построение универсальной, устанавливающей закономерности, и на общие законы теории. Исследования в области демографии, напротив, исследуя общество в целом (на макроуровне), ищут ответ на вопрос: как миграция воздействует на характеристики населения? Экономисты изучают причины, лежащие в основе принятия решения об эмиграции отдельными членами общества, а также насколько ожидания мигрантов оправдываются по переезде ими в другую страну. Для историков же основными являются вопросы, связанные с конкретными местами и периодами: каковы причины, определяющие движение населения, каковы его последствия, кто именно участвует в миграциях, когда начинается движение, и почему люди начинают мигрировать и пр.? Для социологов главными вопросами выступают: почему происходит миграция, что делает миграцию устойчивой во времени и пр., при этом социологи изучают, как правило, принимающие общества. Политологов интересуют в связи с проблемой миграции три вопроса: роль национального государства в управлении миграционными потоками и в контроле над собственными границами; воздействие миграции на институты суверенитета и гражданства и взаимосвязь миграции, с одной стороны, и внешней политикой и политикой национальной безопасности, с другой, а также проблема инкорпорации [Черноусова, 2019, с. 70–75].

В.И. Костева, отмечая, что миграционные процессы, т.е. процессы переселения народов, как внутри одной страны (внутренняя миграция, внутригосударственная), так и между странами (внеш-

няя – эмиграция и иммиграция), в настоящее время являются предметом изучения различных наук – социологии, политологии и других, подчеркивает роль лингвистических исследований миграционных процессов, поскольку они находят непосредственное отражение в языке как самих мигрантов, так и диалектах и языках принимающих мигрантов сообществ. Более того, миграционный дискурс породил в современной лингвистике особый термин – «миграционная лингвистика» для обозначения научного направления, занимающегося изучением языковых изменений, вызванных к жизни разными аспектами миграционных процессов [Костева, 2019].

Как отмечает М.Р. Желтухина, «миграционная лингвистика исследует постоянный или временный процесс трансформации языка, зависящий от категорий пространства, времени, мотивации, а также социокультурных факторов», ее основными задачами являются лингвистическое моделирование миграционных процессов, разработка значимых категорий миграционных процессов и теоретико-методологической базы [Желтухина, 2019, с. 5]. Также «в сфере миграционной лингвистики речь идет о вариативности языка и речи как способности языка продуцировать конкурирующие средства выражения на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях и в стилистическом аспекте под воздействием внешних факторов» [там же].

Отмечается, что исследование современных миграционных процессов междисциплинарно, и в рамках филологии отмечаются пересечения миграционной лингвистики с другими лингвистическими направлениями в изучении смежных предметов и явлений такими, как когнитивная лингвистика и переводоведение, политическая лингвистика, метафорология и межкультурная коммуникация, теория коммуникации (типология коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью); социо- и психолингвистика, лингвоэкология, лексическая семантика и паремиология, дискурсология и пр. (более подробно см.: [там же, с. 5–6]).

Миграционная лингвистика существует на пересечении дискурсивных практик. Прежде всего, она относится к политическому дискурсу и, будучи частью политического дискурса, реализует акциональную, агональную, контролирующую и побудительную

(манипулятивную) функции. В области социального дискурса миграционная лингвистика связана с изучением таких аспектов, как расовая рознь, толерантность, мигрантский дискурс. Если миграционную лингвистику рассматривать в аспекте рекламного дискурса, понимаемого как институциональный дискурс, т.е. дискурса представителя определенного социального института, то в определенные моменты миграционная лингвистика может получать черты агрессивного дискурса.

Как одну из главных задач изучения миграционной лингвистики С.В. Шустова выделяет «моделирование миграционного дискурса с целью определения аспектов, позволяющих снижать конфликтность», в связи с чем «особую значимость приобретает изучение миграционного дискурса как совокупности текстов отражающих миграционные процессы, их протекание; актуализирующих социальных агентов этих процессов и социально-культурную практику» [Шустова, 2019, с. 157]. Исследователь пишет, что «с миграционными процессами связаны определенные риски, которые необходимо минимизировать в пользу тех выгод и того положительного эффекта, которые неизбежно влечет за собой миграция. В этом отношении миграционный дискурс взаимодействует с экономическим, демографическим, этническим, культурным, образовательным, религиозным, политическим дискурсами. Определить позиции пересечения и идентифицировать положительные и отрицательные факторы, связанные с миграционными процессами – задача, которая может быть решена только при условии взаимодействия специалистов разных областей» [там же].

Под миграционным дискурсом понимают «социальную практику, общение между агентами и социальными институтами, т.е. общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной или этнической группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [там же, с. 158]. Адресатом рекламного мигрантского дискурса являются мигранты, с которыми рекламодатели, организации, учреждения, социальные институты (как социальные агенты, как адресанты) взаимодействуют в процессе решения насущных проблем пребывания, проживания мигрантов на территории другого государства. Отмечается, что «рекламный мигрантский дискурс, как и, например, банковский рекламный дискурс и дискурс операторов

сотовой связи, характеризуется алгоритмизированностью, регламентированностью, последовательностью шагов, предпринимаемых действий» [Шустова, 2019, с. 167]. Рекламный мигрантский дискурс представляет интерес, прежде всего, своей информационной составляющей, включающей аспекты манипулятивного воздействия, чьей иллюкутивной целью является информирование максимального количества мигрантов о работе, заработной плате, экзаменах, необходимости оформить документы и др.

Понятие «мигрантский дискурс» включает такие универсальные категории, как целостность и логичность (или развернутость и последовательность), связность, завершенность, социологичность и этническую составляющую [там же, с. 161]. Базовым социальным агентом мигрантского дискурса является лексическая единица «мигрант» (имеющая синонимический ряд: переселенец, экспатриант, переведенец, перекочевщик, пришелец, иммигрант, уитлендер, спецпереселенец, невозвращенец, выходец, выселенец, эмигрант, иностранец, иноземец, чужестранец, иноплеменник, приезжий, колонист, чужак и пр.), которая выделяется как новый вид потребителя в связи с увеличением количества мигрантов, обусловленного активными миграционными процессами, поскольку мигранты становятся новой маркетинговой аудиторией для мобильных операторов, страховых фирм и банков.

Модель миграционного дискурса как любого дискурса имеет сложную структуру и включает лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты, актуализируемые в различных жанрах. Так, в рекламном мигрантском дискурсе выделяют такие жанры: объявления, опросные листы, брошюры, патент на работу, анкета, трудовой договор, листовки, буклеты, приглашения, бланки регистрации и пр.

В рекламном мигрантском дискурсе часто имеет место факт манипулирования сознанием, для чего используются разноуровневые средства. Как правило, в качестве такого средства выступает лексика, содержащая в своем семантическом потенциале значение положительной эмоциональной модификации: *безвозмездно, бескорыстно, бесплатно, быстро, оперативно, устойчиво, постоянно, легально, доступно, защита, содействие, помощь, поддержка, стабильно* [там же, с. 165].

Наряду с мигрантским дискурсом выделяют «антимигрантский дискурс», примером которого может служить реклама детского сада Kita Rabenhorst в Гамбурге: в изданной детским садом брошюре было написано: «Нашими услугами пользуется мало детей мигрантов» («Hardly any Migrants») (следует отметить, что в обществе реклама получила осуждение, и рекламодатели были вынуждены были ее изменить).

Как особую черту «дискурсивного пространства миграционного взаимодействия», которая отличает миграционный дискурс от прочих дискурсов, С.В. Шустова описывает то, что «в мигрантском дискурсе в сферу общения вовлекается не отдельная говорящая или слушающая “личность”, а говорящая и слушающая группа людей» [Шустова, 2019, с. 170–171], замечая, что «разработка моделей мигрантского и антимигрантского дискурсов может способствовать снижению конфликтности и речевой агрессии, или, наоборот, их усилению, в зависимости от поставленных целей. Рекламный дискурс в данном случае выступает эффективным инструментом» [там же].

Список литературы

- Дружинина М.В.* О роли языковой образовательной политики университета в процессе развития миграционной политики // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – С. 102–156.
- Желтухина М.Р.* Миграционная медиалингвистика: Конфликт versus кооперация в мультикультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – С. 5–21.
- Костева В.М.* Дискурсы миграции в лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – С. 46–52.
- Черноусова А.С.* О процессе интеграции мигрантов в пермскую городскую среду // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – С. 53–101.
- Шустова С.В.* Рекламный мигрантский и антимигрантский дискурсы // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – С. 157–178.

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК: 81'25

DOI: 10.31249/ling/2021.01.03

Раренко М.Б.

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты синхронного перевода, появившегося в начале XX в. и считающемся самым молодым видом перевода, который в настоящее время становится одним из самых востребованных видов перевода. Синхронный перевод сегодня представлен несколькими разновидностями: собственно синхронный, нашептывание (шушутаж), перевод с листа, синхронное чтение заранее переведенного текста, а также синхронизация видеотекста и синхронно-последовательный перевод.

Ключевые слова: перевод; устный перевод; последовательный перевод; синхронный перевод; виды перевода; собственно синхронный перевод; нашептывание (шушутаж); перевод с листа; синхронное чтение заранее переведенного текста; синхронизация видеотекста; синхронно-последовательный перевод; история перевода.

Rarenko M.B.

SIMULTANEOUS TRANSLATION AT PRESENT

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences (INION RAN)*

Abstract. The article discusses various aspects of simultaneous translation, which appeared in the early twentieth century and is considered the youngest type of translation, which is now becoming one of the most popular types of translation. Simultaneous translation is currently represented by several types: actually synchronous, whispering (chuchotage), translation from a sheet, simultaneous reading of a pre-translated text, as well as video text synchronization and synchronous-sequential translation.

Keywords: translation; interpretation; consecutive translation; simultaneous translation; types of translation; actually simultaneous translation; whispering (chuchotage); translation from a sheet; simultaneous reading of a pre-translated text; synchronization of the video text; synchronous-sequential translation; translation history.

В настоящее время роль перевода постоянно возрастает, и одной из причин следует признать процессы глобализации, интенсивно происходящие в мире. В самом общем виде собственно под переводом понимают, с одной стороны, процесс, в ходе которого происходит повторное создание речевого произведения исходного языка (ИЯ) на переводящем языке (ПЯ), а с другой, – результат этого процесса, т.е. появившееся в результате переводческого процесса речевое произведение на переводящем языке [Раренко, 2010, с. 115–117].

Активное теоретическое осмысление перевода приходится на середину XX в., хотя отдельные аспекты переводческой деятельности были предметом размышления уже в античный период, а трактаты на тему «как следует переводить», в которых переводчики отстаивали свои принципы перевода, часто носили взаимоисключающий характер. В XX в. в основу системного осмысления переводческого процесса был положен лингвистический аспект,

что последовательно прослеживается в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей [Бархударов, 1975; Комиссаров, 1973; Ширяев, 1979; Рецкер, 1950; Швейцер, 1988; Федоров, 1983; Catford, 1965; Nida, 1969 и пр.], впоследствии дополняемый другими, например лингвопсихологическими исследованиями [Артемов, 1966; Беляев, 1963; Беляев, 1965; Зимняя, 1975; Lambert, 1988; Dillinger, 1994 и пр.].

Две формы перевода – письменная и устная – оказываются сегодня в равной степени востребованы. Считается, что устный перевод предшествовал письменному по той причине, что первые контакты между носителями разных языков были устные.

Устный перевод имеет ряд отличий от письменного, обусловленных, в первую очередь, формой своего бытования. Во-первых, устный перевод предполагает однократность восприятия (так как фиксированные формы текстов на исходящем и переводящем языках отсутствуют)¹. Во-вторых, устный перевод в большей степени, чем письменный, контекстно обусловлен и позволяет инвариативность. В-третьих, для устного перевода характерна спонтанность, он осуществляется без отсрочки по времени. Практическая польза устного перевода заключается также и в том, что и говорящий, и слушающий находятся в одинаково выгодном положении, поскольку первый формулирует мысль на родном ему языке, при необходимости ее корректирует, а слушающий воспринимает сообщение на родном языке, при необходимости его уточняет, что не возможно при письменном переводе.

Согласно психолингвистическим исследованиям, устный перевод происходит либо в два этапа – анализа и синтеза, доведенных до автоматизма, либо в три этапа, а именно: прослушивание, восприятие, анализ и понимание лингвистически значимого сигнала; затем осмысление и, наконец, создание нового лингвистического сигнала.

Устный перевод, как известно, представлен двумя основными разновидностями – последовательным переводом и синхронным. При последовательном переводе переводчик приступает к

¹ Отметим, что в настоящее время наряду с собственно устным переводом довольно часто практикуется устный перевод с листа как разновидность устного синхронного перевода.

переводу (или, точнее говоря, приступает к озвучиванию текста на ПЯ) только после окончания речи говорящего или ее фрагмента. Если переводу подлежит довольно большой фрагмент текста, то происходит, как правило, перевод по абзацам, фразам, предложениям. При этом может вестись запись.

Синхронный перевод, или собственно синхронный перевод, представляет собой разновидность устного перевода, отличительной чертой которого является одновременность выступления оратора и перевода его речи синхронистом. Как отмечается в научной литературе, «главная особенность синхронного перевода заключается в параллельности восприятия речи оратора и порождения речи на языке перевода» [Ширяев, 1979, с. 6]. Описывая синхронный перевод, обычно говорят о том, что он осуществляется переводчиком одновременно, хотя на самом деле всегда происходит небольшое отставание в озвучивании переводного текста от текста говорящего, обычно для профессионального переводчика-синхрониста отставание составляет от 2 до 10 секунд в зависимости от тематики текста, его сложности, психо-эмоционального состояния как оратора, так и переводчика и пр.

Сферой применения синхронного перевода становятся, как правило, массовые международные события (собрания, совещания, встречи на высшем уровне, спортивные состязания и пр.), в которых принимает участие большое количество участников, говорящих на разных языках. Мероприятия отличаются продолжительностью, поэтому использование последовательного перевода не представляется возможным.

Осуществление синхронного перевода требует дополнительных финансовых средств, поскольку требует использование специальной аппаратуры, как правило, кабины с наушниками и микрофоном для переводчика, наушников и каналов переключения языков для реципиентов перевода.

История синхронного перевода неразрывно связана с историей перевода вообще. Переводческая практика представляет собой один из древнейших видов человеческой деятельности. Принято считать, что первые устные переводчики – толмачи, помогавшие преодолеть барьер в общении между разноязычными племенами и народностям, – появились сразу после того, как в истории человечества выделились разноязычные группы, и возникла

необходимость в переводе. Древнейшее из известных на сегодняшний день изображений переводчика – на древнеегипетском барельефе – относится к III тыс. до н.э. Тогда задачей переводчика, как и сейчас, было, по-видимому, обеспечение контакта между людьми, говорящими на разных языках.

Несмотря на долгую историю переводческой деятельности, выделение перевода в самостоятельную научную дисциплину со своим предметом изучения, задачами и методами происходит только примерно в середине XX в.

До начала XX в. особенно активно развивался литературный перевод, т.е. перевод художественной литературы, и, соответственно, главным критерием хорошего перевода считалась способность переводчика точной передачи особенностей индивидуально-авторского стиля текста оригинала. В XX в. стали интенсивно переводиться деловые материалы – коммерческие, научно-технические, политические, военные тексты, требовавшие учета жанровой специфики текста.

Потребность в новом виде перевода – синхронном – становится очевидной уже в начале XX в., когда наблюдается консолидация правительств в решении насущных проблем, затрагивающих интересы разных стран, и как следствие, появляются международные организации, например, Лига Наций в 1919 г., ООН в 1945 и т.д. Идея синхронного перевода принадлежит американскому бизнесмену Эдуарду Филейну, обратившему внимание на то, что последовательный перевод в Лиге Наций занимает очень много времени, и начавшему поиск решения этой проблемы. В 1925 г. Э. Филейн обратился в секретариат Лиги Наций с предложением использовать новый, более экономичный по времени, вид перевода: переводчик-синхронист, сидящий в специальной кабине, оснащенной телефоном и микрофоном, слушает речь оратора в телефонной трубке и одновременно проговаривает в микрофон перевод, который сразу же транслировался в наушники сидящим в зале.

Собственно синхронный перевод обладает существенными преимуществами по сравнению с другими видами устного перевода, поскольку, например, последовательный перевод требует значительных временных затрат, «нашептывание» может быть обременительным как для самого переводчика (в частности, надо

регулировать громкость перевода – он должен быть достаточно громким, чтобы его понимал тот, которому переводят, и довольно тихим, чтобы не мешать остальным участникам), более того, этот вид перевода не соответствует формату встреч высшего уровня.

Однако успешная реализация идеи синхронного перевода подразумевает специальное оборудование, патент на производство которого в 1926 или 1927 г. (в специальной литературе есть расхождение) выдан бостонскому радиоинженеру Гордону Финли и президенту фирмы «IBM» Томасу Уатсону [Миньяр-Белоручев, 1999, с. 124].

Так, если в самом начале своего появления (30-е годы XX в.) синхронный перевод вызывает самые ожесточенные споры среди его сторонников и противников, то после его использования на многих международных мероприятиях отношение к нему становится благожелательным.

До 1945 г. синхронный перевод используется нерегулярно. В СССР синхронный перевод с оборудованием впервые применяется в 1928 г. на VI конгрессе Коминтерна. Первые переводчики-синхронисты сидят на трибунах, оснащенные микрофонами, но без наушников, при этом качество передачи перевода не очень высокое, поскольку сопровождается помехами [Гофман, 1963, с. 20]. В 1933 г. на XIII пленуме Исполкома Коминтерна переводчики с наушниками сидят в специально оборудованных кабинках, и у них были наушники.

Суд над нацистскими военными преступниками, проходивший в Международном военном трибунале в 1945–1946 гг. и призванный осудить нацизм, известный как Нюрнбергский процесс, приводит к созданию ряда международных организаций, например Организации Объединенных Наций (1945), ЮНЕСКО (1946) и др., в состав которых входят многие страны мира. На Нюрнбергском процессе работают две команды переводчиков-синхронистов – советская команда и команда союзников, рабочих языков – четыре: русский, немецкий, английский и французский. Службой синхронного перевода руководит Леон Достерт – личный переводчик Дуайта Эйзенхауэра, 34-го президента США [Гофман, 1963].

В истории синхронного перевода Нюрнбергский процесс становится вторым рождением – теперь он окончательно становится всемирно признанным. Однако после Нюрнбергского про-

цесса в СССР синхронный перевод применяется только спустя пять лет – в 1952 г., при проведении Международного экономического совещания, однако в Организации Объединенных Наций синхронный перевод становится основным видом перевода (советские переводчики-синхронисты работают в ООН с 1961 г.). Востребованность синхронного перевода объясняется участием в мероприятиях на высшем уровне большого количества участников из разных стран, говорящих на разных языках.

Следующими важными по значимости для развития синхронного перевода событиям становятся Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в 1957 г. в СССР, и XXII съезд КПСС в 1961 г., в работе которого принимают участие делегации 80 зарубежных партий, а для осуществления синхронного перевода используется новейшее на тот момент оборудование: синхронный перевод осуществляется на 29 языков, включая индонезийский, вьетнамский, корейский, японский, арабский и несколько редких африканских языков.

Следующий этап развития синхронного перевода (с 1960 – по 1980 г.) непосредственно связан с интенсивным развитием кинематографа и проведение кинематографических фестивалей, а в последующие годы – с развитием кино- и видеоиндустрии в конце XX в.

Сегодня к основным разновидностям синхронного перевода обычно относят следующие: 1) собственно синхронный перевод, 2) нашептывание (шушутаж), 3) перевод с листа, 4) синхронное чтение заранее переведенного текста, а также 5) синхронизация видеотекста и 6) синхронно-последовательный перевод.

В отличие от собственно синхронного перевода, осуществляемого на большую аудиторию, нашептывание (шушутаж) – разновидность синхронного перевода, когда переводчик находится не в кабине, а, напротив, в зале среди слушателей переводит одному слушателю или небольшой группе, не используя при этом специальное оборудование для перевода. Осуществление перевода происходит вполголоса (отсюда и название), чтобы, с одной стороны, не мешать присутствующим в зале, с другой – чтобы его услышали реципиенты перевода. Этот вид синхронного перевода используется на массовых мероприятиях с несколькими иностранными гостями (которые и оплачивают услуги переводчика), а также на

двухязычных переговорах, в дополнение к последовательному переводу, который используется для общения между представителями разных сторон. Нашептыванием переводится общение представителей одной стороны иноязычным участникам, чтобы держать их в курсе обсуждаемых вопросов и при этом не тратить время и дополнительные средства на последовательный перевод одноязычной дискуссии (см. более подробно: [Раренко, 2011, с. 20–21]).

Следующая разновидность синхронного перевода – перевод «с листа» отличается смешанной модальностью восприятия, т.е. восприятие на слух дополняется зрительным восприятием текста, занимает промежуточное положение между устным переводом устной речи и устным переводом письменных материалов [Чернов, 1987, с. 8; Ширяев, 1979, с. 3]. В процессе синхронного чтения заранее переведенного текста, известного в американской культуре как *'Van Doren'* [Виссон, 1999, с. 23], переводчик подстраивается под речь оратора, чтобы перевод звучал как при собственно синхронном переводе, при необходимости корректируя текст [Ширяев, 1979, с. 3].

Перевод с листа и синхронное чтение переведенного текста считаются вторичными видами синхронного перевода.

Гибридная разновидность перевода – синхронно-последовательный (*simconsec*), появление которого относится к 1999 г., предполагает работу переводчика с техническим оснащением – наушниками и звукозаписывающим устройством: оратор произносит отрезок текста на языке оригинала, переводчик слушает и по желанию и при необходимости ведет записи, и в то же самое время отрезок текста фиксируется на звукозаписывающем устройстве. Когда оратор делает паузу для перевода, переводчик прослушивает в наушниках сказанное и осуществляет перевод, опираясь на записи или на свою память. Название перевода объясняется тем, что рецепиентом такой перевод воспринимается как последовательный, а для переводчика он носит смешанный характер.

Сегодня синхронный перевод – один из самых востребованных видов перевода, который осуществляют не только на мероприятиях высшего уровня, но и на конференциях, семинарах и лекциях сравнительно небольшого масштаба.

Подготовка профессиональных синхронистов ведет свою историю с 1948 г., и первым институтом, начавшим обучение син-

хронистов, становится Женевская школа переводчиков. В СССР обучение первых синхронистов происходит на Курсах переводчиков ООН при МГПИИЯ имени М. Тореза, учрежденных в 1962 г. в Москве. Среди высших учебных заведений России, готовящих переводчиков-синхронистов сегодня, – Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ) (Москва), Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Русская школа перевода в Москве, Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургская высшая школа перевода. Каспийская школа перевода в Астраханском государственном университете и др.

За рубежом центрами по обучению синхронному переводу являются Школа письменного и устного перевода при Монтерейском институте международных исследований (США), Университет Мэрилэнда (США), Университет Уэйк Форест (США), Университет Женевы (Швейцария), Университет Бата (Великобритания), Университет Лейпцига (Германия), Университет письменного и устного перевода и международных отношений Страсбурга (Франция) и др.

Список литературы

- Артемов В.А.* Психология обучения иностранным языкам. – М.: 1-й ГПИИЯ, 1966. – 279 с.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
- Беляев Б.В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 1965. – 227 с.
- Беляев Б.В.* Психологический анализ процесса языкового перевода // Иностранные языки в высшей школе. – М.: Росвузиздат, 1963. – Вып. 2. – С. 149–161.
- Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский. – М.: Р. Валент, 1999. – 274 с.
- Гофман Е.А.* К истории синхронного перевода. – М.: Издательство Института международных отношений, 1963. – 26 с.
- Зимняя И.А.* Психологический анализ перевода как специфического вида речевой деятельности // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: Материалы всесоюзной научной конференции. Ч. 1. – М., 1975. – С. 30–34.

- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973. – 216 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? – М.: Готика, 1999. – 176 с.
- Раренко М.Б.* Chuchotage // Основные понятия англоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник. – М.: ИНИОН, 2011. – С. 20–21.
- Раренко М.Б.* Перевод // Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт): терминологический словарь-справочник. – М.: ИНИОН, 2010. – С. 115–117.
- Рецкер Я.И.* О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: сб. ст. / под ред. К.А. Ганшиной и И.В. Карпова. – М.: Издание Академии педагогических наук РСФСР, 1950. – С. 156–183.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
- Федоров А.Б.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. – М.: Высшая школа, 1987. – 256 с.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. – М.: ЛКИ, 2007. – 208 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
- Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. – М.: Воениздат, 1979. – 183 с.
- Catford J.C.* A linguistic theory of translation. – London; Oxford: Oxford University Press, 1965. – 103 p.
- Dillinger M.* Comprehension during interpreting: what do interpreters know that bilinguals don't? // Bridging the gap. Empirical research in simultaneous interpretation / Ed. By S. Lambert, B. Moser-Mercer. – Amsterdam: Benjamins translation library, 1994. – P. 155–191.
- Lambert S.* Information processing among conference interpreters: a test of the depth-of-processing hypothesis // Meta. – 1988. – № 33. – P. 377–387.
- Nida E.A.* Science of translation // Language. – 1969. – Vol. 45, № 3. – P. 483–498.

Крылов С.А.*

**РОЛЬ ФИГУРЫ ГОВОРЯЩЕГО В ГРАММАТИЧЕСКОМ
СТРОЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.**

**Часть 3: Синтаксис сложного предложения
(опыт тематического дайджеста на материале
«русской грамматики» 1980 года)¹**

Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: синтаксис; сложное предложение;
союзная связь.

Данная работа представляет собой тематический дайджест высказываний представителей лингвистической русистики 1970-х годов по теме «роль фигуры говорящего в грамматическом строе русского языка», построенный на материале одного из самых подробных и систематичных описаний грамматического строя современного русского языка – академической грамматики русского языка 1980 г. (РГ-1980).

В РГ-1980 содержатся обширные сведения по данной теме. В принципе для того, чтобы найти соответствующие сведения в тексте данной грамматики, потенциально можно было бы воспользоваться предметным указателем к РГ-1980; однако тот предметный указатель, который входит в состав РГ-1980, вовсе не содер-

* © Крылов С.А., 2020.

¹ Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ № 17-04-00594 «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика», РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе РЯ», РФФИ № 17 29-07049 «Исследование методами искусственного интеллекта системы когнитивных операций, реализуемых в научных текстах» и РФФИ № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов РЯ (ОДКРЯ)».

жит словарной статьи «говорящий» или словарных статей, включающих слово «говорящий» в каких-либо грамматических формах. То же касается подробнейшего оглавления к этой грамматике: т.е. фигура «говорящего» не упоминается в этом оглавлении ни разу. Из этого, однако, не следует, что сведения о роли говорящего в грамматическом строе русского языка в РГ-1980 не содержатся; просто надо уметь их отыскать и систематизировать, и такой отбор представляет собой отдельную нетривиальную задачу.

Поэтому для того, чтобы компактно представить информацию по этой теме, надо обратиться к соответствующей базе данных. В дальнейшем изложении дайджест строится так: даются заголовки разделов и подразделов РГ-1980, в составе которых встречаются ссылки на роль говорящего в грамматическом строе русского языка, и приводятся соответствующие цитаты с точными ссылками на те страницы РГ-1980, откуда эти цитаты были взяты.

Подчеркнем, что научная критика (или, напротив, апологетика) по адресу РГ-1980 не входит в поставленную мною задачу. Субъективные умственные усилия, приложенные автором настоящего дайджеста, сводились лишь к тому, чтобы тенденциозно (т.е. субъективно) подобрать именно такие цитаты из текста РГ-1980, которые доказывают, что в тексте РГ-1980 данная проблематика рассматривается, причем с довольно высокой степенью подробности.

Сложное предложение

Введение

«§ 2753. Сложное предложение сообщает о нескольких ситуациях и об отношениях между ними или (специфический случай) об одной ситуации и отношении к ней со стороны ее участников или лица говорящего: *Мальчик пишет, а девочка читает; Когда мальчик пишет, девочка читает; Он сомневается, чтоб тебе понравилась эта книга; Боюсь, что мой приезд никого не обрадует.* Таким образом, сложное предложение – это целостная синтаксическая единица, представляющая собой грамматически оформленное сочетание предложений и функционирующая в качестве сообщения о двух или более ситуациях и об отношениях между ними» [Кручинина, 1980 а, с. 461].

Сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры

«§ 2767. С другой стороны, определительные отношения могут быть ослаблены: связь между существительным и придаточным предложением может иметь распространительный характер, объясняемый стремлением говорящего избежать повторения одного и того же слова (ср.: *Он подошел к окну. Окно выходило в сад*). Ослабление определительных отношений между существительным и присоединяемым к нему придаточным предложением, в свою очередь, открывает широкие возможности осложнения таких предложений элементами причинного, уступительного, противительного и других значений» [Кручинина, 1980 б, с. 468].

«§ 2768. Специфическим свойством союзов, участвующих в организации присловной связи, является полифункциональность, т.е. способность обслуживать несколько видов подчинительных отношений. Так, например, союз *что* может оформлять изъяснительные, следственные и – в более редких случаях – сравнительные отношения; союз *чтобы* – отношения изъяснительные, следственные и целевые; союзы *как*, *будто* – отношения изъяснительные и сравнительные. Такая полифункциональность обусловлена модальными свойствами перечисленных союзов, их способностью не только связывать предложения, но и выражать отношение говорящего к содержанию этой связи. Союз *как* во всех случаях своего употребления выражает одно и то же модальное значение – достоверности, которое в предложениях изъяснительного типа конкретизируется как значение достоверного сообщения (см. § 2780), а в предложениях сравнительного типа – как значение достоверного сравнения (см. § 2822). Семантикой предположительности предопределяется функционирование союза *будто*, семантикой желательности – функционирование союза *чтобы*» [Кручинина, 1980 б, с. 470].

Предложения с союзной связью частей

Изъяснительные предложения

**Синтаксико-семантическое распределение
изъяснительных союзов**

**Предложения с союзами, принадлежащими сфере
повествования**

Предложения с союзной связью частей

«§ 2775. Союзы, принадлежащие к сфере повествования, внутренне дифференцированы и противопоставлены. Основой их противопоставления является соотношение точек зрения субъекта действия или состояния и лица, воспроизводящего сообщение, т.е. говорящего. Союз *что* не разграничивает этих точек зрения; союз *будто* (или любой из его многочисленных синонимов; см. § 2777) характеризует содержание сообщения как такое, которое говорящий не признает своим и (или) в достоверности которого сомневается; союз *как* сигнализирует о полном совпадении точки зрения говорящего с точкой зрения субъекта (действия или состояния) и соответственно об оценке этого факта как вполне достоверного. Различия между союзами *что*, *будто* и *как* легче всего проследить там, где эти союзы имеют тождественное лексическое окружение, например: 1) *Мне снился сон, что сплю я непробудно* (Фет); 2) *Я зрел во сне, что будто умер я* (Лерм.); 3) *И я вижу во сне, как на волке верхом Еду я по тропинке лесной* (Я. Полонский). В первом случае говорящий (во всех трех примерах он же и субъект состояния) никак не квалифицирует воспринимаемого (союз *что*), во втором – квалифицирует его как несоответствующее действительности (союз *что будто*), в третьем – объективирует его, т.е. представляет как вполне достоверное (союз *как*). Таким образом, союзы *что*, *будто* и *как* составляют трехчленный ряд, внутри которого союз *что* выступает как семантически неспециализированный (он не сигнализирует ни о совпадении, ни о расхождении точек зрения субъекта и говорящего), а союзы *как* и *будто (что будто, как будто* и др.) – как семантически специализированные, наделенные соотносительными позитивными признаками. Указанные различия между союзами *что*, *будто* и *как* отражаются на их

синтаксико-семантическом распределении (употреблении)» [Кручина, 1980 б, с. 473].

«§ 2777. Союз *будто* и его синонимы *будто бы*, *как будто*, *как будто бы*, *что будто*, *что как будто*, *что как будто бы*, *как бы* (устар.), *якобы* (устар. И книжн.), а также союзы *словно*, *точно*, *ровно* (прост.) характеризуют содержание вводимого ими сообщения как такое, которое говорящий не признает своим и (или) в достоверности которого сомневается. В круг опорных слов, употребляющихся совместно с союзом *будто*, входит лексика, называющая речь (в широком смысле), мысль (суждение, мнение, предположение, размышление), впечатление, чувство и оценку (рациональную и вне специальных условий только негативную). При этом наибольшую активность обнаруживают слова, в самих своих значениях несущие элементы необъективности, неточного знания, неуверенности, предубеждения, сомнения, неодобрения или осуждения, т.е. всего того, чем может быть мотивировано размежевание точек зрения субъекта и лица говорящего.

Отец не любил офицеров по странному предубеждению, будто все военные картежники и мотишки (Гоголь); *Казалось, как будто разгневанное небо нарочно послало в мир этот ужасный бич, желая отнять у него всю его гармонию* (Гоголь); *Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь* (Лерм.); *Кто зрел ее, тот умирал. И слух в угрюмой полуночи Бродил, что будто как металл Язвили голубые очи* (Лерм.); *Херувимову кто-то сказал, что будто бы Руссо в своем роде Радищев* (Дост.); *Минутами мерещилось ему, что как будто он бредит* (Дост.); *Был оклеветан, будто украл, и пострадал невинно* (Л. Толст.); *Вчера была в Лувре, в музее, устала и села на скамеечку, и вдруг чувствую – точно мне провели рукой по спине* (А.Н. Толст.); *Вчера вечером председателю доложили, что бригадир втихомолку косит по вечерам для своей коровы и что будто бы за Потоками накошено у него на целый стог* (Белов).

П р и м е ч а н и е. Сомнению может быть подвергнуто не содержание, а самый факт существования сообщения; в этом случае придаточное предложение оформляется союзом *что*, а при опорном слове употребляется модальная частица *будто*, семантически соотносимая с союзом *будто*: *Феоктистов сказал будто,*

что в таком виде пропустить статью нельзя (Л. Толст., переписка)» [Кручинина, 1980 б, с. 475].

«§ 2778. (...) Союзы как *будто*, как *будто бы*, как *бы* (устар.), *словно*, *ровно* (устар., прост.) содержат элементы сравнительного значения, являющегося предпосылкой для последующего расхождения точек зрения субъекта и говорящего: *И услышала она, ровно кто вздохнул за беседкою* (Акс.); *Мне чудится, словно прошло мое горе* (Н. Языков); *Ему на время показалось, как бы он очутился в какой-то малолетней школе, затем, чтобы сызнова учиться азбуке, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний* (Гоголь)» [Кручинина, 1980 б, с. 476].

«§ 2779. Существенной характеристикой союза *будто* является его неупотребительность при словах с семантикой знания, понимания, памяти, интеллектуального восприятия, обнаружения и выявления, а также при словах, называющих речь или мнение (суждение, утверждение, предположение), если эта речь или мнение принадлежат самому говорящему, имеют позитивный характер и относятся к настоящему времени (*я убежден, уверен, считаю, полагаю, верю, надеюсь, не сомневаюсь..., что..., а также я обещаю, клянусь, заверяю, гарантирую, утверждаю..., что...*). Отнесение мнения говорящего в план прошлого, создающее условия для его переоценки и отчуждения, делает возможным употребление союза *будто*, однако эта возможность реализуется редко: *Я долго был убежден, будто нашел для каждого несчастного одинокого человека радостный выход в люди, в свет* (Пришв.). Употребление союза *будто* в сообщениях от первого лица возможно также в тех случаях, когда имеет место опровержение сообщаемого факта: *Я не верю (не думаю, не считаю, сомневаюсь, не говорю, не утверждаю...), будто произошла ошибка*. Однако в этих случаях изъяснительная связь чаще оформляется союзом *чтобы* (в знач. *Что*; см. § 2785), а не союзом *будто*; *Я сомневаюсь (не думаю, не верю), чтобы произошла ошибка*.

Союз *будто* легко совместим с сообщением, в котором субъект и говорящее лицо совпадают, если: 1) это сообщение связано с ощущением или впечатлением, по самой своей природе субъективными (*чувствовать, ощущать, казаться, чудиться, слышаться*): *И слышалось мне, будто снег хрустит* (Лерм.); *Похоже на то, как будто у него сильная лихорадка* (Чех.); *Явля-*

лось чувство, будто сижу за партией (Е. Мухина); 2) имеет место ситуация неискренности, когда говорящий не раскрывает своих подлинных чувств, мыслей, знаний: *Я сказал (покаялся, заверил..., или – при настоящем историческом; см. § 1505 Я говорю, клянусь, заверяю...), будто не слышал этих слов.* Для такой ситуации весьма характерна лексика со значением дезинформации (*притворяться, делать вид, обманывать*): *Я показал вид, как будто совершенно этого не заметил* (Гоголь).

Употребление союза *будто* при словах с оценочным значением ограничено только лексикой, опровергающей самый факт существования сообщения, т.е. словами типа *неправда, неверно, ошибка, ложь*. Слова с соотносительными позитивными значениями (*правда, верно*) с союзом *будто* употребляются только при вопросе: *Это правда, будто он уехал?*» [Кручинина, 1980 б, с. 476].

Предложения с союзом *как*

«§ 2780. Союзам *что* и *будто* противостоит союз *как*, сигнализирующий о полном совпадении точек зрения субъекта и говорящего, который оценивает сообщение как вполне достоверное (речь идет именно о совпадении, тождестве указанных точек зрения, но не об их неразличении)» [Кручинина, 1980 б, с. 476].

Косвенная речь

«§ 2803. (...). Под чужой речью понимается речь, не принадлежащая говорящему, а лишь воспроизведенная (пересказанная) им с возможным указанием на ее цель, источник и ситуацию, в которой она реализовалась. Чужой называется также речь самого говорящего, если она сопровождается комментарием, характеризующим говорящего как участника диалога.

Самый факт воспроизведения чужой речи предполагает наличие авторского плана, т.е. плана говорящего лица (рассказчика, автора), на фоне которого чужая речь только и может быть выделена» [Кручинина, 1980 б, с. 485].

«§ 2805. В строго выдержанной литературной речи синтаксическая организация чужого высказывания, т.е. оформление его средствами подчинительной связи, сопровождается рядом преоб-

разований структурного и стилистического порядка, во всей их совокупности обусловленных доминирующим положением авторского плана, активностью говорящего, который не просто пересказывает чужую речь, но конструирует ее в соответствии со своими целями и намерениями.

В области синтаксиса преобразованию подвергаются следующие аспекты чужой речи (первичного сообщения): субъектно-объектный (лицо), модальный (наклонение), словопорядковый. Временной план чужого высказывания сохраняется без изменений.

Субъектно-объектный план косвенной речи организуется с учетом такой расстановки субъекта речи (кто), адресата (кому) и предмета речи (о чем), которая ориентирована на говорящего, а не на того, кому принадлежит первичное сообщение; ср. субъектно-объектный (объект-адресат) план первичного сообщения, организованного субъектом действия: *Отец обещал детям: «Я подарю вам эту книгу»*, и субъектно-объектный план косвенной речи, организованный говорящим, по отношению к которому субъект действия (*отец*) выступает уже как третье лицо (*он*): *Отец обещал детям, что (он) подарит им эту книгу»* [Кручинина, 1980 б, с. 485–486].

«§ 280б. За пределами строгой письменной речи требования, предъявляемые к оформлению чужого высказывания средствами подчинительной связи, во многом теряют свою силу или по меньшей мере значительно ослабляются. Авторский план не играет здесь доминирующей роли, а говорящий выступает как простой передатчик чужих слов» [Кручинина, 1980 б, с. 486].

«Употребление личных форм нередко определяется точкой зрения автора первичного сообщения, а не говорящего: *Когда он пришел домой, я ему сказала, что или поступай, или уезжай из дому, а что всякая твоя ночь мне стоит год жизни, что я измучилась, что сиденье вечера у товарища слишком дорого обходится для моей жизни и здоровья* (С. Толстая, переписка); *Цветухин и Мефодий шли навстречу Пастухову, покачивая головами, как будто говоря без слов, что вот ты и покидаешь нас, изменник, а мы должны оставаться и завидовать твоему счастью* (Фед.); *Вы отмахивались от этих фактов, вы их отбрасывали, и такое заявление, которое вы сделали вчера о том, что “я просил эти факты,*

а мне их не давали”, это несерьезно (Н. Дубинин)» [Кручинина, 1980 б, с. 487].

Предложения расчлененной структуры

Предложения со значением обусловленности

Предложения, выражающие условные отношения

Предложения с союзами дифференцированных значений

«§ 3008. Специфика потенциально-условной разновидности проявляется в характере позиции говорящего лица. В конструкции индикативного типа (*Если он вернулся из отпуска, он придет сегодня на работу*) говорящий сообщает о своем незнании того, реальна или нереальна ситуация, о которой говорится в придаточной части; здесь представлена альтернатива (‘если он вернулся из отпуска, он придет сегодня на работу’ – ‘если он не вернулся из отпуска, он не придет сегодня на работу’), причем обе версии равноценны с точки зрения соответствия действительности» [Ляпон, 1980 а, с. 571].

Предложения с несобственно-условным значением

«§ 3019. В предложениях, оформленных при участии специализированного коррелята, в результате подчеркивания значения вывода, следствия, умозаключения условно-гипотетическое значение придаточной части ослабляется: она приобретает значение реального довода, аргумента, мотивирующего вывод. При этом союз *если* может становиться факультативным элементом конструкции: *Странно, я раз сказал ему, что мне нравится его “Демон”... А он мне ответил: «Вам нравится – значит плохо»* (К. Коровин); *А не скажешь – значит ошибался в тебе* (Симон.); *Я про тебя плохого не слыхал, ты про меня тоже, стало быть, ты добрый человек и я добрый человек* (А. Крон); *Я егерь, стало быть, на охоте хозяин* (А. Крон).

П р и м е ч а н и е. На основе этих конструкций формируются построения, в которых союзную функцию выполняет коррелят, выступающий как аналог сочинительного союза (см. § 3152): *Она была в шубейке..., следовательно, она собиралась куда-то идти*

(Дост.); *Первый спектакль мы старались, следовательно были не свободны, а раз так, то были зависимы от зрителя* (Н. Мордвинов).

Характерный признак таких предложений – двузначность: та часть, которая представлена говорящим как умозаключение (вывод, следствие), фактически называет реальную причину того, о чем сообщается в части, оформленной условным союзом: *Если я себе нравлюсь* (довод) – *значит, пел хорошо* (вывод) (я себе нравлюсь, потому что я пел хорошо). Направление обусловленности, возникающее в результате подобного преобразования, оказывается противоположным исходному: главная часть обозначает причину, основание, а придаточная – следствие, вывод» [Ляпон, 1980 а, с. 578].

«§ 3025. Особый вид семантического осложнения представляют предложения с союзом *если*, в которых главная часть, оформленная как вопрос, содержит позитивную информацию о реальном факте, ставящем под сомнение или опровергающем истинность, достоверность утверждаемого в придаточной части.

Если действительно, как она говорит, она нечаянно зацепила рукавом и рассыпала, то зачем же выскочил из комнаты такой красный и взволнованный Николай Сергеич? (Чех.); *Зачем же вы скрылись, если вы не убивали?* (Чех.); *Если ты счастлив, О чем же ты плачешь, Милый мой гость?* (Блок); *Если твой Кирилл так тебя любит, то как он может жить с тобой врозь?* (Фед.); *Что ж ты взялся писать о нем и срамить его, если он не сильно виноват?* (Нилин).

Такие построения основаны на столкновении двух версий: согласно одной, названной в придаточной части, сообщаемое соответствует действительности; согласно другой, принадлежащей говорящему, достоверность этой информации может быть оспорена на основании несоответствия ситуаций. Такая семантика согласуется с исходным, гипотетическим значением союза *если*, который в этих условиях может быть заменен союзом *раз* (но не союзом *когда*)» [Ляпон, 1980 а, с. 580].

Предложения, выражающие причинные отношения
Предложения с союзами не дифференцированного значения

«§ 3036. Условно-гипотетический элемент, присутствующий в семантике союза *раз*, выявляется в тех случаях, когда говорящий не присоединяется к модальной оценке утверждаемого в придаточной части: [Ирина:] *Ты, Машка, злая.* [М а ш а:] *Раз я злая, не говорите со мной. Не трогайте меня!* (Чех.) (*раз я, с вашей точки зрения, злая...*); (*раз я, как вы считаете, злая...*). Ср.: (*поскольку я злая, то не говорите со мной*); в этом случае говорящее лицо не опровергает истинности утверждаемого в придаточной части» [Ляпон, 1980 а, с. 586–587].

Предложения, выражающие сравнительные отношения
Предложения с союзами дифференцированных значений
Предложения с союзами, выражающими недостоверное сравнение

«§ 3093. При союзах типа *словно, будто* образно-характеризующее (а следовательно, и собственно-сравнительное) значение может утрачиваться. Это имеет место в конструкциях со значением недостаточного основания (уступительных, см. § 3043), построенных на столкновении точек зрения субъекта действия и говорящего лица.

Но зачем ты сам лукавишь и говоришь: “дело хорошее”, точно мне неизвестно твое мнение о браке? (Тург.); *И Тётка так привыкла к слову “талант”, что всякий раз, когда хозяин произносил его, вскакивала и оглядывалась, как будто оно было ее кличкой* (Чех.); *Он побегал, как мальчик на свиданье, Как будто в доме нас и правда ждут, Как будто страшно лишних пять минут Прибавить к стольким годам опозданья* (Симон.); *А сын упорно продолжает ходить в фотокружок, как будто нет хорового или театрального (газ).*

В таких предложениях представлены два аспекта оценки общаемого: 1) субъект действия в главной части исходит из реальности ситуации, о которой говорится в придаточной (собака при-

нимала слово “талант” за свою кличку); 2) говорящий акцентирует нереальность этой ситуации и поэтому оценивает действия субъекта как неоправданные, неправомерные (слово “талант” не было кличкой собаки, и поэтому она не должна была бы вскакивать и оглядываться всякий раз, когда хозяин произносил это слово)» [Ляпон, 1980 а, с. 609–610].

Сложносочиненные предложения

Предложения с союзами недифференцированного значения

Предложения с союзами *а, но, да* и их синонимами

Предложения с союзами *да, да и, же*

Предложения с союзом *да и*

«§ 3134. Специфика построений с союзом *да и* заключается в том, что он вводит информацию, которая заранее не предусмотрена говорящим, и поэтому подключается после того, как завершена предшествующая часть» [Ляпон, 1980 а, с. 609–610].

Бессоюзные соединения предложений

Сочетания с двусторонним отношением частей

Сочетания с условным значением

Сочетания с формой побудит. накл. в обуславливающей части; в обусловленной части – формы буд. и наст. вр.

«§ 3167. В сочетании с формой будущего вр. Форма побудит. Накл. Реализует одно из двух своих значений: а) личное; б) обобщенно-личное. В первом случае она соотносена с конкретным лицом – собеседником говорящего: [Ж а д о в:] *Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем же нас учили!* [Д о с у ж е в:] *Пей, легче будет* (А. Остр.); [Б е с с е м е н о в:] *Двадцать пять рублей твои – никому не надобны и тебе самой. Выходи замуж, живи законным порядком, – я сам тебе пятьдесят в месяц платить буду* (Горьк.); [Б о г а е в с к а я:] *Ах, Надежда, говори ты меньше, – может быть, умнее покажешься*

людям (Горьк.); *Не играй, кошка, углем, лапу обожжешь* (посл.). С неглагольной первой частью: [Ч а ц к и й:] *А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным? В полк, эскадрон дадут* (Гриб.).

Обобщённо-личное значение отмечается там, где побудит. Накл. Соотнесено с любым (неопределённым) лицом, соотнесено с любым (неопределённым) лицом, а не с конкретным собеседником говорящего:

[Ф а м у с о в:] *Куда как чуден создан свет! Пофилософствуй, ум вскружится!* (Гриб.); *С десятью миллионами чего не сделать? Дайте мне десять миллионов, – вы посмотрите, что я сделаю!* (Гоголь); *Усильте просвещение, ученых будет много* (Помял.); [П е п е л:] *Хоть сейчас смерть приму. Возьмите вы нож, ударьте против сердца... умру – не охну!* (Горьк.); [С а т и н:] *Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна – я, может быть, буду работать... да!* (Горьк.). В пословицах: *Не постой за клин – кафтана не станет; Не досади малому, не помнит старый; Собирай по ягодке, наберешь кузовок; Ешь горькое, доберешься до сладкого*» [Кручина, 1980 в, с. 639–640].

Сочетания с временным значением

«§ 3174. (...) Собственно временное значение отмечается только там, где речь идет о конкретных действиях или состояниях, в осуществлении которых говорящий уверен.

[Т е т е р е в:] *Давай выпьем перед щами, почтенный крот.* [Б е с с е м е н о в:] *Принесут – выпьем* (Горьк.); [Д в о е т о ч и е:] *Около миллиона у меня, понимаете. Хо-хо! Около миллиона. Умру – все Петру останется* (Горьк.); [С т е п а:] *Отстаньте... не люблю я таких...* [М а т в е й:] *Женимся – полюбите* (Горьк.)» [Кручина, 1980 в, с. 645].

Интонация в бессоюзных соединениях предложений

«§ 3189. ИК-1 и ИК-2 в простых, в сложноподчиненных предложениях и в бессоюзных сочетаниях оформляют части, требующие распространения: *Передача для школь^{1/2}ников / “Есть ли жизнь на других план¹етах” / в четырнадцать час⁶ов/двадцать мин¹ут* (здесь и далее обозначением типа 1/2, 3/6 и под. показывается возможность выбора одной из ИК); *После окончания*

спек² такля/ позв³ они мне!; *От² ец их, /библиофил и знаток руко³ писей, /составил исключительное собрание; До² м отдыха, /куда мы пое³ дем, /стоит на берегу мо¹ ря; Решение та^{1/2} кое: /закончить строительство в этом го¹ ду. /«Есть ли жизнь на других план¹ етах»/в четырнадцать час⁶ ов/двадцать мин¹ ут (здесь и далее обозначением типа 1/2, 3/6 и под. показывается возможность выбора одной из ИК); *После окончания спек² такля/ позв³ они мне!*; *От² ец их, /библиофил и знаток руко³ писей, /составил исключительное собрание; До² м отдыха, /куда мы пое³ дем, /стоит на берегу мо¹ ря; Решение та^{1/2} кое: /закончить строительство в этом го¹ ду.**

Посредством ИК-1 или ИК-2 говорящий заостряет внимание слушающего на той части предложения, которая требует распространения, и тем самым усиливает ее смысловую нагрузку, а необходимость распространения служит сигналом продолжения высказывания, что обычно является функцией интонации незавершенности (ИК-3, ИК-4, ИК-6)» [Брызгунова, 1980 д, с. 652–653].

«Посредством интонации передается субъективное отношение говорящего к высказываемому; так, в соединении *Из ружья⁷ бы пугнуть, – сказал Лукашка, смеиваясь, – /то-то⁶ бы переполошились* ИК-7 усиливает желательность (хорошо бы из ружья пугнуть), а ИК-6 вносит в слова говорящего оттенок мечтательности» [Брызгунова, 1980 д, с. 653].

Список литературы

- Брызгунова Е.А.* Интонация в бессоюзных соединениях предложений // Русская грамматика / Шведова Н.Ю. (отв. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 652–658.
- Кручинина И.Н.* Сложное предложение. Введение // Русская грамматика / Шведова Н.Ю. (отв. ред.). – М.: Наука, 1980 а. – Т. 2. – С. 461–467.
- Кручинина И.Н.* Предложения нерасчлененной структуры // Русская грамматика. – М.: Наука, 1980 б. – Т. 2. – С. 467–538.
- Кручинина И.Н.* Бессоюзные соединения предложений // Русская грамматика / Шведова Н.Ю. (отв. ред.). – М.: Наука, 1980 в. – Т. 2. – С. 635–652.
- Ляпон М.В.* Предложения расчлененной структуры // Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 539–615.

ЦИФРОВАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ЦИФРОВАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ И ЛАТИНСКИЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ (Реферат)

Digital classical philology: Ancient Greek and Latin in the digital revolution / Berti M. (ed.). – Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2019. – Т. 10. – 364 с.

Ключевые слова: латинский язык; древнегреческий язык; классические языки; классическая филология; цифровая филология; цифровые гуманитарные науки; цифровая революция; классические тексты; обработка естественного языка; оцифровка текстовых данных; каталогизация; цитирование; автоматический анализ текстов; открытые данные; автоматическое аннотирование; корпусная лингвистика; digital humanities.

Сборник М. Берти «Цифровая классическая филология. Древнегреческий и латинский в эпоху цифровой революции» посвящен проблемам перехода задач и методов классической филологии в цифровую среду. По словам автора, цель данного сборника – «описать современный уровень развития цифровой филологии, концентрируясь на двух классических языках западной культуры: древнегреческом и латинском» (с. 37).

Сборник состоит из предисловия от редактора, предисловия, введения, пяти тематических разделов и информации об авторах. В «Предисловии от редактора» редактор книжной серии «Эпоха доступа? Фундаментальные вопросы информационного общества», частью которой является данный сборник, погружает читателя

в общий контекст, в рамках которого существуют все представленные в сборнике работы. «Предисловие» Грегори Р. Крейна, профессора классической филологии Университета Тафтса (Tufts University, USA) и Лейпцигского университета (Universität Leipzig) описывает путь возникновения и становления современной цифровой филологии. В «Введении», написанном самой М. Берти, предлагается краткое описание содержания каждой из пяти тематических секций.

Пять основных разделов сборника посвящены следующим темам: открытые данные греческих и латинских источников (Open data of Greek and Latin sources); каталогизация и цитирование греческих авторов и работ (Cataloging and citing Greek and Latin authors and works); внесение данных, сбор и анализ в классической филологии (Data Entry, collection, and analysis for classical philology); редактирование и аннотирование греческих и латинских источников (Critical editing and annotating Greek and Latin sources); лингвистическое аннотирование и лексические базы данных греческого и латинского языков (Linguistic annotation and lexical databases for Greek and Latin). Каждый из разделов, в свою очередь, включает в себя 3–4 работы как классических филологов, так и других специалистов из области гуманитарных и компьютерных наук. По мнению автора, такое многообразие подходов придает сборнику особую ценность.

В разделе «Открытые данные греческих и латинских источников» представлены две работы, посвященные крупнейшим корпусам греческих и латинских источников.

Статья Л. Муэзнера «Бесплатное первое тысячелетие греческого» посвящена одноименному проекту Free First Thousand Years of Greek (FF1 KG), корпусу древнегреческой литературы, находящейся в открытом доступе. FF1 KG является совместным проектом Лейпцигского университета, Библиотеки Гарвардского университета, Библиотеки Университета Виргинии и Центра греческих исследований. Собранный корпус включает тексты на древнегреческом языке, начиная с поэзии Гомера и вплоть до 300 г. нашей эры, однако в корпусе встречаются и более поздние тексты. В статье описывается история развития проекта, начиная с 2009 г., когда возникла идея о создании собрания классических текстов для дальнейшего использования в качестве материала для

исследований и обучения, до настоящего времени, когда проект приобрел международные масштабы. Приятным дополнением к статье является большое количество ссылок на программный код и технические решения, которые были использованы при создании корпуса и находятся в открытом доступе.

Статья «Цифровая библиотека латинского языка: каталогизация и публикация критических изданий латинских текстов» С.Дж. Хаски посвящена корпусному проекту на латинском языке. Цифровая библиотека латинского языка имеет двойную миссию: во-первых, это сбор и публикация критических изданий текстов на латинском языке всех доступных типов, а во-вторых, это упрощение поиска и чтения всех латинских текстов, доступных онлайн. Исходя из этой миссии, можно выделить следующие задачи, стоящие перед Библиотекой: разработка принципов и стандартов рецензирования, организация сбора и распространения материалов, каталогизация существующих текстов, создание инструментов поиска и работы с текстами. Идея проекта – сделать доступ к текстам на латинском языке более доступным для исследователей, используя методы науки о данных. Автор пишет, что несмотря на то, что тексты на латинском языке были доступны в электронной форме уже несколько десятилетий, все еще не было создано полного открытого источника всех академических изданий. Корпусы, созданные в эпоху до возникновения Интернета (PHI Latin Texts, Perseus, Cetedoc) были ограничены либо эпохой представленных в них текстов, либо тематикой этих текстов (Cetedoc включает в себя только христианские тексты на латинском языке). Возникновение Интернета позволило снять часть этих ограничений. Авторы проекта Open Greek and Latin Project, работа над которым идет в данный момент, обещают опубликовать корпус из миллионов слов, принадлежащих к разным эпохам, а также оснастить его удобными инструментами для чтения и анализа текстов. Несмотря на совершенствование корпусов, автор считает, что создатели всех названных проектов упускают важный элемент классических текстов – кураторские тексты, рассказывающие историю произведений, справочные материалы, библиографию и другие атрибуты академических изданий. Независимо от того, чем вызвано отсутствие данных элементов, оно означает то, что в большинстве случаев филологам будет комфортнее обращаться к традиционному печат-

ному формату за необходимой информацией. Именно эту проблему стремятся решить авторы проекта «Digital Latin Library»: собрать и каталогизировать все критические обзоры и справочные данные для фундаментальных текстов на латинском языке.

Третья статья раздела, написанная Х.А. Кэйлесом, обращена к инициативам проекта Связанные данные Древнего мира (Linked Ancient World Data Institute – LAWDI), в рамках которого уже несколько лет проводятся воркшопы и выдвигаются новые инициативы по поддержке и развитию устойчивой системы связанных данных в рамках исследований Древнего мира. В статье рассматриваются те необходимые условия, которые позволяют сделать систему связанных данных более устойчивой, на примере пяти долгосрочных инициатив, разработанных LAWDI и существующих с 2012 г. Среди этих инициатив проект *Pleiades* (географический справочник Древнего мира), *Papyri.info*, публикующий тексты и другие данные о документах, написанных на папирусе, черепках и других поверхностях, *Trismegistos* (агрегатор данных о древних документах, местах и людях), *Open Context* (коллекция археологических отчетов) и *Nomisma* (тезаурус нумизматических концептов с ссылками на большое количество баз данных). Проанализировав долгосрочный успех этих проектов, автор статьи Х.А. Кэйлес предлагает следующий список условий для создания подобных в своей успешности инициатив в будущем.

1. Вовлечение и поддержка технических специалистов, заинтересованных в культурологических проектах.

2. Принятие мер по гарантии поддержки вышеназванных специалистов.

3. Приоритизация нужд научного сообщества и целевой аудитории.

4. Экспортирование и представление данных в распространенных поддерживаемых форматах с целью привлечения партнеров.

5. Намеренное использование партнерских проектов и предоставление им собственных данных с целью укрепления связей.

Создание проектов на основе открытых связанных данных открывает широкие возможности для сотрудничества представителей различных направлений гуманитарных исследований.

Раздел «Каталогизация и цитирование греческих и латинских авторов» состоит из трех работ, посвященных технической стороне вопроса. Статья Э. Бэбу посвящена каталогу Perseus, планы по созданию которого возникли еще в 2005 г. Многочисленные попытки по его созданию увенчались успехом лишь в 2013 г. В настоящий момент ведутся объемные технические работы, цель которых сделать библиографические данные более доступными на основе использования связанных открытых данных. Кроме того, предпринимаются попытки упрощения системы поиска и навигации по каталогу.

Статья К.У. Блэквелла и Н. Смита «Архитектура CITE: концептуальный и практический обзор» посвящена архитектуре цифровой библиотеки CITE, которая изначально разрабатывалась в рамках проекта Homer Multitext. В 2000 г. создатели проекта заинтересовались тем, как могло бы выглядеть издание «Илиады» в XXI в. Исследователи считали, что понять природу греческой эпической поэзии можно только через призму многочисленных сохранившихся вариантов рукописей и комментариев античных мыслителей. В связи с этим, авторы проекта Homer Multitext хотели найти способ сохранить все многочисленные «формы» «Илиады». Такая задача потребовала создания некой «текстовой службы», программы, позволяющей работать с текстами подобного формата в цифровой среде. Именно тогда началась работа над Canonical Text Services (CTS), которая в дальнейшем стала частью CITE. CITE предназначена для распознавания, поиска, обработки и интеграции данных. Само название является аббревиатурой, скрывающей за собой долгую историю развития цитирования как основы научных публикаций: Collections (массивы), Indices (метки, индексы), Texts (тексты), Extensions (расширения). Каждая из четырех частей CITE построена на абстрактных моделях данных. В CITE встроены два независимых стандарта цитирования, что позволяет выделять разные типы данных: CTS URN, применяемая для распознавания текстов и отрывков текстов, и CITE2 URN, используемая для других типов данных. В статье описывается ны-

нешняя версия программы, поддерживаемые форматы данных, библиотеки¹, утилиты и приложения для конечного пользователя.

В статье Й. Типмара и Дж. Хэра «Canonical Text Services в классической филологии и не только» еще более подробно рассматривается опыт применения CTS в цифровой гуманитарике. Протокол CTS был создан в рамках работы над проектом Homer Multitext при поддержке Центра греческих исследований Гарвардского университета, однако сейчас сфера его применений значительно расширилась. При разработке CTS его создатели придерживались идеи, что аннотации текстов могут быть основаны на внутренней онтологии отдельных частей текста: глав, абзацев, предложений, слов и букв. По своей сути CTS это комплексный веб-сервис для поиска текстовых данных, который позволяет исследователям находить точные фразы из разных версий произведения. Для каждого запроса программа предоставляет текстовое содержание и структурную метаинформацию. В настоящее время ведутся работы по внедрению данной системы в другие возможные проекты на стыке гуманитарных и компьютерных наук.

Третий раздел сборника «Внесение данных, сбор и анализ в классической филологии» включает в себя четыре статьи. Первая из них статья Б. Робертсона «Оптическое распознавание символов в классической филологии». Целью автора статьи было объяснить читателям, развитие каких технологий привело к качественным изменениям в процессе оптического распознавания античных текстов. Хотя еще в 1990–2000 гг. в рамках проекта Perseus был создан большой корпус фундаментальных поэтических, исторических и философских текстов, небольшие тексты из области истории науки, философии и греческие сколии практически не были в нем представлены. В настоящее время, во многом благодаря проекту «Первое тысячелетие греческого языка», существующий корпус увеличился по последним подсчетам на 22 млн словоформ. Это стало возможно благодаря новым технологиям оптического распознавания символов: если 30 лет назад при создании оригинального корпуса Perseus тексты заносились в базу данных вручную, то сейчас большая часть текстов распознается автоматически, а эксперты

¹ Под библиотеками в программировании подразумевается набор программ и объектов, применяемых при разработке программного обеспечения.

вручную лишь исправляют немногочисленные ошибки программы. Помимо увеличения скорости и объемов обработки, это позволило значительно удешевить процесс, что привело к доступности материалов для исследователей из различных областей. Статья написана техническим специалистом для коллег-филологов, благодаря чему в ней доступным образом пошагово объясняется процесс распознавания символов, разрешения неоднозначности при распознавании, нормализации полученного текста и его последующей обработки. В настоящее время работа по совершенствованию системы ведется в двух направлениях: увеличение точности распознавания символов и обучение системы автоматически распознавать, написан ли текст на древнегреческом или латинском языке.

Статья Дж.К. Таубера «Шифрование символов в классических языках» продолжает знакомить читателей с трудностями работы с историческими языками, содержащими символы и диакритические знаки, отличные от стандартных английских. В статье предлагается широкий обзор существующих систем кодирования, в частности стандарт кодирования Юникод (Unicode Standard), применяемый сейчас почти ко всем существующим языкам, однако процессы ввода, обработки и отображения символов разбираются именно на примерах древнегреческого и латинского. По мнению автора, представление текстов в электронном виде напрямую зависит от возможности представить в электронном виде каждый символ в отдельности, из чего следует, что технология шифрования символов лежит в основе всей цифровой филологии.

П.Дж. Бернс, автор статьи «Процесс анализа текста на классических языках» описывает возможности применения различных компьютерных инструментов и методов для анализа текстов на древнегреческом и латинском языках. Автор пишет о серьезных трудностях, с которыми сталкиваются филологи при работе с данными языками в связи с недостатком доступных инструментов и предлагает для использования фреймворк Classical Language Toolkit, написанный на языке программирования Python и находящийся в открытом доступе. Автор сначала рассматривает процесс автоматического анализа текстов на примере современных языков, включающий токенизацию, лемматизацию, грамматическую разметку (part-of-speech tagging и морфологическую разметку), выде-

ление именованных сущностей и два основных фреймворка для такого анализа: Stanford CoreNLP и Natural Language Toolkit (NLTK). Говоря о невозможности применения этих фреймворков для классических языков, автор предлагает обратить внимание на созданный в 2014 г. энтузиастом К.П. Джонсоном фреймворк Classical Language Toolkit (CLTK), ставший некой «надстройкой» над хорошо зарекомендовавшим себя NLTK. Возможность работы с историческими языками обусловлена следующими параметрами фреймворка.

1. Корпус языка. Корпус древнегреческого языка создан на базе корпусов Perseus, The First 1000 Years of Greek, Lacus Curtius, корпус латинского языка – на базе Perseus, Lacus Curtius, The Latin Library и других.

2. В рамках CLTK были разработаны языковые модели и лексические ресурсы для вероятностной токенизации, грамматической разметки и выделения именованных сущностей для обоих языков.

3. Помимо традиционных инструментов анализа текста, перечисленных выше, CLTK предлагает возможность деления на слоги, стемминг и фонологическое транскрибирование.

Проект активно развивается. Предполагается, что в скором времени доступный инструментарий будет расширен, кроме того, в будущем возможно расширение фреймворка для работы с другими историческими языками.

Работа Н. Коффи «Интертекстуальность и “вирусные фразы”: розы и лилии» обращается к феномену «виральной интертекстуальности», – явлению, при котором определенные языковые явления появляются во множестве литературных работ. Методы цифровой филологии позволяют проследить интертекстуальную связь не только между двумя короткими отрывками двух различных текстов, но и делать это в больших масштабах. Автор статьи пытается ответить на вопрос, можно ли отследить историю развития того или иного отрывка текста, и утверждает, что это вполне возможно, ссылаясь на опыт итальянского исследователя С. Аудано. Сам автор пытается повторить его успех на основе одной часто повторяющейся фразы из эпического произведения Вергилия «Энеида». Автор статьи проследивает ее в произведениях учеников и последователей Вергилия, а также схожий мотив в более

ранных работах самого поэта. Отходя от искусства Древнего Рима, автор статьи находит ее отголоски далеко от мира поэзии. В своем исследовании автор применяет ряд инструментов для автоматического анализа текста. Один из них мультитекстовый веб-сайт Tesseræ, позволяющий пользователям осуществлять интертекстуальный поиск по текстам на древнегреческом, латинском и английском языках. Данный инструмент предлагает пользователю найти схожие фразы в двух текстах, а затем подыскивает схожие по языку отрывки в корпусе других заранее отобранных текстов. Для проверки полученных результатов автор использовал поиск по корпусу латинского языка Паккардского гуманитарного института и сервису Google Books. В заключение автор выражает надежду на дальнейшее совершенствование подобных цифровых инструментов и рассматривает новые горизонты, которые могут быть открыты лингвистам и филологам с помощью различных методов автоматической обработки текстов.

В раздел «Редактирование и аннотирование греческих и латинских источников» входят четыре статьи. Статья Ф. Фишера «Цифровая классическая филология и справочный критический материал» посвящена новым методикам, которые цифровизация гуманитарных знаний привнесла в классическую филологию. Написание критических обзоров, помогавших взглянуть на эпоху и произведение с новых сторон, всегда было неотъемлемой частью работы филологов, занимавшихся литературой Древней Греции и Древнего мира. Однако возникший в последние десятилетия тренд на цифровизацию гуманитарных областей и, как следствие, перенос критических обзоров в электронный формат были восприняты не всеми филологами с энтузиазмом. Бытует мнение, что цифровизация критических обзоров и «скрытие» справочного критического материала «внутри» оригинального текста лишает филологию всего ее научного и исследовательского «флера». Чистый текст, лишенный предисловий, индексов, сносок, заметок, написанных другим шрифтом, кажется, оставляет без внимания всю ту огромную работу, проделанную филологами. Автор стремится взглянуть на эту проблему с разных сторон и пытается разглядеть преимущества, которые дает работа на стыке гуманитарных знаний и технологий. Он обращает внимание читателей на то, что практически все традиционные методы классической филологии подвергались кри-

тике на том или ином этапе своего развития. В то же время цифровой формат работ позволяет преодолеть ограничения объемов бумажных книг и обеспечить их доступность. Другие преимущества цифровой среды автор считает слишком очевидными, чтобы вступать в споры по поводу их пользы для специалистов: это и различные поисковые функции, и возможность копировать и вставлять выдержки из текста, и наличие гиперссылок, действующих как внутри текста, так и отсылающих к другим источникам в интернет-пространстве. Удивительным кажется то малое количество классических филологов, которые применяют ставшие доступные им «удобства». Автор уверен, что научное филологическое сообщество не сможет долго сопротивляться происходящим переменам и цифровая филология – это ответ на естественный запрос человечества к новым формам взаимодействия с информацией.

Статья четырех авторов: О. Брэкела, Х. Кала, Ф. Майнца и Ш. Шуберт «e-Compartio – инструмент для автоматического сравнения текстов» описывает созданную авторами программу, позволяющую сравнивать разные издания одного произведения. Авторы подразумевают, что их программный продукт может показаться интересным не только филологам, под нужды которых он изначально разрабатывался, но и другим специалистам в области исследования античного мира. E-Compartio нельзя назвать абсолютно прорывным продуктом на рынке: этот инструмент один из многих, представляющих текст в виде списка слов и сравнивающих два текста по этим спискам. При этом результаты, получаемые с его помощью, оказываются точнее, чем у аналогов (Juxta, CollateX). Главное преимущество программы, по мнению авторов статьи, это уникальные алгоритмы сравнения, которые позволяют классифицировать найденные различия, но и позволяют определить искажения информации в одном из сопоставляемых текстов.

Статья К. Дью и М. Эббот «Homer Multitext и история доступа к эпосу Гомера» посвящена проекту, ставшему отправной точкой для многих других проектов и инициатив, описанных в данном сборнике. Изначальная цель проекта – применение цифровых инструментов для исследования и презентации эпоса Гомера в его первоначальном виде. На создание проекта авторов вдохновили снимки рукописей «Илиады» из Библиотеки Марчиана в Венеции. Идея создания платформы, гарантировавшей бы бесплатный

доступ к произведению в его первоначальном виде, объединила специалистов из различных областей. Сейчас, когда проект уже широко известен в мире, авторы оглядываются назад на многовековую историю произведения и рассуждают о том, как менялись возможности доступа к произведениям поэта. Так, в Афинах V в. до нашей эры тысячи зрителей собирались у сцены, с которой чтецы декламировали «Илиаду» и «Одиссею». Каждый чтец зачитывал свою часть произведения (500–800 строк) и лучший из них получал денежный приз. Зачитывали эпические поэмы не только в столице, но и в других городах, на площадях во время праздников и собраний. Три века спустя, во II в. до нашей эры, в крупнейшей на тот момент в мире библиотеке в Александрии собирают все существующие записи Гомеровых поэм. Тогда же ученые замечают, что существуют различные версии одного и того же произведения, и пишут свои комментарии, посвященные природе этих различий. Посещение Александрийской библиотеки доступно только узкому кругу ученых, однако было обнаружено большое количество рукописей «Илиады», записанной на папирусе в упрощенной, стандартизированной версии без комментариев и сравнений с другими версиями, которые, по-видимому, были доступны гражданам. «Илиада» была своего рода учебником, и каждый юноша в процессе обучения читал, переписывал и учил наизусть отрывки из поэмы. В Риме уже в I в. нашей эры существовали актерские труппы, показывающие отрывки из «Илиады» и «Одиссеи». Большинство римлян не читали произведений Гомера, однако были знакомы с ними благодаря подобным театральным выступлениям. Образованные элиты имели доступ к текстам поэм, школьники заучивали наизусть отрывки. В Средние века «Илиада» и «Одиссея» существовали в формате богато украшенных иллюстрированных книг с комментариями античных мыслителей на полях. Доподлинно неизвестно, кому могли принадлежать подобные книги, но ясно то, что они не предназначались для простых читателей. Одна из таких книг, попав в Библиотеку Марциана, спустя несколько столетий стала толчком для создания проекта Homer Multitext, сделавшего произведения Гомера доступными для всех желающих в любой точке мира. Благодаря этому проекту, нынешние читатели могут ознакомиться и с теми версиями произведения, которые зачитывали чтецы в Афинах, и те, которые исполняли в шутливой манере

римские актерские труппы, и посмотреть на фото пышно украшенных страниц из книг венецианской библиотеки.

В статье М. Берти «Исторические фрагментарные тексты в эпоху цифровых технологий» описывается, как цифровая революция изменила способы анализа и представления исторических фрагментарных текстов. Под фрагментарными текстами понимаются критические заметки различных авторов в текстах других произведений. Статья рассказывает о двух разных проектах. Первый из них – интерактивный список греческих историков с возможностью доступа к их текстам Digital Fragmenta Historicorum Graecorum (DFHG). Второй проект – Digital Athenaeus, платформа для чтения текста Deipnosophists с возможностью поиска информации об авторах и работах, упомянутых в тексте. Интерес к фрагментарным текстам возник во второй половине XVIII в. и на протяжении следующих веков велись тщательные работы по сбору подобных текстов, относящихся к различным жанрам. Автор статьи видит обработку и цифровизацию подобных текстов основной задачей, стоящей перед специалистами в области классической филологии. Требуется также продумать способ представления этих текстов в цифровом формате, так как они состоят из многочисленных цитат и отсылок к другим текстам. Проекты, описанные в статье, представляют собой попытку решить данную задачу.

Заключительный раздел сборника посвящен аннотированию и созданию лексических баз данных для древнегреческого и латинского языков. В статье Дж.Дж.А. Челано «Банки деревьев зависимостей для древнегреческого и латинского языков» описываются четыре ныне доступных банка: Ancient Greek and Latin Dependency Bank (AGLDT), Index Thomisticus Treebank (IT-TB), PROIEL Treebank и SEMATIA Treebank. На примере создания морфосинтаксических аннотаций автор статьи рассматривает основные сходства и различия полученных в процессе деревьев графов. Автор отмечает, что несмотря на существующие отличия, полученные деревья зависимостей очень схожи и легко преобразуются в деревья универсальных зависимостей.

Статья М. Пассароти «Проект Index Thomisticus Treebank» подробнее рассматривает банк деревьев зависимостей IT-TB, основанный на корпусе латинских тестов объемом около 11 млн слов. На данный момент это крупнейший из существующих бан-

ков зависимостей для латинского языка, в котором содержится более 350 тыс. узлов в 17 тыс. предложений. Index Thomisticus считается старейшим аннотированным корпусом в формате, доступном для чтения машиной. Его создание связано с именем итальянца Р. Бусы, встретившегося с главой IBM в 1949 г. и получившего от него финансирование на свой проект, впоследствии вошедший в историю компьютерной лингвистики и цифровых гуманитарных наук. Корпус, работа над корпусом шла 30 лет, состоит из 118 текстов Фомы Аквинского и 61 текста других авторов, так или иначе связанных с ним. Корпус состоит из 11 млн токенов, имеет морфологическую разметку и доступен как на бумаге, так и в цифровой версии. Попытки расширить корпус при помощи синтаксических метаданных привели к созданию в 2006 г. крупнейшего банка деревьев зависимостей. Буса умер в 2011 г., успев застать успех проекта всей своей жизни, который изначально создавался с целью глубже познать философию Фомы Аквинского и сравнить латынь с другими языками. В статье представлены необходимые теоретические сведения, а также описываются принципы работы IT-TV.

В заключительной статье сборника «Семантический анализ и тематическое аннотирование» Ф. Бошетти описывает методы, ресурсы и инструменты, применяемые для семантического анализа и тематического аннотирования. В первой части статьи автор рассматривает все лексико-семантические ресурсы, доступные для классических языков. Среди них семантические сети Latin WordNet, Ancient Greek WordNet и развивающаяся силами студентов и преподавателей Homeric Greek WordNet. Во второй части работы рассматриваются различные подходы к семантическому и тематическому аннотированию классических и библейских текстов. Рассматривается подход «сверху вниз», применяемый в мультязычном и мультикультурном проекте Memorata Poetis, и подход «снизу вверх» проекта Europa. Сравнив реализации обоих подходов, автор статьи делает вывод о том, что каждый из существующих подходов может быть применен в зависимости от целей и задач проекта.

Несомненное преимущество данного сборника статей – это возможность взглянуть на проблему перехода классической фило-

логии в цифровую среду как со стороны исследователей в области гуманитарных наук, так и технических специалистов.

Е.В. Майорова

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

УДК: 81'42

DOI: 10.31249/ling/2021.01.04

Хахалева А.Ю.*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО PR-ДИСКУРСА

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к изучению современного русскоязычного PR-дискурса, являющегося относительно молодой и активно развивающейся сферой коммуникации. Прежде всего, исследователи русскоязычного PR-дискурса анализируют его лексический состав, в частности, обращаются к способам адаптации англоязычных PR-терминов, которые играют важную роль для отражения новых реалий внеязыковой действительности. Кроме того, языковые средства данного вида дискурса изучаются с позиций лингвопрагматики. Работы в этой области подчеркивают значимость такого способа речевого воздействия, как внушение, и соответствующих ему прагматических приемов, что детерминировано манипулятивным характером русскоязычного PR-дискурса. С учетом данной особенности для лингвистов также представляет интерес процесс мифологизации информации, заключающийся в искажении связей между объектами действительности и наце-

* © Хахалева А.Ю., 2021

ленный на создание положительного образа субъекта PR-коммуникации.

Ключевые слова: PR-дискурс; PR-коммуникация; лингвопрагматика; термины; заимствование; транскрипция; транслитерация; пресс-релиз; внушение; манипулятивный дискурс; мифологизация.

Khakhaleva A.Yu.

THE MAIN DIRECTIONS IN STUDYING OF THE MODERN RUSSIAN-LANGUAGE PR-DISOURSE

Moscow State Linguistic University

Abstract. The article discusses the main approaches to studying the modern Russian-language PR-discourse that represents a relatively new and actively developing sphere of communication. First of all, the researchers of the Russian-language PR-discourse analyze its lexical composition. In particular, they consider the ways of adapting the English-language PR-terms that play an important role in reflecting new objects of extralinguistic reality. Moreover, the linguistic means of this type of discourse are studied from the perspective of linguistic pragmatics. The works in this area emphasize the importance of such way of speech impact as suggestion and the corresponding pragmatic methods that is determined by the manipulative character of the Russian-language PR-discourse. In the light of this peculiarity, the linguists are also interested in the process of mythologization that consists in distorting the connections between the objects of reality and is aimed at creating the positive image of the subject of PR-communication.

Keywords: PR-discourse; PR-communication; linguistic pragmatics; terms; borrowing; transcription; transliteration; press-release; suggestion; manipulative discourse; mythologization.

PR-коммуникация, изначально возникшая в США, является неотъемлемой составляющей деятельности частных лиц и организаций в различных сферах большинства государств современного

мира. При этом в Российской Федерации данное явление имеет особенности, существенно отличающие его от PR в западных странах. По мнению специалистов (например М. А. Шишкиной [Шишкина, 2002]), зарождение связей с общественностью в России произошло в конце 80-х годов XX в.; как самостоятельная форма деловой активности PR сформировался в начале 90-х годов XX в. Таким образом, русскоязычный PR-дискурс – это относительно молодая отрасль коммуникации, представляющая важный объект для изучения, в том числе с позиций лингвистики.

В рамках основных лингвистических исследований русскоязычного PR-дискурса анализируется его лексический состав, структурная и композиционная составляющая, с позиций лингвопрагматики изучается жанровая стратификация данного вида дискурса, а также основные стратегии и тактики, используемые в нем.

В работе Е.А. Нечаевой [Нечаева, 2017] отмечается, что на формирование русскоязычной лексической системы связей с общественностью значительное влияние оказал английский язык. Автор рассматривает девять основных способов адаптации англоязычных PR-терминов в русском языке.

Транскрипция представляет собой «способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи» [Нечаева, 2017, с. 76]. Транскрипция наиболее точно передает звучание иностранного слова в принимающем языке.

Для иллюстрации способа транскрипции в русскоязычной системе PR-терминологии приводятся следующие примеры: *brand* /'brænd/ – бренд, брэнд; *label* /'leɪb ə l/ – лейбл, лэйбл. Первый пример демонстрирует, как одно и то же слово может иметь два варианта написания в принимающем языке (*бренд* / *брэнд*). В работе отмечено преобладание в более авторитетных источниках (пособиях, монографиях, нормативных документах, словарях) гласной *е* при написании перевода слова *brand* на русский язык, в то время как в менее авторитетных источниках (курсовые и дипломные работы по PR, рекламные материалы) преобладает использование гласной *э*, что объясняется желанием более точно передать в русском языке звучание этого иностранного слова. Автор предполагает, что в дальнейшем в большинстве заимствованных PR-терминов произойдет вытеснение варианта написания с *э* в пользу варианта

с е, по аналогии со многими другими единицами (*сленг, флеш-моб* и др.).

Второй пример иллюстрирует ситуацию, когда одна буква английского алфавита может давать два звука в русском языке при фонетическом прочтении: дифтонг /eɪ/ в слове *label* – *лейбл* (*лэйбл*). Вариативность *ей* / *эй* объясняется невозможностью точно передать английский дифтонг в русском языке, поскольку в сочетаниях /э/ + /j/ и /е/ + /j/ начало русского первого звука шире, чем английское /e/, а русский звук /j/ произносится при слишком большом подъеме средней части языка к твердому небу. Таким образом, транскрипция англоязычных слов приводит к появлению в русском языке не свойственных ему буквосочетаний (например, как в данном случае, *эй*). Это ведет к некоторым отступлениям от общепринятых норм для облегчения произнесения заимствованных слов в принимающем языке. Например, возникновение протетической гласной [e] в слове *лейбл*[e]л.

Следующий способ адаптации иноязычных терминов, **транслитерация**, – это «побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных при помощи одной графической системы, средствами другой системы» [Нечаева, 2017, с. 77]. Транслитерация имеет большое значение для международной письменной унификации географических названий и имен собственных. Однако отсутствие единой общепринятой системы транслитерации русского алфавита в других языках приводит к возникновению вариантов топонимов, антропонимов и узкоспециальных терминов, что затрудняет общение между специалистами.

Примерами применения транслитерации в сфере PR-дискурса являются следующие существительные: *slogan* /'slou·gən/ – *слоган*; *banner* /'bæŋ·ər/ – *баннер*; *logotype* /'lou·gou·taɪp/ – *логотип*.

Преимущество способа транслитерации состоит в том, что письменный вариант термина не искажается: так, в русскоязычном слове *баннер* встречается удвоенная согласная, как и в англоязычном термине *banner*. Однако «при транслитерации... язык-реципиент навязывает PR-термину произношение по своим национальным правилам» [Нечаева, 2017, с. 78], как, например, в словах *слоган* и *логотип*, в которых используются гласные буквы, схожие по написанию с гласными англоязычного варианта, но обозна-

чающие гласные звуки, не сходные по звучанию с вариантом произношения англоязычного термина.

Помимо способов транскрипции и транслитерации, Е.А. Нецаева отмечает также возможность полного совпадения **Транскрипция** = **Транслитерация** и случаи, когда эти способы дополняют друг друга (**Транскрипция** + **Транслитерация**). При использовании способа **Транскрипция** = **Транслитерация** русский графический аналог английской терминологической единицы оказывается наиболее адекватным отражением звучания оригинала: *show* /'ʃoʊ/ – *шоу*;

showman /'ʃoʊmən/ – *шоумен*; *spot* /'spɒt/ – *спот*.

Взаимодействие **Транскрипция** + **Транслитерация** наблюдается в существительных: *zapping* /'zæpɪŋ/ – *зеппинг*; *brainstorming* /'breɪnstɔːrɪŋ/ – *брейнсторминг*; *consulting* /'kɒn'sʌltɪŋ/ – *консалтинг*. В данных примерах одна часть русскоязычного слова образована с учетом звучания англоязычного термина, а вторая – с учетом его графических особенностей. Так, в существительном *зеппинг* английский звук /æ/ передается при помощи гласной **е**, но при этом сохраняется удвоенная согласная **п**, которая выполняет графическую функцию только в английском языке; для передачи звука /ŋ/ в англоязычном окончании **ng** во всех трех примерах использовано принятое для этого в русском языке буквосочетание **нг**.

Автор статьи полагает, что способы транскрипции и транслитерации при переносе терминов из одной лингвистической системы в другую могут считаться корректными при условии узнавания термина и возможности его обратного переноса.

Калькирование – это образование нового слова, фразеологизма или нового значения слова путем буквального перевода иноязычной единицы; данный процесс особенно активен при становлении новой терминологической области и, как следствие, распространен в русскоязычном PR-дискурсе. Примером калькирования PR-терминов являются существительные *promotion* (*продвижение*), *positioning* (*позиционирование*), *special events* (*специальные мероприятия*) и др.

Некоторые PR-термины в русском языке образуются за счет **прибавления русских аффиксов** к основе заимствованного слова с целью выражения грамматического значения, например, в словах

sponsorship (спонсорство), *lobbying* (лоббирование), *badge* (бэйджик / бейджик) и др.

Транспозиция (этимологическое соответствие) – это использование лексических единиц, имеющих различную форму, но общее лингвистическое происхождение, для выражения друг друга при заимствовании из одного языка в другой (чаще всего это греческие и латинские заимствования XVI–XVIII вв.). Так, для передачи англоязычного существительного *audience* в русском языке используется слово *аудитория* (от латинского *audītōrium*). Этот пример демонстрирует, что, в отличие от способов транскрипции и транслитерации, звуковая и письменная формы заимствованного слова здесь не передаются с абсолютной точностью, на что указывают существенные расхождения в произношении этого слова в английском и русском языках и употребление в русскоязычном варианте русского окончания женского рода единственного числа *-ия*.

В сфере русскоязычной PR-терминологии встречаются также **варваризмы** – это слова, заимствованные из другого языка и не полностью освоенные принимающим языком. Примером являются существительные и словосочетания *direct mail*, *leafleting*, *sampling*, *sweet leafleting* и др. Использование варваризмов объясняется невозможностью в данный момент подобрать для англоязычного термина соответствующий русский эквивалент, который полно и корректно выражал бы значение этого слова / словосочетания, поскольку в русскоязычном PR-дискурсе сфера терминологии в данный момент находится на этапе формирования.

Смешанное заимствование – способ адаптации терминов, представляющих собой словосочетания, состоящий в том, что одна часть термина заимствуется из английского языка, а вторая к этому времени уже существует в русском языке или является калькой: *internet promotion* (*интернет продвижение*), *demonstration action* (*демонстрационный action*).

В примере № 1 первый компонент – это транслитерированное заимствование (*интернет*), которое пришло в русский язык раньше и, по мнению автора статьи, существует в нем в качестве вариативной единицы (ср. варианты *Интернет*, «*интернет*», *ИНТЕРНЕТ*, *И-НЕТ* и др.). Для передачи второго компонента *promotion* используется калька (*продвижение*). В примере № 2 первая лексическая единица передается при помощи прибавления

аффикса и окончания к основе заимствованного слова (*демонстрационный*), второй компонент представляет собой варваризм (*action*).

В результате проведенного исследования Е.А. Нечаева приходит к выводу о том, что заимствование англоязычных слов в русскоязычную систему PR-терминологии является закономерным процессом, обусловленным лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Анализ эмпирического материала показал, что наибольшее число PR-терминов в русском языке передается способом калькирования, поскольку в данный момент продолжается процесс становления русскоязычных терминосистем коммуникативно-управленческих специальностей и поиска аналогов иноязычной лексики. Вторым по популярности способом заимствования является аффиксация, что объясняется наличием в русском языке большого количества аффиксов, которые прибавляются к терминам, образованным при помощи способов транскрипции и транслитерации, способствуя их включению в грамматическую парадигму русского языка. Случаи совпадения транскрипции и транслитерации представляют собой наименее популярный способ адаптации англоязычных PR-терминов из-за различий в фонетической и графической системах английского и русского языков.

В настоящее время изучение русскоязычного PR-дискурса также осуществляется с позиций лингвопрагматики. В статье Д.А. Казиевой [Казиева, 2016] рассматриваются лексические и грамматические средства, используемые в различных жанрах данного вида дискурса для достижения прагматической установки компании.

Автор отмечает, что наиболее популярными жанрами русскоязычного PR-дискурса являются пресс-релиз, имиджевая статья, бэкграундер, байлайнер и фичер-стори.

Основная цель жанра пресс-релиза – сообщить целевой аудитории о событии, связанном с деятельностью субъекта PR-коммуникации, и сформировать определенное отношение к нему. Лингвистические характеристики пресс-релиза включают четкость структуры высказывания, а также разветвленные внутритекстовые связи, позволяющие адресату свободно ориентироваться в тексте публикации. Акцентирование внимания на ключевой информации достигается за счет лексических и синтаксических повторов, а

также использования инверсии. Для констатации факта авторы русскоязычных пресс-релизов при повествовании указывают дату и время совершения события и обращаются к грамматической форме прошедшего времени, что способствует фиксации нарративных координат произошедшего, создавая впечатление значимости результата («эпичность новостного текста» [Казиева, 2016, с. 47]).

Обязательным компонентом другого жанра PR-дискурса – бэкграундера – является фоновая информация о субъекте PR-коммуникации. Цель ее включения в публикацию состоит в том, чтобы повлиять на представление общественности о компании. Например, описание истории компании указывает на ее длительное присутствие на рынке и говорит о стабильности ее позиции. Бэкграундер может содержать вопросительные предложения, которые создают иллюзию диалога с целевой аудиторией. В данном жанре воздействие оказывается на рациональную сферу адресата, поэтому в тексте, как правило, отсутствуют изобразительные средства.

В отличие от бэкграундера, текст байлайнера характеризуется наличием экспрессивных средств и является эмоционально окрашенным. Байлайнер представляет собой статью, написанную от лица сотрудника компании, чаще всего ее руководителя, и содержит отсылку к настоящему времени за счет использования глаголов в форме настоящего времени. Такая презентация информации позволяет выразить личностное отношение автора к событию, определяя восприятие образа руководителя и / или самой компании целевой аудиторией.

Фичер-стори являются аналитическим жанром, его основная задача состоит в создании положительного имиджа компании за счет ее упоминания в привлекательном для читателя и благоприятном для нее контексте. Как правило, фичер-стори представляет собой увлекательную историю от третьего лица, имеющую неформальный характер и содержащую экспрессивные средства.

Реализация когнитивно-прагматических особенностей текстов русскоязычного PR-дискурса происходит посредством выбора определенного жанра в зависимости от экстралингвистических факторов для эффективного воздействия на адресата. Д.А. Казиева отмечает такие способы речевого воздействия, используемые в PR-дискурсе, как убеждение и внушение (суггестия), и приходит к вы-

воду о том, что суггестивные приемы более распространены и являются более разнообразными, чем приемы убеждения, что объясняется «повышенной манипулятивностью PR-текстов в реализации лингвопрагматической модели русскоязычного PR-дискурса» [Казиева, 2016, с. 49].

Учитывая манипулятивный характер русскоязычного PR-дискурса, в его исследованиях особое внимание уделяется понятию *мифологизации*. Например, семиотический механизм мифа и этапы его формирования в данном виде дискурса рассматриваются в работе Л.В. Селезневой [Селезнева, 2017].

Применительно к разным формам дискурсивных практик Л.В. Селезнева понимает миф как «результат процесса мифологизации, в основе которого лежит нарушение или искажение связей между объектами действительности» [Селезнева, 2017, с. 87]. Миф может быть основан на домыслах, предположении, суеверии, но при этом не требует доказательства: реципиент воспринимает содержание мифа как достоверную информацию.

Чтобы информация получила статус мифа, она должна быть выражена при помощи какой-либо системы знаков. Для описания этого процесса автор использует термин *семиотическая прописка мифа*.

Объектное поле мифа составляют предметы и события, получающие в нем новый смысл. При этом в мифе не действуют законы реальности – он основан на собственных семиотически выраженных законах.

В PR-дискурсе формирование мифа происходит целенаправленно, его задача состоит в том, чтобы оказать влияния на мнение общественности относительно компании / бренда. Процесс мифологизации включает несколько этапов: анализ особенностей аудитории, выделение приоритетных свойств товара / услуги, создание мифической истории. Автор приводит пример телекоммуникационной компании «Мегафон», для которой важной характеристикой связи является то, что она сближает людей (имиджевый слоган компании: *По-настоящему рядом*). Миссия бренда формируется в соответствии со слоганом: *Помогать поддерживать эмоциональную связь с близкими*. Мифическая история содержит рациональный (комфорт, доступность, простота, качество) и эмоциональный (принадлежность, радость, уверенность) компоненты. Например,

*Мегафон постоянно улучшает качество связи, увеличивает количество базовых станций, обеспечивая бесперебойное общение и высокую скорость интернета последнего поколения (идея **качества услуг**); Даже если я нахожусь далеко от дома, то знаю, что близкие рядом со мной (**уверенность**).*

Текст в PR-дискурсе строится как перечисление преимуществ, которые дает клиенту использование данного бренда. Таким образом, объект в мифе получает новое значение и приобретает новые свойства: как правило, это успешность, уникальность, известность, престижность и т.д.

Список литературы

- Казиева Д.А. Реализация лингвопрагматической модели русскоязычного PR-дискурса // Вестник науки и образования. – 2016. – № 1 (13). – С. 47–49.
- Нечаева Е.А. Способы адаптации англоязычных PR-терминов в русском языке // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 76–81. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28822172>
- Селезнева Л.В. «Семиотическая прописка» мифа в дискурсивных практиках рекламы и PR // Российская школа связей с общественностью. – 2017. – № 9. – С. 86–95. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28392765>
- Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. – СПб.: Изд-во «Паллада-медиа» и СЗРЦ «РУСИЧ», 2002. – 444 с.

УДК: 81'42

DOI: 10.31249/ling/2021.01.05

Кулагина Д.А.*

**ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ
(Обзор).**

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация. В обзоре рассматриваются вопросы вербального представления агрессии на материале публичного дискурса в сфере политики, массмедиа, а также представление речевой агрессии на материале художественных произведений.

Ключевые слова: вербальная агрессия; англоязычные СМИ; речевое воздействие; дискурсивный маркер; инвективы.

В рамках обзора рассматриваются работы, посвященные теме вербальной репрезентации агрессии в речи.

Агрессия в речи как лингвистический феномен существует в разных дискурсах, но ее цель неизменно заключается в том, чтобы нанести вред адресату агрессии (жертве). Информация представляется не объективно, часто вкупе с оценочным суждением, а сам агрессор создает себе позитивный имидж, когда воздействует на реальность таким образом. Ученые-лингвисты анализируют специфику и функции вербальной агрессии в разных контекстах (преимущественно публицистических текстах). На основе результатов их исследований можно выделить общие элементы в актах речевого выражения агрессии.

* © Кулагина Д.А., 2021

А.Р. Рябоконь и Н.Н. Евтугова [Рябоконь, Евтугова, 2020], исследуя инвективные высказывания президента США Дональда Трампа, опубликованные в Twitter (2015–2019), утверждают, что в речи политика агрессивные инвективы преобладают над эксплетивными [Дмитриенко, 2007]. В инвективных высказываниях Трампа авторы отмечают значительное использование «лексики с отрицательным оценочным модусом» (например: *a total low-life, a disgrace, the enemy of the people*¹ – *полный отморозок, позорище, враг народа*), особенности графического оформления агрессивных высказываний (частотное использование восклицательного знака, выделение слов верхним регистром), употребление прилагательных в превосходной степени, разговорные выражения. Также авторы указывают на то, что Трамп часто прибегает к сравнениям и зоосемантическим метафорам (например: *the real predators, a rat* – *настоящие хищники, крыса*).

Авторы приходят к выводу, что вербальный образ Дональда Трампа представляется как инвективная ролевая модель. В статье отмечается, что через Twitter Д. Трамп создает и укрепляет свой яркий образ. Он использует Twitter как (бесконтактное) коммуникационное пространство, где он может обращаться к своим оппонентам и дискредитировать своих противников. Высокий уровень экспрессивности и эмоциональности высказываний можно объяснить тем, что основной частью его аудитории в Twitter являются молодые люди и люди среднего возраста.

О.Н. Путина [Путина, 2020] изучает вопросы и ответы как составляющие диалога и отмечает, что лексические средства являются наиболее распространенными среди средств репрезентации вербальной агрессии. Например:

Нет, это ты выбираешь неудачников, *так ведь?* (НКРЯ)²

And, **wow**, I didn't peg you as the snobby type – *Ого, я и не думал, что ты сноб.* (RC)

Далее, по мнению автора, следуют синтаксические конструкции (неполное предложение, глаголы в повелительном наклоне)

¹ Здесь и далее по тексту перевод с английского языка на русский наш. – *Прим. реф.*

² НКРЯ = Национальный корпус русского языка; RC = Reverso Dictionary; BNC = British National Corpus; LCC = Leipzig Corpora Collection. – *Прим. реф.*

нении, вопросительные и восклицательные предложения, риторические вопросы и др.). Например:

Not a pretty picture, *is it?* (BNC) – *Не самая приятная картинка, правда?*

Ведь я выиграл на сегодня, *не так ли?* (НКРЯ)

Значительный вклад в формирование инвективных высказываний вносит использование орфографических средств, например:

Ну... тогда он *НЕ* жив. (НКРЯ)

TELL HIM TO GO AWAY! (RC) – **СКАЖИ ЕМУ, ЧТОБ ОН УБРАЛСЯ.**

На прагматическом уровне чаще употребляются речевые акты «доказывание», «убеждение», «уговаривание», «кляпченье», «молчание», например:

«Why is it absurd?» Mason asked. *Sergeant Holcomb kept seething silence.* (BNC) – «Почему же это смешно?» спросил Мейсон. **Сержант Голкомб хранил напряженное молчание.**

Ну *давай уже, пытайся* объясниться. (LCC)

О.Н. Путина утверждает, что грамматические дискурсивные маркеры выполняют вспомогательную, информативную и организационную функции.

Well, you failed extremely well (RC) – *Ну, ты весьма успешно облажался.* – *well* выражает «осуждение, угрозу».

But... no, that was before... *anyway* (RC) – *Но... Так было раньше... По крайней мере.* – *anyway* имеет функции «уход от темы, критика, осуждение».

How could you learn nothing from it? (RC) – *Как ты умудрился так ничего и не вынести из этого?* – *how could you* передает «возмущение, негодование, разочарование».

Л.Р. Комалова исследует тексты англоязычных интернет-изданий и выявляет структурные элементы, характерные для речевого акта агрессии. Автор подчеркивает, что языковое выражение агрессии смещает фокус внимания реципиента «в сторону формирования враждебной картины мира» [Комалова, 2019, с. 159]. В работе внимание обращается на то, что вербальные акты агрессии появляются в медиасообщениях чаще не случайно: «подобное представление (агрессивное освещение событий. – Д. К.) само по себе является эффективным приемом воздействия на массовое сознание» [там же, с. 151]. При этом отмечается, что авторы пуб-

лицистических текстов «нетипично» выражают агрессию, поскольку у них агрессия не мотивирована эмоциональным порывом, но является выверенной стратегией.

В ходе исследования проводится ассоциативный эксперимент, в результате которого автор составляет рейтинг типологических групп, встречающихся в структуре речевого акта агрессии. Автор заключает, что тип «виды и формы агрессии» (самый представительный тип – 53,8% из всех выявленных в ходе исследований лексем-ассоциатов) обнаруживает наибольшую вариативность семантических кластеров (борьба, похищение, обманные действия, удержание, преследование, обвинение и т.п.).

Например, «борьба» (ассоциаты типа: battle – *сражение*, fight – *драка*, struggle – *схватка*):

(1) *When military commanders draw up their plans, they assume they will be going into **battle** against armies.* – *Когда военачальники спланируют сражение, они пойдут в бой против армии.*

(2) *During the revolution in Egypt last year, ordinary people entered into pitched **battles** with security forces.* – *Во время революции в Египте в прошлом году гражданские ввели ожесточенные бои с силовиками.*

(3) *The popular **struggle** of people in Syria can bring the regime down.* – *Народная борьба в Сирии может привести к свержению режима.*

Автор приходит к выводу о том, что в вербальном акте агрессии существует разнообразие структурных элементов, однако наиболее значим сам факт осуществления агрессии. В меньшей мере представлены элементы «субъекты агрессии» и «их действия» [там же, с. 160].

Обобщая проанализированные работы, можно заключить, что агрессия в речи выражается при помощи множества языковых средств и не сводится к ограниченному «языковому инструментарию». Само явление речевой агрессии встречается в разных контекстах и является сложным по своей структуре.

Список литературы

Дмитриенко Г.В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. –

URL: <https://www.dissercat.com/content/verbalnaya-invektiva-v-angloyazychnom-leksicheskom-substandarte/read> (Дата обращения: 23.08.2020 г.)

Комалова Л.Р. Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 149–164.

Путина О.Н. Вербальная агрессия: функциональный аспект (на материале дискурсивных маркеров) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2020. – Т. 14. – С. 67–72.

Рябоконева А.Р., Евтугова Н.Н. Языковые средства выражения инвективности и типология инвективов на материале твитов Дональда Трампа // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (46). – С. 233–237.

УДК: 81'42; 2

DOI: 10.31249/ling/2021.01.06

Опарина Е.О.

**ЯЗЫК РЕЛИГИИ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
(Обзор).**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В последние годы в отечественном языкознании активизировалось изучение религиозной коммуникации, появилась новая дисциплина – теолингвистика. Среди вопросов, анализируемых в данном обзоре – терминология теолингвистики, генеалогия религиозных текстов, их перевод. Отдельно освещается вопрос о языке религиозных проповедей, который остается актуальным для русской православной церкви.

Ключевые слова: религиозный дискурс – функциональный и антропологический аспекты; русский православный дискурс; немецкий католический дискурс; перевод; церковнославянский язык.

Изучение религиозной коммуникации в последние годы активно ведется в отечественной лингвистике. Интерес обусловлен важностью таких вопросов, как взаимодействие между обществом и церковью, между различными конфессиями в условиях современного мира, а также нерешенностью ряда проблем взаимодействия языка и религии. Многоаспектный характер темы привел к появлению новой дисциплины – теолингвистики, которая занимается кругом вопросов, относящихся к языку религии и религиозным текстам в синхронном и диахронном планах. Среди них такие про-

блемы, как терминология теолингвистики, язык проповедей, генеалогия религиозных текстов, вопросы их перевода и др. [Анисимова, 2019].

Одним из неоднозначно толкуемых понятий является само понятие религиозного дискурса. Спорным является вопрос об отнесении его либо к институциональным типам дискурса, либо к тем, которые выходят за рамки институциональности. Например, В.И. Карасик относит религиозный дискурс к институциональным, так как он обслуживает речевое взаимодействие внутри определенной организации – церкви и имеет ряд особенностей, свойственных институциональным дискурсам (такие как иерархичность участников, наличие определенных жанров, ценностей, целей и хронотопа применения). Однако другие исследователи, например Е.В. Аверьянова и А.М. Прилуцкий, подчеркивают, что религиозный дискурс включает и неинституциональные формы общения, так как он подразумевает личностно-ориентированное общение. Е.Е. Анисимова определяет религиозный дискурс как «совокупность коммуникативных действий, событий, текстов, относящихся к предметной области «религия», целью которых является: общение человека с Богом; взаимодействие верующих для сохранения, передачи религиозного знания, организации внутрицерковной жизни; поддержание отношений церкви с обществом и распространение веры среди неверующих» [Анисимова, 2019, с. 14].

Религиозный дискурс можно представить как обширное поле, имеющее центр и периферию. К его ядерной зоне относятся сакральный дискурс, представленный текстами Священного Писания, и литургический дискурс, обслуживающий богослужение; в околоядерную зону входят коммуникативные жанры и тексты, регулирующие духовную и практическую деятельность церкви. Это: богословский (теоретико-теологический) дискурс, гомилетический дискурс (проповеди, духовные послания и беседы, лекции в духовном учебном заведении), административно-юридический дискурс и популярно-религиозный дискурс. Существует также периферийная зона: религиозный газетно-публицистический дискурс, религиозный научно-популярный дискурс, религиозно-бытовой дискурс (неформальное общение участников религиозной коммуникации) и религиозно-художественный дискурс (художественное творчество верующего, связанное с религиозными сюжетами или

переживаниями автора) [Анисимова, 2019, с. 22–28]. Помимо указанных выше «общепризнанных» по функциональной направленности дискурсов сегодня можно выделить более специфические, такие как рекламный и кулинарный.

Один и тот же дискурс обладает своими особенностями в разных конфессиях. Так, Е.Е. Анисимова прослеживает сходства и различия религиозного газетно-публицистического дискурса в русской православной и немецкой католической конфессиях. Отмечается, что русская православная публицистика активно апеллирует к коллективистскому началу, к призывам и императивам. Это выражается в используемых словах и конструкциях: *«наше дело, православных русских людей...»*; *«Мы не имеем права на бездействие»*; *«Нам, христианам, необходимо... осознать свою миссию противостояния греху»* [Анисимова, 2019, с. 95]. Прослеживается также сочетание экспрессии и клишированности способов выражения: *«страшные годы богоборчества»*; *«глумление над святой верой»* [там же, с. 97]. В изобразительном коде преобладает христианская символика: крест, голубь, а также церковные обряды, портреты священнослужителей.

Газетно-публицистический дискурс немецкой католической церкви старше, чем русский православный. Если церковная периодика зародилась в России в первой половине XIX в. (в 1821 г. в Санкт-Петербурге Духовная академия начала издавать богословский журнал «Христианское чтение»), основание католической публицистики в Германии было заложено в XVII в., когда появились первые католические еженедельники и ежемесячники [там же, с. 91, 101]. С середины XIX в. католицизм в Германии тесно связан с политикой, что выразилось в политическом движении католиков и в создании католической партии¹. Закономерно, что немецкий католический газетно-публицистический дискурс испытывает сильное влияние со стороны светской публицистики. Сегодня значительное место в нем занимает социально-политическая тема-

¹ В период власти нацистов в Германии был установлен жесткий идеологический контроль над католической прессой со стороны государства, и к началу Второй мировой войны католические издания в Германии практически прекратили свое существование. Они возобновили работу после войны. В настоящее время большинство католических газет и журналов в Германии региональные [Анисимова, 2019, с. 102, 103].

тика; его общая направленность – толерантность к представителям других конфессий и атеистам, открытое обсуждение «щекотливых» тем. При этом католические издания интерпретируют и комментируют события с религиозной позиции. Поддерживая авторитет церкви, они вместе с тем публикуют критические материалы о злоупотреблениях со стороны католического духовенства. В целом для немецкого католического газетно-публицистического дискурса менее характерны возвышенность, торжественность и ассертивность, чем для православного, но большее внимание уделяется развлекательной тематике, занимательности материалов. Этому способствуют анекдоты, комиксы, карикатуры, кроссворды, игры для детей, разыгрывание конкурсов. Игровое или ироническое начало может присутствовать даже тогда, когда речь идет о сакральных понятиях. Например, устраиваемый католической газетой конкурс по отгадыванию имен святых проходит под рубрикой «*Gestatten, ich bin heilig*» – «Позвольте, я святой» [Анисимова, 2019, с. 110].

Значительный потенциал имеет исследование религиозного дискурса в антропологическом аспекте. Так, в монографии Е.Е. Анисимовой рассмотрены следующие антропологические типы, связанные с религией и церковью: Святой, иерарх церкви, мирянин. При различии духовного опыта и места в институте церкви, а также при различии конфессий, данные типы обладают общими когнитивными и языковыми характеристиками. Это – самоидентификация себя как верующего и теоцентрическое мировоззрение; осознание своего существования не только в мире материальном, но и в мире религиозном; устремления и социальные установки, основанные на христианской системе ценностей; использование определенного репертуара речевых актов (призыв к Богу, благодарение Бога, самоукорение); владение определенным языковым кодом (конфессиональной лексикой, лексикой молитв и исповедей, прецедентными именами). Е.Е. Анисимова утверждает, что дальнейший анализ феномена «религиозный человек» должен проводиться в интеграции лингвистики с другими науками – психологией, социологией, теологией, философией, когнитологией, антропологией, культурологией [Анисимова, 2019].

Одним из актуальных для Русской православной церкви (РПЦ) вопросов до настоящего времени является вопрос о языке

православного богослужения. Как свидетельствуют дискуссии участников Международной конференции, посвященной теме религиозного языка и богослужения, этот вопрос непосредственно связан с проблематикой перевода богослужебных книг и Священного Писания с церковнославянского на русский, а значит – с традицией и практикой богослужения, с теоретическими вопросами богословия, языка и культуры [Язык православного богослужения ..., 2019].

В статьях, написанных по материалам докладов, участники конференции высказывают аргументы в пользу различных, часто – противоположных точек зрения на эту проблему¹. Один из подходов состоит в том, что перевод богослужебных книг на русский язык необходим, к тому же практически русский литературный язык давно используется в богослужении; другой подход, напротив, декларирует необходимость сохранения в сфере богослужения и священных текстов исключительно церковнославянского языка.

Сборник материалов конференции открывается статьей А.Г. Кравецкого «Проблема языка богослужения: 150 лет назад и сегодня», в которой представлен обзор истории переводов православных богослужебных текстов. Отмечается, что о непонятности богослужения на церковнославянском в России заговорили в середине XIX в. Эта проблема возникла у представителей образованного класса, которые обучались чтению и грамоте не по славянскому букварю, а по русскому. Библию представители дворянского сословия читали не на церковнославянском, а на европейских языках. Такой вариант грамотности воспринимался как более престижный. К концу XIX в. стали появляться параллельные славяно-русские издания и переводы богослужебных текстов, сделанные с греческого языка². Вопрос о понятности богослужения осознавал-

¹ В предисловии «От редакции» организаторы конференции благодарят за участие коллег из Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова и из Свято-Филаретовского православно-христианского института, «которые поделились научными изысканиями в области истории церковнославянского языка, а также практики его преподавания» [Язык православного богослужения ..., 2019, с. 5)]. – *Е. О.*

² Широкому кругу читателей адресована книга: Воскресная служба Октоиха всех восьми класов или напевов на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопение малой вечерни, великой вечерни, полунощницы, утрени и литургии / пер. с греч. И.Ф. Ловягин. – СПб., 1888.

ся многими служителями церкви, о чем свидетельствуют ответы на анкету, разосланную Синодом в 1905 г. и проект «О церковно-богослужебном языке», подготовленный отделом «О богослужении, проповедничестве и храме» при Поместном Соборе 1917–1918 гг. В проекте допускалась возможность богослужения на русском и украинском языках, однако он предостерегал против немедленной и повсеместной замены церковнославянского языка. Дискуссии о языке богослужения возобновились в конце 1980-х годов. Тогда же отдельные священники, как, например, московский священник Георгий Кочетков, проводили богослужения на русском, однако этот опыт не получил поддержки в русской православной церкви. В первые постсоветские годы церковная жизнь проходила под установкой возрождения «святой Руси», и готовности признать необходимость соответствия новым реалиям не было. Однако ситуация меняется, и к настоящему времени имеется уже немало богослужебных текстов на русском языке – эти переводы осуществлены священниками, такими как Василий Адаменко (иеромонах Феофан), иеромонах Амвросий (Тимрот), а также поэтом Анри Волохонским по просьбе священника храма Христа Спасителя в Нью-Йорке Михаила Аксенова-Меерсона. А.Г. Кравецкий констатирует, что существует немало филологических и богословских проблем, нуждающихся в осмыслении в связи с переводами богослужебной литературы и литургической поэзии.

Противоположная точка зрения выражена в работе «К вопросу истоков и судьбы церковнославянского языка в России». Ее автор Л.П. Клименко считает отход от церковнославянского языка в православном богослужении недопустимым по ряду причин. Во-первых, такой отход разрушает сакральность богослужения, низводя его до уровня обыденного действия. Во-вторых, РПЦ теряет связь с другими православными церквями, в том числе с греческой церковью, «так как изначально старославянский язык, созданный св. Кириллом, предназначался для перевода с греческого языка книг Священного Писания Нового Завета» [Язык православного богослужения, 2019, с. 52]. Кроме того, переход богослужения на русский язык в РПЦ вызовет переход на национальные языки в других поместных Церквях. Автор опасается, что общим результатом может быть утрата национальной культуры и исторического самосознания [там же].

В статье «Богослужение на русском языке: Теория и практика» К.А. Мозгов обосновывает догматические и канонические предпосылки для введения русского языка в богослужение РПЦ. Автор статьи полагает, что перевод богослужебных книг на национальные языки является следованием традиции, заложенной св. Кириллом и Мефодием: «Св. Кирилл очень обстоятельно, используя многочисленные цитаты из Писания, доказал, что любой язык достоин того, чтобы на нем славить Бога» [там же, с. 58–59]. «Русский язык здесь не исключение, что отмечал и академик С.С. Аверинцев» [там же, с. 58]. К.А. Мозгов подчеркивает, что богослужение и молитва на русском языке, обогащение его литургическим стилем необходимы для сохранения и укрепления лучшего в русском языке.

Однако переход не должен вводиться повсеместно и в обязательном порядке. К.А. Мозгов анализирует опыт Сербской православной церкви, которая в течение первой половины XX в. осуществила постепенное введение современного национального языка в богослужение, однако с сохранением старославянского языка и с изданием параллельных текстов. Предполагается возможность выбора языка в каждом храме в зависимости от решения прихожан и священника. К.А. Мозгов также отмечает, что вопрос о языке – только часть проблемы. Для повышения авторитета церкви необходимы просветительские усилия.

В статье «Церковнославянский язык как компонент иконичности русской церкви: К вопросу о языке богослужения» С. Ларюшкин противопоставляет два понимания природы языка: как явления конвенционального (на котором основывается теория Ф. де Соссюра) и как явления семиотического, или онтологического – предполагающего наличие подобия между означающим и означаемым (иконическая теория Ч.С. Пирса). Церковь понимается в православии как икона («Церковь есть тело Христово» [Язык православного богослужения, 2019, с. 82]), и иконичность распространяется на все сферы ее жизни, в том числе на язык как на словесную икону. «Церковнославянский как язык, созданный для нужд Церкви, имеет свою онтологию, функцию и область применения, понимается церковным сознанием как язык сакральный» [Язык православного богослужения, 2019, с. 89].

В настоящее время существует несколько канонически принятых переводов Священного Писания и основных источников православного богослужения на русский язык. Однако как отмечает в статье «Перевод богослужебных текстов в социокультурном аспекте» Р.В. Собко (иеромонах Лаврентий), существующая инерция церковно-исторического сознания не позволяет многим деятелям РПЦ, придерживающихся традиционалистских взглядов, принять их как часть православной культуры.

Традиционализм присущ Церкви, однако в данном вопросе он входит в противоречие с миссионерством, которое также присуще христианству. Проблемная ситуация возникает вследствие часто невысокого качества исполнения богослужения на церковнославянском, что дополняется его плохим пониманием. На этом языке никогда не велось преподавание в семинариях и академиях; в современных семинариях учащиеся не изучают должным образом лексику церковнославянского, а в этом слое языка заключена картина мира. Тем более трудно ожидать, что на достаточном уровне церковнославянский язык выучат прихожане, участвующие в богослужении.

В статье «Церковнославянский язык и русская духовность» Д.В. Семикопов также пытается найти баланс между применением русского и церковнославянского языков в русском православии. Основная идея заключается в том, что богослужение и участие прихожан в нем должны быть осмысленными, а для этого тексты и заключенный с них смысл должны быть понятны. «Присутствие русского языка вполне целесообразно расширять в тех частях богослужения, которые предполагают оглашение, т.е. научение» [Язык православного богослужения, 2019, с. 125]. Чтение Евангелия на церковнославянском может сопровождаться чтением на русском и проповедью, раскрывающей его содержание. Возможны различные стратегии, однако необходимо избегать и резких реформ, и полного бездействия.

Проблема перевода церковной литературы рассматривается в статье «Традиции и современная практика переводов богослужения и Священного Писания в истории русской духовной миссии в Китае» в связи с миссионерской деятельностью Русской православной церкви. Протоиерей Дионисий (Поздняев) подчеркивает, что интенсивная работа священников-миссионеров в Китае в XIX –

начале XX в. дала хорошие результаты: три имеющихся перевода Нового Завета способствовали формированию православного вокабуляра китайского языка. На этой основе составлен миссионерский русско-китайский словарь (автор – проф. МГУ М.В. Румянцева; в работе также активно участвовали китайские специалисты из Тайбэя и Пекина)¹. В настоящее время ведется работа над расширенной версией словаря. Главная сложность состоит в выработке единого лексического стандарта для богослужебных текстов. При этом переводы, сделанные в XIX – начале XX в., должны быть не отвергнуты, но адаптированы к современному китайскому языку.

В статье «Так существуют ли в действительности агелы? (Дискуссия о произношении слова как методическая проблема)» А.Д. Большаков анализирует аргументы сторон в продолжающейся до сегодняшнего дня дискуссии о произношении церковнославянского слова «аггель» в случае написания его без титла – *ангел* или *аггел*². А.Д. Большаков отмечает, что ряд учебников церковнославянского языка настаивают на варианте *аггел*. В лексикографических изданиях также встречаются разные варианты. Однако словари последнего времени, в том числе наиболее востребованный словарь Г. Дьяченко³ и вышедший в XXI в. словарь О.А. Седаковой⁴, указывают на одинаковое чтение – *ангел*. А.Д. Большаков поддерживает точку зрения о правильности такого произношения.

Список литературы

Анисимова Е.Е. Религиозный дискурс: Функциональный и антропологический аспекты. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – 240 с.

¹ Румянцева М.В. Русско-китайский словарь православной лексики. – М., 2008. – 248 [4] с.

² «Титулованный вариант сомнений не вызывает: однозначно *ангел* – в соответствии с правилами греческой фонетики» [Язык православного богослужения. 2019. – С. 145]. В спор оказываются вовлеченными представители духовенства, ученые и рядовые прихожане. – Е. О.

³ Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь. – М., 1993. – 1159 с.

⁴ Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. – 2-е изд. – М., 2008. – 430 с.

Язык православного богослужения: история, традиции, современная практика: материалы Первой международной научно-практической конференции. – Н. Новгород: ООО «Бегемот-НН», 2019. – 160 с.

ЯЗЫК СМИ

УДК: 81'38

DOI: 10.31249/ling/2021.01.07

Опарина Е.О.

ЖАНРЫ МАССМЕДИА (Обзор)

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В обзоре анализируются популярные жанры интернет-коммуникации: мемы и интернет-реклама. Особое внимание обращено на взаимодействие семиотически разнородных единиц в этих жанрах, в первую очередь, на роль вербальных и визуальных компонентов. В центре внимания также характеристики мемов как элементов культуры, с одной стороны, сохраняющих черты национальных культур, с другой – воплощающих свойства универсальной культуры и современной «клиповой культуры». Исследование проведено на материале англоязычных и русскоязычных текстов.

Ключевые слова: медийный текст; семиотическая гибридизация в текстах СМИ; жанры СМИ; интернет-коммуникация; интернет-мемы как жанр; рекламный дискурс; рекламный жанр в Сети.

Мемы в настоящее время являются популярным сетевым жанром. Они возникли в начале XXI в. в англоязычной интернет-коммуникации, и в западных исследованиях рассматривались главным образом с позиций культурологии, социологии, психологии, философии, в работах таких ученых, как С. Блэкмор (Susan

Blackmore), Ф. Хейлиген (Francis Heylighen), Р. Докинз (Richard Dawkins). Однако сейчас наблюдается повышенный интерес лингвистики, в том числе отечественной, к этому жанру.

Одно из направлений изучения интернет-мемов – их полимодальность [Голубкова, Канашина, 2018; Марченко, 2019]. Эти единицы интернет-коммуникации содержат элементы разной природы, вербальные и невербальные, и по семиотическому критерию (который в случае с электронным средством массовой коммуникации включает также технологический) могут быть дифференцированы. Т.В. Марченко выделяет следующие структурно-семиотические типы интернет-мемов: 1) монокодовый, состоящий либо из вербального текста, либо аудио-, либо визуального, либо видеообъекта; 2) бинарный, инкорпорирующий два кода (текст + видео, текст + визуальный объект, текст + аудио, аудио + видеообъект). Данный тип является наиболее распространенным; 3) поликодовый тип, в котором используются более, чем два кода.

Свойства интернет-мема анализируются исследователями как продукт культуры¹. Ряд ученых отмечают его связь с клиповой культурой эпохи постмодерна. На эту связь указывают такие характеристики мема, как коллажность, фрагментарность, кичево, ироническое отношение к приоритетам прошлого [Марченко, 2019, с. 210]². Многие функции интернет-мема также являются проекцией постмодернистской эстетики: людическая, парольная, декоративная, функция ценностной ориентации. Во многих контекстах реализации интернет-мемов людическая функция является

¹ Т.В. Марченко отмечает, что сама история возникновения этого понятия связывает его с культурой и (лингво)культурологией. Термин «мим», позднее трансформировавшийся в форму «мем», был введен ученым-этологом (этология – наука о поведении животных в естественных условиях) Р. Докинзом (Докинз Р. Эгоистичный ген. – М., 1993. – 318 с.). Р. Докинз, проводя аналогию между культурной и генетической эволюциями, предложил данный термин для наименования единицы, реплицирующей культурное наследие. Примерами могут служить мелодии, модные выражения, идеи, архитектурные приемы, кулинарные блюда и т.д. В данном отношении интернет-мем коррелирует с такими понятиями культурологии и лингвокультурологии, как (лингво) культурема, реалия, прецедентный феномен [Марченко, 2019, с. 210]. – *Е. О.*

² Т.В. Марченко также ссылается на работу: Кириллова Н.Б. Медиакultura: теория, история, практика. – М., 2008. – 496 с. Автор этой работы отмечает сниженный стилистический характер, массовость и шаблонность интернет-мема.

доминирующей. Языковая игра – средство придания мемам свойств прецедентности (и связи с прецедентными феноменами) и интертекстуальности, а эти приемы занимают ключевое положение в конструировании текстов постмодерна. Культурно значимой является присущая мемам парольная функция, которая основывается на общности фоновых знаний участников интернет-коммуникации [Марченко, 2019]. Общность фоновых знаний, в свою очередь, также предполагает общую для коммуникантов базу прецедентных феноменов.

Взаимодействие семиотических компонентов разной природы в интернет-мемах может рассматриваться с когнитивных позиций – как процесс гибридизации, происходящий на концептуальном уровне и находящий выражение в семантике и прагматике мема. Они несводимы к простой сумме смыслов компонентов [Голубкова, Канашина, 2018]. В мемах, использующих вербальные и визуальные компоненты, оригинальная визуальная образность сочетается с намеренным искажением правописания, с модификацией метафор и часто – с отходом от традиционных оценок тех или иных явлений. Поэтому изучение интернет-мемов проводится с позиций когнитивной лингвистики.

Когнитивным основанием семиотической гибридизации является базовый принцип человеческого восприятия – целостность. Такой подход означает, что предмет восприятия видится как абстрагированная от единичных ощущений структура, которая формируется с течением определенного времени¹.

В качестве метода анализа семантической гибридизации в интернет-мемах некоторые исследователи предлагают применять теорию Ж. Фоконье и М. Тернера. Ее авторы исходят из того, что когнитивная операция концептуальной интеграции включает в себя несколько ментальных пространств: 1) исходное пространство; 2) общее пространство; 3) смешанное пространство – бленд. Ментальные пространства являются постоянно модифицируемыми

¹ Е.Е. Голубкова и С.В. Канашина ссылаются на психологов В.П. Зинченко и Т.П. Зинченко, которые приводят пример с восприятием мелодии: при поступлении в сознание новой ноты для воспринимающего звучат еще и предыдущие, т.е. возникает цепочка ощущений и структура воспринимается в целом, как взаимосвязь входящих в нее элементов [Голубкова, Канашина, 2018, с. 70]. – Е. О.

когнитивными структурами; при этом бленды, как результат концептуальной интеграции, представляют собой автономные ментальные пространства, которые наделяются новыми смыслами в пределах какого-либо дискурса [Голубкова, Канашина, 2018].

Свойство гибридности увеличивает число потенциальных ментальных пространств, поэтому анализ интернет-мемов с позиций теории концептуальной интеграции может опираться на сложную, многоуровневую схему. В анализируемых англоязычных интернет-мемах, которые построены на негативных вербальных и невербальных образах или включают их в свою семантику, задействованы концептуальные метафоры, культурные установки и символы ('труд и его результат – строительство дома', 'иллюзии, фантазии, привлекательный обман – воздушные замки', 'рыба – символ Христа', вера vs атеизм), а также единицы, включаемые в их фреймы (гвоздь как элемент строительства; доверие и недоверие рекламе; опасности, подстерегающие в 'море жизни' и др.) [Голубкова, Канашина, 2018].

Значительными представляются следующие общие характеристики проанализированных мемов: 1) вследствие общности исходных культурных смыслов для большинства культур они должны быть понятны не только носителям английского языка; 2) в формировании семантики мемов участвуют как вербальные, так и невербальные составляющие. Например, тема обманчивости привлекательной маркетинговой рекламы актуализируется не только слоганом «*Because making it look good now is more important than proving adequate support later*» – «Потому что сделать это выглядящим хорошо сейчас более важно, чем предоставить подходящую поддержку позднее» [там же, с. 74], но также крупным красным шрифтом (красный цвет – сигнал опасности), которым выделен ключевой вербальный компонент МАРКЕТИНГ; 3) сложная концептуальная структура поликодовых мемов модифицирует оценочные характеристики традиционных метафор и символов и порождает новые смыслы. Так, концепт 'рыба – символ Христа' может быть дан в необычной форме, противоположной по оценочному знаку традиционному восприятию символа: в качестве рыбы представлена хищная акула. Поэтому результатом мема становится новое ментальное пространство.

Реклама является сегодня неотъемлемой частью рыночной экономики: она ее продвигает и сама, в свою очередь, подчиняется законам рынка. Реклама давно превратилась в особую индустрию, которая включает в свою сферу различные виды массмедиа – печатные СМИ, телевидение и Интернет [Воротилина, 2019; Рябцева, 2019].

Для достижения своей главной цели реклама должна воздействовать не только на разум адресата, но также на его эмоции. Исследователи анализируют семиотические средства и тактики воздействия, которые помогают привлечь внимание потенциального потребителя и сподвигнуть его на приобретение рекламируемого товара. Е.Н. Воротилина основывает свое исследование на понятии эвокации, в котором подчеркиваются следующие свойства: «Об эвокации говорят в том случае, когда в сознании потенциального потребителя при восприятии смысла текста возникает образ рекламируемого продукта» [Воротилина, 2019, с. 66]. Следовательно, этот текст должен содержать в себе элементы, возбуждающие и поддерживающие интерес адресата, а это достигается через апелляцию к воспоминаниям адресата, воздействием на его память, эмоции и фоновые знания. Необходим также параметр соответствия макропозиций конкретного текста законам рекламного дискурса. В лингвистическом плане релевантными для эффекта эвокации являются элементы самых разных уровней языка. Так, словообразовательный уровень может выступать в комбинации с графическим: повысить действенность рекламы часто помогают прописные буквы внутри сложных и сложносоставных слов, например нем. *LiteraturSpielBar*. На семантико-стилистическом уровне используется игра слов: *eine spielbare Literatur, das Literaturspiel in der Bar* [там же, с. 67–68].

В тестах рекламного дискурса важная роль отводится визуальной информации [Воротилина, 2019; Рябцева, 2019]. Иногда исследователи приписывают ей доминантное воздействие, что связано с конвенциями восприятия и памяти. Визуальная информация сохраняется в памяти как в образах, так и через вербальное осмысление, что отводит ей большее место в памяти и делает ее более доступной для запоминания. «Эффект эвокации, достигаемый с помощью хотя бы одной зрительной фокусировки на объекте рекламы, несопоставимо выше приводимой в рекламном объявлении

статистики или текстовой информации» [Воротилина, 2019, с. 69]. Не случайно, что большинство рекламных текстов в Интернете в наше время – креолизованные (поликодовые), чаще всего они содержат вербальные и визуальные знаки [Рябцева, 2019]¹.

Визуальные знаки могут быть носителями разных типов информации – как денотативной, так и коннотативной. В рекламе иконические знаки (изображения) выступают как носители денотативного значения в тех случаях, когда они непосредственно изображают предмет рекламы, описанную в тексте предметную ситуацию, которая разъясняется или уточняется вербальным текстом. Коннотативные значения являются оценочными. В иконическом изображении оба типа значения часто оказываются совмещенными, и оценка может выражаться или поддерживаться вербальным компонентом поликодовой рекламы. Например, в рекламе автомобиля SAAB визуальная часть представлена фотографией автомобиля, при этом его окраска (зеленая со светлыми прожилками) явно напоминает листья. В этот образ заложена идея защиты окружающей среды. Экологический мотив поддерживается вербальным компонентом: BioPower. Release the power of nature – букв. «БиоМощь. Освободи силу природы». Эстетически качественное изображение в подобных случаях усиливают коннотативные смыслы, настраивая адресата на позитивное, эмоционально окрашенное восприятие рекламируемого товара. Средства создания коннотаций в креолизованной рекламе часто основываются на совмещении знаков разных кодов, образующих вербально-визуальные тропы. Так, в рекламе коньяка «Старый Город» вербальная часть представлена метафорой «Коньяк – это музыка», а визуальная – изображением музыканта, играющего на саксофоне, и нот вокруг саксофона. В результате такого совмещения сближа-

¹ Распространение визуализации захватило не только рекламные тексты, что привело к активизации исследований явления визуализации. Появились термины «визуальная культура», «визуализация», «визуальная семиотика», «визуальная информация». Э.Г. Рябцева определяет визуальную культуру как «часть общей культуры человека, в основе которой передача информации с помощью визуальных образов» [Рябцева, 2019, с. 77]. Понятие «визуальной семиотики» формулируется как ориентация семиотики на «выработку правил регулярного применения некоего общего семиотического закона к частному визуальному случаю» [там же, с. 78]. – *Е. О.*

ются и создают единый образ разные явления [Рябцева, 2019, с. 83].

Список литературы

- Воротилина Е.Н.* Эффект эвокации в текстах немецкоязычной журнальной и Интернет-рекламы // Жанры и типы текста: сб. науч. трудов / Орлов. гос. ин-т культуры; отв. ред. Пастухов А.Г. – Орел: ООО Горизонт, 2019. – С. 65–75.
- Голубкова Е.Е., Канашина С.В.* Семиотическая гибридизация как основа семантики интернет-мемов // Слово. ру: Балтийский акцент. – Калининград, 2018. – Т. 9, № 2. – С. 69–79. – doi: 10.5922/2225–5346–2018–2-6.
- Марченко Т.В.* Интернет-мем как феномен медиакommunikации: Типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста: сб. науч. трудов / Орлов. гос. ин-т культуры; отв. ред. Пастухов А.Г. – Орел: ООО Горизонт, 2019. – С. 209–220.
- Рябцева Э.Г.* Визуальная информация в текстах рекламного дискурса // Жанры и типы текста: сб. науч. трудов / Орлов. гос. ин-т культуры; отв. ред. Пастухов А.Г. – Орел: ООО Горизонт, 2019. – С. 76–86.

УДК: 81'37; 81'42

DOI: 10.31249/ling/2021.01.08

Опарина Е.О.

**МЕДИАТЕКСТ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
(Обзор)**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. С конца XX в. язык СМИ претерпевает серьезные изменения. Этот процесс обусловлен важными инновациями в области средств массовой коммуникации, что, в свою очередь, вызвано серьезными технологическими и социальными сдвигами в глобальном масштабе. В обзоре анализируются явления и процессы, характеризующие сегодняшнее состояние языка СМИ: «размывание» границ медиажанров; гетерогенность (полиmodalность) языка СМИ; значительное воздействие языка СМИ на общезыковую норму; способы воздействия медиакоммуникации на социум. Исследование проводится на материале российских, британских и немецких СМИ; также представлены взгляды российских и иностранных исследователей на язык современных СМИ.

Ключевые слова: язык СМИ; медийный текст (медиа-текст); полиmodalность; личность автора в коммуникации; лингвопрагматика; рекламные тексты в СМИ.

Во второй половине XX в. термин *СМИ* прочно вошел в лингвистическую терминологию, а в конце столетия стала формироваться новая концепция языка СМИ. Этот процесс обусловлен серьезными инновациями в области средств массовой информации и коммуникации: развитием новых технологий, изменением фор-

мата традиционных СМИ, образованием глобального информационного пространства [Соколова, 2019]. Технологические и социальные сдвиги повлияли на язык СМИ. Такие изменения потребовали переосмысления его ключевых свойств и выработки новых подходов к их анализу.

Отечественные и зарубежные исследователи выделяют следующие характеристики медиажанров и их внутренние и внешние связи: 1) современный язык СМИ признается гетерогенным явлением, характеризующимся разнообразием средств выражения, в том числе экспрессивных и оценочных; 2) язык СМИ сегодня оказывает значительное влияние на языковую норму, при этом стилистическая норма самого языка СМИ «стала подвижна до состояния, когда ее невозможно зафиксировать в нормативах» [там же, с. 115]; 3) в языке СМИ и в дискурсе СМИ существует чрезвычайно тесная взаимосвязь между информативной ценностью сообщения и силой убеждения. По мнению И.М. Кобозевой, высказывания в сфере СМИ являются действиями, имеющими целью определенное воздействие на индивидуального адресата и на социум¹; 4) в настоящее время весьма затруднительно установить четкие границы языка СМИ, так как он впитывает в себя элементы других дискурсов, таких как политический, разговорный, литературный, юридический, административный; 5) в современных СМИ актуальной стала конвергенция жанров и форм подачи информации. Деление на жанры сменилось доминированием функциональной установки, определяющей стилистику и структуру медиатекста; 6) многие массмедиа прежде всего электронные, являются интерактивными средствами коммуникации: их аудитория – активный участник общения благодаря возможностям комментирования и социальным платформам. В результате этих процессов не только представления о языковой норме, но также мировоззрение современного человека все более формируется моделями и образами, которые предлагаются СМИ [Малыхина, 2019; Соколова, 2019].

¹ Кобозева И.М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. – М., 2003. – С. 100–115. Приводится по: [Соколова, 2019, с. 116]. – *Е. О.*

Тенденции развития языка СМИ в наше время меняют понимание его сущности и роли журналистской профессии: «личность человека выходит на первый план в создании контента и становится также самооценностью» [Малыхина, 2019; Соколова, 2019, с. 196]. Сходные идеи высказываются зарубежными учеными. Так, ссылаясь на исследования и гипотезы испанских лингвистов, В.М. Соколова приводит высказывание А. Чильона (A. Chillon): «профессию журналиста [нужно понимать] как профессию интеллектуальную, одна из задач которой “диалектическая интеграция культуры и способность к критическому суждению”. Важно, чтобы работник СМИ был мыслящей личностью, тем, кто квалифицированно выполняет свою работу в так называемой индустрии культуры» [цит. по: Соколова, 2019, с. 120]. Другой испанский исследователь Х. Вельон Лаос (J. Vellón Lahoz) подчеркивает, что авторский отбор языковых средств должен определяться и оцениваться не статичными стилистическими и социолингвистическими границами, а соответствием конкретной коммуникативной задаче и отношением аудитории, которая так или иначе вовлечена в эволюцию СМИ [там же, с. 121].

Тенденции к усилению авторского начала, с одной стороны, и ориентации на адресата, с другой, меняют жанровые и содержательные характеристики медиатекстов. Соответствующие изменения уже два десятилетия наблюдаются в британских СМИ, сходные направления развиваются и в отечественных медиа. Среди примеров Н.В. Малыхина называет развитие жанра, интегрирующего черты репортажа и интервью. Его формы видоизменились, они «подверглись гибридизации, но имеют при этом стержневые признаки классического репортажа или интервью» [Малыхина, 2019, с. 198]. Сходными путями идет также развитие материалов, объединяющих познавательные, эстетические и развлекательные свойства (в британских медиа они называются *feature texts*). Из англосаксонской традиции пришли в российские СМИ статьи-инструкции, которые в британских медиа рассматриваются как подвид *feature*, а у нас получили название «карточки». Показательно при этом, что сегодня автор медиатекста выстраивает свой материал, более ориентируясь на позицию читателя, чем на принятые ранее законы и рамки жанров. Например, материалы рекомендательного характера строятся по принципу отдельных блоков

(«карточек»), состоящих из одного-двух абзацев. Они содержат вопрос, задаваемый от адресата, и ответ. Заголовки, отсылающие к тем или иным темам, конкретизированы, введение в рубрику состоит из общего изложения ситуации и вопроса. Такой формат подачи информации использует, например, интернет-издание Meduza: «По всей России жгут траву. Зачем? И куда звонить?» [Малыхина, 2019, с. 199]. Более развернутые материалы, созданные с участием экспертов по заданным темам, строятся по сходному принципу: вопрос формулируется от аудитории, текст дробится на мелкие блоки по четыре-пять предложений, соответствующих одному вопросу или факту [там же].

Содержательные и стилистические особенности медиатекстов, принадлежащих к разным жанрам, также формируются в расчете на восприятие читателя. Например, драматизация композиции, нацеленная на сопереживание, глубокий психологический эффект. Они достигаются яркими деталями и образами, идиоматикой, прямой речью героев и экспертов¹. В российских СМИ эти свойства наиболее выпукло представлены в репортажах и интервью.

Таким образом, процессы конвергенции в сфере медиа способствуют выработке некоего единого кода, определяющего структуру, содержание и стилистику текстов СМИ, несмотря на языковые и культурные различия. В его основе – усиление авторского и, шире, личностного начала: «Журналист должен переубеждать, доказывать и увлекать, но не манипулировать» [Малыхина, 2019, с. 206; ср. Соколова, 2019]. Эта закономерность формулируется как стратегическая цель качественной, социально ориентированной журналистики [Малыхина, 2019].

Особенности развития языка СМИ все больше диктуют необходимость его изучения в плане коммуникативной прагматики и культуры.

¹ В качестве примера приводится разбор публикации «Searching for the man Saddleworth Moor» (Midley C., The Times, 15.03.2017) – «Поиск человека на Сэдлвортском болоте», авт. Кэрол Мидли. В этой публикации описывается необычное и привлекающее внимание британского общества событие – поиск пропавшего человека, которого искали год. Только впоследствии была установлена его личность и причина смерти – отравление стрихнином [Малыхина, 2019, с. 204]. – *Е. О.*

Прецедентные феномены (ПФ) и языковая игра (ЯИ) – приемы, принадлежащие и языку, и культуре, – активно применяются в современных массмедиа. При этом они часто взаимодействуют или совмещаются в отдельных фрагментах текста. Среди причин, обуславливающих их частотность в СМИ, отмечаются установка эпохи постмодернизма на эстетическое обыгрывание явлений языка и культуры, во-первых, и «гедонистический вектор коммерциализованной массовой культуры» [Хорольский, 2019, с. 96], предполагающий наличие в тексте развлекательной составляющей, во-вторых. В.В. Хорольский утверждает, что развлекательность в массмедиа вполне совместима с серьезной проблематикой. Так, ПФ деавтоматизируют восприятие текста, что способствует активизации когнитивного и критического начал в сознании адресата.

Прецедентность представляет собой культурно-прагматический феномен в коммуникации. Ее соединение с языковой игрой интегрирует традиционное и инновационное, так как в этом случае ПФ базируются на трансформированных языковых выражениях, которые одновременно выступают как культурные знаки, знакомые адресатам [там же, с. 101]¹. ПФ отличаются от стереотипов по содержанию и функциям: если стереотипы актуализируют в коммуникации, в том числе в медийной, вектор стандартизации, прецедентность в большей степени связана с категориями эмотивности, экспрессивности и креативности. ПФ выражают определенное отношение и определенные оценки тех или иных персонажей или ситуаций, разделяемые членами культурно-языкового коллектива. Людические стратегии, сопровождающие ПФ, помогают добиваться необходимого эффекта, поэтому часто в роли ПФ выступают трансформированные цитаты и высказывания-аллюзии, основанные на ЯИ. В подтверждение этой мысли В.В. Хорольский анализирует примеры из заголовков российских и британских СМИ: «Как устроена Россия: почему никто не виноват и ничего не надо делать» («Русский репортер», 1–8 марта 2012) – заголовок основан на аллюзии к известной в русской культуре фразе о «веч-

¹ В.В. Хорольский основывается на определении прецедентных феноменов Д.Б. Гудковым как единиц, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [цит. по: Хорольский, 2019, с. 100].

ных вопросах», задаваемых в российском обществе; он также отражает авторскую позицию, не совпадающую с мифологемой «чужой вины» [Хорольский, 2019, с. 102]. Другой пример, англоязычный заголовок «*The H-Bomb*», требует знания социально-политического контекста статьи, персонажем которой является Хилари Клинтон: аллюзия к *H-Bomb* («водородная бомба») обыгрывает начальную букву ее имени *H* и выражает идею о «взрывоопасности» излишней активности этого политика [там же]. Прецедентные феномены и языковая игра, таким образом, выполняют функцию связи между медиатекстами с другими текстами и дискурсами культуры.

Другое заметное направление инновации в языке массмедиа проявляется в частых отступлениях от нормативной лексики. Сленг, жаргонизмы, обценная лексика, «образы телесного низа» (по терминологии М.М. Бахтина) стали привычными в медиатекстах, особенно в сетевой коммуникации. Высокий экспрессивный заряд ранее табуированных языковых элементов делает возможным их применение с противоположными оценочными знаками – для выражения и крайней степени неприятия, и самого интенсивного одобрения. В наше время подобные слова и выражения встречаются и в официальной речи: «так с экрана ТВ соратник Б. Обамы Дж. Байден, поздравляя шефа с успехом, как-то сказал: *This is a big f-ing deal* ([имея в виду] “это грандиозное дело”» [Хорольский, 2019, с. 108].

К числу ключевых лингвопрагматических категорий текстов СМИ принадлежит понятие достоверности содержащейся в них информации. В последние десятилетия наблюдается возрождение интереса исследователей к этому вопросу, в том числе в сфере массовой коммуникации. М.Ю. Панченко, анализируя категорию достоверности в применении к медийной коммерческой рекламе, отмечает ее зависимость от восприятия коммуникативной ситуации конкретным индивидом. Признак достоверности или недостоверности приписывается, как полагает М.Ю. Панченко, во многих случаях адресатом [Панченко, 2019]. Следовательно, при создании коммерческого рекламного текста его автор в той или иной степени должен быть нацелен на то, чтобы обойти рациональное, критическое восприятие адресатом предлагаемой информации, соотносящее рекламу с фактами. Для этой цели используются

эксплицитные и имплицитные средства ввода информации: риторические приемы, эмоционально-оценочные обороты и образы, но также менее «яркие» элементы языка, способные управлять вниманием адресата, оставаясь малозаметными. К этой группе относятся, например, вводные конструкции, служебные слова, знаки препинания, композиционные приемы построения текста.

На примере анализа креолизованного (полимодального) рекламного текста М.Ю. Панченко демонстрирует применимость этой гипотезы. Исследуется реклама одной из моделей автомобиля марки Audi. Реклама содержит визуальный (изображение автомобиля) и вербальный компонент, включающий, в свою очередь, несколько составляющих: заголовок, надпись *e-tron*, подпись под фотографией, сопутствующий слоган. Наиболее быстро и непосредственно на адресата действует иконический компонент – изображение стильного, спортивного по дизайну ярко-красного автомобиля. Вербальные элементы рекламы убеждают адресата в высокой технологичности и современности марки с гибридным двигателем *e-tron*. Так, реклама озаглавлена *Der elektrische Antrieb mit Benzin im Blut* – «Электрический привод с бензином в крови» [Панченко, с. 136]. Заголовок содержит смысловую антитезу, которая характеризует достоинство автомобиля: бензиновый двигатель обеспечивает ценные ездовые качества машины, в то время как электрический привод – ее экологичность. Слово-образ *Blut* имеет ряд положительных коннотаций, связанных с его фразеологической сочетаемостью: *frisches Blut*, *heißes Blut*, *jemandem im Blut liegen* – «свежая кровь», «горячая кровь», «быть в крови у кого-л.». Эмоционально-образная информация дополняется числовыми показателями с разъяснениями, и эта часть рекламы соответствует объективным фактам. Однако выбор отмечаемых характеристик автомобиля и расположение цифр представляют товар наиболее выгодным способом. Таким образом, понятие «достоверность рекламного текста» (в немецком и английском языках этому понятию соответствуют лексемы *Glaubwürdigkeit* / *credibility*) не является идентичным понятию «достоверность передаваемых сведений» (*Zuverlässigkeit* / *reliability*), отвечающему за соответствие информации фактам.

Список литературы

- Малыхина Н.В.* Динамические тенденции медиатекстов в российских и британских медиа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2019. – № 5. – С. 196–208.
- Панченко М.Ю.* О лингвопрагматическом аспекте достоверности рекламного текста: на материале немецкого языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2019. – № 5. – С. 130–143.
- Соколова В.М.* Язык СМИ как объект изучения испанских ученых: (На материале исследований конца XX – начала XXI в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2019. – № 5. – С. 113–129.
- Хорольский В.В.* Прецедентные феномены и языковая игра как приемы усиления когнитивного потенциала медийного текста // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сборник науч. трудов / Орлов. гос. ин-т культуры; отв. ред. Пастухов А.Г. – Орел: ООО Горизонт, 2019. – С. 96–110.

УРОВНИ ЯЗЫКА

МОРФОЛОГИЯ

Саньярова Н.С.

РЕДУПЛИКАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ. –

Москва: Эдитус, 2019. – 268 с.

(Реферат)

Ключевые слова: грамматика; словообразование; семантика; преподавание русского языка студентам-иностранцам.

Монография состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении отмечается, что современный русский язык активно развивается в области лексики, грамматики, словообразования. Изменения в общественной жизни, динамичность всех сфер существования языковой личности обуславливает активизацию самых разных процессов языкового развития. Редупликация (от позднелат. *reduplication* – «удвоение») – образование нового слова путем его удвоения, повтора – универсальное языковое средство, часто используемое современным носителем русского языка. Она относится к явлениям, в области которых в современном русском языке также отмечаются изменения, причем динамика редупликации во многом связана с изменением сфер использования русского языка, расширением сферы использования устной речи. Социальные трансформации, наблюдаемые в том числе в области коммуникации, в первую очередь отражаются в лексической системе русского языка, вызывают появление новых слов, изменения в функционировании уже имеющихся слов. Словообразовательный

и грамматический уровни языковой системы реагируют на внешние факторы медленнее, лексический – немного быстрее.

Актуальность настоящей работы состоит в том, что в нем предпринимается попытка решения некоторых сложных вопросов теории и практики редупликации: вопросов о месте редупликации в системе русского языка ее отнесении к тому или иному ярусу языковой системы; о соотношении семантической и структурной составляющих редупликации; о функциях редупликации, в том числе номинативной, экспрессивной, градуальной, художественной, прагматической; о структуре и правописании редупликатов; о лингводидактическом применении материалов по редупликации при обучении русскому языку студентов-казахов и др.

В центре исследования находятся в первую очередь тексты различных разновидностей современного русского языка, что позволяет увидеть роль редупликации в системе языка в синхронном плане и оценить ее как активное явление, развивающееся под влиянием основных тенденций русского языка – тенденции к проникновению элементов устной речи в письменную сферу, тенденции к языковой экономии и т.п.

Цель работы заключается в рассмотрении редупликации как элемента системы современного русского языка, ее структурно-семантическом, функциональном и лингводидактическом анализе. Из цели работы вытекают ее задачи: 1) изучить теоретические аспекты темы, историю вопроса об изучении редупликации в российском языкознании; 2) проанализировать примеры полной лексической редупликации, встречающиеся в современном русском языке. Обратит особое внимание на функционирование редупликатных имен прилагательных, выполняющих в предложении функции обособленных определений; 3) провести описание закономерностей использования редупликатов как экспрессивных языковых единиц, как способов выражения градуальности, как прагматических элементов текста; 4) выявить стилистические закономерности функционирования редупликатов в современном русском языке; 5) рассмотреть структурные особенности редупликатных образования: количество в них элементов, морфологическую принадлежность, особенности правописания и пунктуационно-графического оформления; 6) выявить способы использования

редупликатов как дидактического средства при обучении русскому языку студентов-казахов.

Материалами для практического исследования стали примеры функционирования текстов современного русского языка, представленные на базе национального корпуса русского языка (НКРЯ) – репрезентативной платформы, включающей богатое собрание самых разных текстов на русском языке. Кроме того, использовались языковые материалы, сети Интернет и языковой материал, отобранном автором вручную методом сплошной выборки из произведений русских писателей и поэтов XX – начала XXI в.

В главе I «Теоретические вопросы редупликации: понятие, структура, семантика» отмечается, что поскольку проблематика редуплекативных моделей номинативной системы русского языка находится еще в активной разработке ученых-лингвистов и понятийный аппарат формируется буквально на наших глазах, то и заключения и выводы автора могут носить небесспорный характер. Одно из предложений, которое вносится автором в терминологическую систему теории повтора, – использование термина дубликация. Предполагается, что сущность удвоения в полной мере передает не термин «редупликация», ставший в теории повтора академическим, а именно термин «дубликация», который, несмотря на малоупотребительность, обладает большей понятийной точностью и выразительностью. Тем не менее понимая, что данный термин пока не распространился широко, автор в теоретическом и практическом описании редупликации прибегает к классическому термину.

Редупликация является универсальным средством выражения экспрессии. Отличительным свойством редупликации является парадоксальное сочетание языковой избыточности и языковой экономии. С одной стороны, редупликаты демонстрируют повтор, т.е. введение в текст «лишнего» слова, с другой, редупликация – семантически емкое средство, и с помощью данного «лишнего» слова выражается глубокое содержание, передаются эмоции.

Редупликация выступает в современном русском языке как активно развивающееся языковое средство, проявляющееся в различных сферах использования русского языка – устной речи, интернет-коммуникации, языке СМИ, языке художественной литературы, текстах научного стиля и т.д. Редупликатные номинативные

единицы характерны в первую очередь для устной речи, в которой их интонационный рисунок может меняться соответственно интонационной интенсивности. В этом случае один из компонентов номемы становится интонационно подчеркнутым, выделенным, однако смысл редупликатных номинативных единиц остается неизменным, так как они представляют собой целостную сложную неделимую номему.

Глава II «Семантика и функционирование редупликатов в современном русском языке» указывает, что семантика редупликатных слов вообще и редупликатов-прилагательных в частности синкретична, они характеризуются семантической емкостью, так как в большинстве случаев сочетают свойства основного признака и дополнительных семантических коннотативных оттенков. Состав семантических компонентов редупликата зависит от контекста. В процессе редупликации слов особой значимостью обладает не их структура, а семантика. Именно поэтому основными подходами к изучению редупликации прилагательных должны стать структурно-семантический и функциональный, которые позволяют описать ее сущность системно. Однако приоритетным направлением анализа является семантический, так как семантика вместе со структурой составляют суть любого вида редупликации.

В комплексе различных языковых элементов, которые основаны на редупликации, выделяются обособленные определения, выраженные редупликативными прилагательными. Анализ их семантических функций показывает, что редупликаты-прилагательные в составе обособленных определений обладают исключительной выразительной силой, служат центром экспрессивно-эмоциональной конструкции, объединяя другие средства выражения эмоций, и способствуют эмпатическому проникновению читателя в мир чувств и мыслей героя произведения. Изобразительность и экспрессивность редупликатов-прилагательных в составе адекватных оборотов тесно связаны.

Обособленные определения, выраженные редупликативными прилагательными, могут строиться по различным моделям, быть одно-, двух- и многокомпонентными, сочетать в своем составе редупликаты с причастными оборотами, несогласованными определениями, сравнительными оборотами и другими языковыми единицами.

Редупликатные имена прилагательные и адъективные редупликатные обороты, являясь согласованными определениями или входя в составные именные сказуемые, могут становиться компонентами присоединяемых конструкций. Присоединительные конструкции отделяются от основной части предложения запятой или тире, соединяются с нею с помощью союза и, да и др. Присоединение становится дополнительным языковым фактором, усиливающим экспрессию прилагательных-редупликатов.

Особым свойством полных лексических редупликатов является градуальность. Редупликаты, благодаря повтору лексической единицы, передают семантику как нарастание обозначаемого словом признака, свойства, эмоции. Градуальность, свойственна в первую очередь редупликатам-прилагательным колоритной семантики, с помощью которых интенсифицируются семантические свойства цвета. Чаще всего градуальность выражается редупликатами в комплексе с другими языковыми и стилистическими средствами – сравнениями, парцелляцией и т.п.

Редупликация выступает в современном русском языке как прагматическое средство. С помощью редупликатов говорящим выполняются прагматические цели привлечения внимания к описанию чего-либо, деавтоматизация восприятия читателя или слушателя, стимулирования у него эмоционального отклика на изображаемое явление. Высокий прагматический потенциал редупликации связан с ее строением – повторением в составе редупликата слова, стимулирующего экспрессивность и эмоциональность языковой ситуации.

Полные лексические редупликаты-прилагательные чаще всего встречаются в устной речи, являясь ее стилистическим маркером. При этом редупликаты-прилагательные наблюдаются и в других стилях и разновидностях русского языка: в художественном стиле, где применяются для имитации устной речи в диалогах и повествовательном тексте; в публицистическом стиле (мемуарах, дневниках и т.п.), где служат средством, сближающим рассказчика и читателя; в научном стиле, где помогают сделать сложную информацию доступной для неподготовленного читателя; в языке интернет-общения как элемент устной речи в структуре устно-письменного текста. Широкое применение редупликации в текстах разных стилей связано с ее высоким прагматическим потенциалом.

С ее помощью автором текста создается атмосфера живого непосредственного диалога с читателем.

В главе III «Структурные особенности редупликатов в современном русском языке» отмечается, что редупликаты разнообразны по структуре: среди них есть как двухкомпонентные, так и многокомпонентные единицы; они принадлежат к разным частям речи (качественным именам прилагательным, качественным и другим наречиям, именам существительным, именам числительным, глаголам, местоимениям, междометиям, звукоподражаниям). Разнообразие структуры свидетельствует о востребованности и продуктивности редупликации в современном русском языке.

Редупликация относится прежде всего к словообразовательному уровню языка, так как с ее помощью на основе повторов образуются новые языковые единицы, однако это синкретическое средство, имеющее отношение и к лексическому уровню языка, и к фонетическому (с точки зрения особенностей в произношении редупликатов).

В последние годы в правописании сложных слов происходят значительные изменения. Наряду с традиционным знаком «дефис» в правописании редупликатов в соответствии с их пунктуационно-орфографическим оформлением и графической маркированностью стали использоваться такие знаки, как пробел, восклицательный знак, запятая, а также служебные части речи. Появление сложных слов, написанных вопреки традиционным нормам правописания, связано с расширением функции дефиса, а также с интенциями авторов, стремящихся выразить экспрессию и уточнить семантику с помощью графического сдвига. Новообразования представляют собой окказиональные слова, оригинальность которых во многом обуславливается практикой интернет-дискурса.

В интернет-источниках особенно часто наблюдаются вариативные написания редупликатов (раздельное, через запятую и др.), которые используются авторами сознательно – с целью привлечь внимание читателей и актуализировать смысловые и экспрессивные возможности редупликации. Автор полагает, что носители языка имеют право на нарушение пунктуационно-орфографических норм оформления редупликатов, если это «работает» на достижение художественного и коммуникативного успеха.

Глава IV «Лигводидактические вопросы изучения редупликатных образований» посвящена овладению студентами выразительными ресурсами русского языка. Изучающие его студенты должны получить возможность работать с самым разным языковым материалом, как наиболее частотным, так и редким. В число языковых ресурсов, с которыми их необходимо ознакомить, входит и редупликация. Активное использование редупликатов в современном русском языке, в том числе в интернет-коммуникации, а также наличие редупликации в казахском языке, связанное с ее языковой универсальностью, обуславливают интерес студентов к данному средству и желание овладеть им в речи.

В методике преподавания русского языка студентам-казахам обращение к редупликации может стать очень продуктивным и воздействовать на формирование навыка устной речи студентов при соблюдении ряда условий. Во-первых, необходимо использовать задания по редупликации продвинутом этапе обучения русскому языку, во-вторых, задания должны быть разнообразными и постепенно усложняющимися, в-третьих, нужно предусмотреть переход от упражнений аналитического плана к творческим заданиями по продуцированию редупликатов.

В заключение указывается, что в дальнейшем исследовании редупликации перспективными направлениями являются анализ функционирования в тексте обособленных определений, выраженных редупликатами-прилагательными; рассмотрение редупликатных оборотов в рамках текстов разных стилей, в произведениях разных авторов; выявление трансформаций их семантики, прагматики, экспрессии и структурного состава, наблюдаемых на данном этапе развития русского языка.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ

Григорьев А.В.

РУССКАЯ БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ. –

Москва: МПГУ, 2019. – 200 с.

(Реферат)

Ключевые слова: фразеология; источниковедение; культурология; библейские выражения; библеизм; русский язык; восточнославянские языки.

Монография состоит из введения, семи глав и заключения.

В работе исследуются библейские выражения в историко-лингвистическом и семантическом аспектах, изучаются лежащие в основе номинации фразеологизмов образы, в которых находят отражение различные представления древних народов и культур. Автор показывает, как христианские ценности, воплощенные в содержании библеизмов, воздействуют на русский язык и формируют особенности русской национальной культуры.

Фразеологические выражения *«зарывать талант в землю»*; *«врач, исцелился сам»*; *«темна вода во облацех»* называют библейскими – они представляют собой цитаты из Священного Писания или устойчивые сочетания, возникшие на базе библейских сюжетов. В русском языке насчитывается более двухсот фразеологизмов, восходящих к Священному Писанию; некоторые исследователи, включая в это число и крылатые слова, говорят о более чем 800 языковых единицах, источником которых является Библия. В многочисленных словарях и справочниках библейские устойчивые выражения соотнесены с соответствующими местами Свя-

щенного Писания; описаны их значения в современном русском языке, приведены употребления данных выражений в текстах XIX–XX вв.

Традиционно считается, что Библия является собранием всевозможных народных легенд, притч, сказаний, законов, ритуальных предписаний и мифов, источники которых относятся к разным эпохам и различным социальным слоям. Тем не менее анализ данных источников в отечественной и мировой науке проводился эпизодически и не системно. Выполнив такую работу, автор пришел к выводу, что образ, лежащий в основе библейских выражений, а в некоторых случаях и значение многих фразеологизмов определяются не столько непосредственно контекстом Священного Писания, сколько внеязыковой действительностью: реалиями жизни, быта иудеев, обрядами, обычаями и представлениями социальных и религиозных групп Палестины и других стран Ближнего Востока (Шумер и Вавилон, Персия) и Средиземноморья (Египет, Греция, Рим) времени Ветхого и Нового Заветов. При этом оказывается, что вопрос о происхождении и источниках библейских выражений гораздо сложнее, чем казалось ранее. Не только восточный мир заимствовал античные сюжеты и крылатые выражения, но древнееврейские образы проникали в Грецию как в эллинистический период, так и задолго до походов Александра Македонского. Вследствие этого во внутренней форме и значении многих фразеологизмов переплетены в единое целое различные культурные контексты. Такие выражения, представляют особенный интерес для исследователя, и в монографии именно они являются предметом анализа.

Таким образом, исследуя библейскую фразеологию в контексте культуры и анализируя исходный культурный фон, автор считает необходимым уделить внимание следующим вопросам: 1) какие лингвистические и экстралингвистические факторы приводят к переосмыслению в Библии и христианской литературе уже известных выражений; 2) как обиходный и духовный опыт древних культур, воплощенный в содержании библейских фразеологизмов, воздействует на менталитет русского народа и формирует особенности национальной культуры.

Безусловно, как уже указывалось выше, подобное исследование невозможно без обращения к источникам, и не только к

Священному Писанию Ветхого и Нового Заветов. Все используемые в работе источники можно разделить на две большие группы.

1. **Хронологически более ранние, чем Библия, источники**, в которых встречается выражение, известное как библеизм, или упоминание о представлении, определяющем образ, лежащий в основе библейского выражения, или его семантику.

Переселение семитоязычных племен из южной Месопотамии (XIX–XVII вв. до н.э.) и Вавилонский плен (604–562 гг. до н.э.), переход Иосифа и его семьи в Египет в правление гиксосов, завоевание Палестины войсками Александра Македонского в IV в. до н.э., а затем ее включение в состав Римской империи (63 г. до н.э.) обусловили заимствование евреями воззрений, которые также можно найти в текстах народов Ближнего Востока и Средиземноморья: *шумерских и вавилонских*.

Не менее важны для исследователя и *эллинистические древнееврейские и арамейские* сочинения (в первую очередь – Книга Юбилеев, 4 Книга Маккавеев, Завещания двенадцати патриархов, Книга Еноха – две последние известны и в древнерусских переводах), а также *тексты Кумрана*. Курманскими рукописями (свитками Мертвого моря) называют рукописи на древнееврейском и арамейском языках, которые с 1947 г. находят на северо-западном побережье Мертвого моря в пещерах Вади-Курмана, Вади-Мураббата, Айн-Фашхи и Масады. Курманские рукописи делятся на библейские книги (все книги Ветхого Завета, за исключением Книги Есфирь; важнейшие: две версии Книги пророка Исаяи, Книги Иова, Псалмов, Левит и др.; отрывки из новозаветных текстов); пешарим – библейские комментарии секты (комментарии на Книги Аввакума, Наума и др.); документы самой секты (из них важнейшие: «Устав общины», «Дамасский документ», «Храмный свиток» и др.).

Еще в 50-е годы XX в. была выдвинута точка зрения, согласно которой христианская «церковь восприняла образ жизни ессеев (=куманской общины), ее устав, многие из ее доктрин и, несомненно, значительную часть фразеологии, которой изобилует Новый Завет». Сходство наблюдается не только в употреблении одних и тех же терминов и выражений, но и также в способе заимствования и интерпретаций ветхозаветных комплексов, выражающих сходные идеи.

Некоторые исследователи объясняют такое заимствование тем, что «Кумран – ессе́йская колония, явившаяся местом деятельности Иоанна Крестителя и возникновения Христианства». Выдвигаются и предположения о связи Христа и ессеев.

Большая часть событий, которые описываются в Библии, происходит в Палестине – так греческие и римские писатели называли землю между Египтом и Сирией, населенную преимущественно евреями. Неудивительно, что образы и семантика библейских фразеологизмов отражают древнеиудейские реалии, обряды, обычаи и представления, в первую очередь религиозные, которые параллельно могут быть зафиксированы в древнееврейских и арамейских раввинистических сочинениях.

Исследуя данные источники и определяя их лингвистическую ценность, автор полагает, что следует иметь в виду, что все эти сочинения по времени записывались позже, чем ветхозаветные и новозаветные тексты, однако, по всей вероятности, опирались на древнюю устную традицию. Поэтому параллели, встречающиеся в данных источниках к новозаветным устойчивым выражениям, можно рассматривать как свидетельство их общего источника.

Лежащие в основе номинации библеизмов образы и семантика фразеологизмов, в которых находят отражение добиблейские и доевангельские космологические, антропологические, эсхатологические воззрения древних народов, а также представления о ритуальной и обрядной чистоте, рассматриваются в 1–4 главах.

2. Источники, в которых зафиксированы библейские выражения, отобранные истолкователями из Священного Писания и тем самым актуализированные для носителя языка: гностические тексты, греческие и славянские христианские сочинения (в том числе натристика и апокрифы).

Когда говорят о причинах употреблений библеизмов у греческих и славянских авторов, указывают, что использование подобных устойчивых выражений «одухотворяло... тексты, противопоставляя их полным риторическим украшениям, но “пустым с точки зрения духовного содержания” сочинениям язычников». Это действительно так, однако при этом необходимо учитывать, что именно на основе Библии греческими Отцами Церкви создается новая христианская картина мира: цельная система знания, неразрывно соединенная с высоким нравственным характером. По мне-

нию раннехристианских богословов, истина во всей своей полноте дана людям через Иисуса Христа. Вследствие того, что именно о Нем повествует Священное Писание, истину можно познать из Библии, поэтому возникает необходимость в актуализации для верующего важнейших идей Священной Книги, которые нередко представлены в виде ярких образных выражений.

Отцы Церкви на основе библейского текста осмысливают реальную действительность, создавая между ней и языком некое посредство – христианскую картину мира, которая влияет на формирование новых значений слов и выражений. Данное утверждение можно представить в виде следующей схемы:

Реальная действительность → *реальная действительность в Библии* → *библейское слово* → *осмысление и переосмысление библейского слова / выражения / эпизода Отцами Церкви, создание христианского представления* → *значение в тексте* → *значение в языке.*

Отцы Церкви создали четкую связь между библейским словом или выражением и представлением о них в системе христианской картины мира. Как указывают исследователи, в процессе толкования конкретных библейских текстов отцами было осмыслено (или надделено) символическое значение всех встречающихся в Библии предметов, вещей, событий, явлений, имен людей... Эта лексика фактически составляла основной объем всей древней лексики, т.е. с ее помощью описывался весь универсум. Таким образом, каждый реально существующий элемент или феномен универсума... был надделен символическим значением.

Именно в сочинениях Отцов Церкви был создан корпус переосмысленных эпизодов, парафраз и слов Священного Писания, с которыми «сцеплялись» определенные христианские представления. Во многих случаях связь *слово – представление* оказывается устойчивой, встречаясь в христианских текстах в течение нескольких веков. Такая устойчивость во многом определяется тем, что для Отцов Церкви и затем для каждого верующего христианина Священное Писание неотделимо от Церковного Предания.

Отмечается, что христианская картина мира и система устойчивых библейских выражений создается не сразу, но постепенно. В результате в работе выделяются несколько этапов ее становления.

В 5-й главе на примере анализа отдельных выражений показано, как обороты (в том числе и отдельные их компоненты), в тексте Библии существующие как фразеологические единицы, наполняются новым христианским содержанием, а свободные сочетания переосмысливаются и становятся фактами языка. В 6-й главе показано, как изменяются форма и значение библейских выражений в древних и современных европейских языках под влиянием воззрений различных раннехристианских богословских школ.

Автор указывает, что материалом для анализа могут служить не только фразеологизмы-идиомы (*альфа и омега, нищие духом*), но и такие выражения, как *вера без дел мертва; кто не работает, тот не ест* и подобные, часто называемые *крылатыми словами или выражениями*. Идиомы и крылатые слова либо встречаются в тексте Писания в таком же виде, как и в современном русском языке, употребляясь в переносном или прямом значении (*не мечите бисер перед свиньями, что есть истина, толците и отверзется*), либо не представлены в Библии своим лексическим составом, но семантически детерминированы конкретными сюжетами (*блудный сын, добрый самаритянин, ни на йоту* и др.). К последним примыкают и выражения, которые определяются идеями и представлениями, зафиксированными в Священном Писании и истолкованными в позднейших сочинениях. К данной группе можно отнести фразеологическое выражение *быть на седьмом небе*, а также многочисленные пословицы, например: *лишние деньги – лишняя забота; век протянет, всем достанется; хозяин в дому; как Авраам в раю; не муж в мужьях; кем жена владеет; узка дорожка в рай, да обходу нет; у Бога все возможно; седина в бороде, бес в ребро; и смех наводит на грех и др.*

Анализируя выражения последней группы, исследователь, изучающий, как опыт древних культур, воплощенный в содержании библейских фразеологизмов, воздействует на менталитет русского народа, обязательно должен решать источниковедческие проблемы, определяя, какими путями пришло то и иное выражение в современный русский язык. Этой проблеме посвящена 7-я глава.

В заключение отмечается, что язык является не только средством общения и передачи информации, но и служит для духовного развития и совершенствования человека. Принятие христианст-

ва и перевод Священного Писания на старославянский язык обеспечили «славянское культурное чудо», когда Русь стала ведома и слышима всеми концами земли. Свидетельством духовного преобразования славян явилось и усвоение многочисленных библейских фразеологизмов, в которых отражены как опыт древних языческих культур, так и новое духовное христианское содержание.

Как показывает проведенный анализ, библейские выражения весьма продуктивно исследовать в лингвокультурологическом и источниковедческом аспектах.

В большинстве случаев автор смог реконструировать и описать культурные контексты, которые определяют внутреннюю форму и значение библейских выражений, показать их влияние на русскую культуру, литературу, сознание русского человека. Выявлено, что эсхатологические и антропологические представления, отношение к божественной благодати, греху и грешникам, женщине, врачам, лечению, богатству, ритуальной и обрядовой чистоте, сформировавшись под влиянием библейских идей в Византии, заимствуются славянами и во взаимодействии с дохристианскими воззрениями живут в русском народе по сей день.

Результаты, полученные при анализе библейских фразеологизмов, позволяют говорить о продолжении исследований в этом направлении. Это и изучение новых тематических групп библеизмов, и привлечение новых источников, тем более что в последние годы активно вводятся в научный оборот различные древнерусские тексты, в том числе гимнографические и апокрифические, в которых находят отражение библейские представления и мотивы.

Это позволяет надеяться, что со временем совместными усилиями филологов-классиков и славистов, фольклористов, этнолингвистов и культурологов будут подробно описаны история и бытование библеизмов в восточнославянской и русской книжности и русском фольклоре.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Куликова И.С., Салмина Д.В.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ
СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА: (ПО МАТЕРИАЛАМ
НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА). –
Санкт-Петербург: Свое издательство, 2019. – 330 с.
(Реферат)**

Ключевые слова: терминоведение; научный дискурс; детерминологизация; русский язык.

Монография состоит из введения, двух разделов (раздел 1 «Типы детерминологизации», раздел 2 «Факторы миграционной активности лингвистических терминов») и заключения.

Монография посвящена актуальной для современного терминоведения проблеме жизни специального термина за пределами собственно научного дискурса, так и для изучения активных процессов, протекающих в сфере современной полидискурсной коммуникации. Предметом исследования является лингвистическая терминология, в основном известная по школьному курсу, а потому хранящая в языковом сознании широкого круга носителей русского языка. Тщательное рассмотрение контекстов-метарефлективов помогло выявить не только количественное различие миграционных тенденций терминов, но и описать разные по степени глубины процессы их детерминологизации.

В проведенном исследовании авторы существенно расширили круг миграции языковедческих терминов за пределы собственно лингвистического дискурса, используя в качестве источника материала Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ), что открывает исследователю путь от слова к многочисленным и разнообразным контекстам его использования. В данной работе под дискурсом понимаются «текст(ы) в неразрывной связи с си-

туативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающих особую – а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» (с. 9).

Специфическое гипертекстовое пространство основного корпуса НКРЯ с этой точки зрения может, согласно мнению авторов, рассматриваться как принципиально полидискурсное, поскольку включает тексты, извлеченные из различных коммуникативно-стилистических сред: научной, научно-популярной, публицистической, художественной, а также форумного интернет-общения.

Дискурсное и авторское разнообразие, а сверх того трехвектовой охват текстов позволили получить представительную выборку из более 30 тыс. вхождений 45 лингвистических терминов, которая даже при ее фрагментированности дает возможность проследить некоторые закономерности функционирования языковедческих терминов за пределами собственно лингвистического дискурса. В тех случаях, когда представленный в НКРЯ фрагмент недостаточен для интерпретации вхождения, почти всегда есть возможность его расширения с выходом на текст-источник. Кроме того, аппарат корпуса позволяет получить чрезвычайно важные для данной темы количественные показатели миграционной активности термина, а также – в случае необходимости – проследить по графикам ruscorpora.ru ее динамику во времени.

Многие лингвисты обращают внимание на неравную изученность объектов «метаязыка обыденной лингвистики» типа *слово, значение, говорить*. Однако обозначения, заимствованные из научной лингвистики: *синонимы, орфография, подлежащее, инфинитив* и т.п., которые в языке «стихийного лингвиста» могут сохранять свое терминологическое значение или изменять его, пока не становились предметом специального исследования.

Именно эта категория терминов выбрана авторами в качестве объекта изучения, что обеспечивает новизну проведенного исследования. Отбирая единицы метаязыка, авторы стремились проследить миграционную судьбу терминов, исходно обладающих неравным потенциалом неспециального использования. Поэтому, с одной стороны, в поле зрения оказались так называемые

«школьные» термины типа *глагол* или *подлежащее*, заложенные в сознание практически любого носителя языка с детства, с другой – сугубо специальные термины типа *семантика* и *фонема*. Учитывалось также наличие или отсутствие у термина ограничительной пометы в толковых словарях, отсутствие или наличие производных значений, в том числе и фразеологизированных, наконец, такой социокоммуникативный фактор, как «мода на интеллектуализацию высказывания, когда употребления той или иной терминологической лексемы становится социально престижным» (с. 10). Таким образом, отсутствие таких ограничений уже само по себе может рассматриваться как ослабление терминологичности, т.е. как заложенная в узусе предпосылка для детерминологизации.

Анализ материала выявил неодинаковую активность миграции лингвистических терминов, которые распределяются по убывающему числу вхождений в неспециальные тексты в НКРЯ следующим образом: 1) не менее 1000: *акцент, глагол, грамматика, запятая, синоним*; 2) от 999 до 500: *парадигма, диалект, кавычки, семантика, лексика, синтаксис, существительное, прилагательное*; 3) от 499 до 100: *орфография, местоимение, аббревиатура, междометие, многоточие, подлежащее, тире, сказуемое, дискурсивный, предлог, неологизм, артикуляция, пунктуация, морфология, архаизм, союз, числительное*; 4) от 99 до 50: *вербальный, антоним, дефис*; 5) менее 50: *артикулировать, коннотация, дискурсивный, вербализация, фонема, сложносочиненный, обстоятельство, склонять, лексема, морфема, вербализовать, окказионализм*; 6) ни разу (как лингвистический термин): *историзм*.

В пределах каждой группы оказываются термины, относящиеся в метаязыке к разным тематическим полям, что позволяет говорить лишь о тенденциях терминологической миграции, лишь о возможности той или иной категории терминов становится объектом метаязыковой рефлексии.

Максимально свободно мигрируют так называемые «школьные» термины, как без ограничительных словарных помет, так и с такими пометами (частеречные термины). Прочно закрепившиеся в сознании носителей языка благодаря многолетнему орфографическому и грамматическому тренажу, они употребляются в контекстах-метарефлексивах с ослабленным (иногда и ошибочным) терминологическим содержанием, подвергаясь функциональной

детерминологизации. Не случайно поэтому почти все они сосредоточены в первых трех частотных группах.

Однако дистанция между *глаголом* (более 2500) и *числительным* (111) все же настолько велика, что заставляет искать дополнительные мотивы миграционной активности. Первый фактор лежит на поверхности: активнее оказываются названия основных частей (существительное, прилагательное, глагол), главных членов предложения (подлежащее, сказуемое), а также термины тематической сферы «Правописание» (орфография, запятая, кавычки, многоточие, тире).

Второй фактор, выявленный в процессе анализа материала, – это различное место, занимаемое терминируемым языковым явлением в сознании носителей языка. Оно тем значительнее, чем актуальнее представляется соответствующий языковой навык для коммуникативных и когнитивных потребностей носителя языка и чем свободнее субъективный выбор в процессе речи. Именно этим объясняется широкое функционирование вне специального дискурса термина синтаксис (621) при весьма ограниченных возможностях смежного с ним термина морфология (124), богатые возможности метаязыковой рефлексии по поводу глагола, прямо зависящие от его специфических грамматических категорий и от «энергетики» глагола как потенциального синтаксического центра высказывания; большое количество контекстов-метарефлексивов, в центре которых коммуникативно-прагматические кавычки (804). Полидискурсный и содержательно многообразный массив аксиологических текстов, включающих термин *орфография* в НКРЯ (436), подтверждает известный современной науке тезис об орфографоцентризме обыденного языкового сознания.

Подтвердилось и другое естественное предположение: функционирование сугубо специальных «эмических» терминов фонема (12), морфема (8), лексема (10) за пределами лингвистического дискурса крайне ограничено, а в случае «выхода за рамки» они обнаруживают тенденцию к упрощению и даже искажению содержания.

Материал показывает, что при миграции лингвистических терминов преобладающим типом является функциональная детерминологизация с сохранением основного терминологического смысла, но с разной мерой ослабления терминологической семан-

тики. Условия такой детерминологизации – полидискурсное использование термина и аксиологический характер контекстов-метарефлексов.

Таким образом, проведенное исследование убедительно показало, что полидискурсное гипертекстовое пространство Национального корпуса русского языка, даже при его принципиальной фрагментарности, может служить источником материала для наблюдений за функционированием терминов – в данном случае лингвистических – за пределами специального научного дискурса.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

УДК: 81'373.612.2

DOI: 10.31249/ling/2021.01.09

Яковлева Э.Б.

**ОТ СЕМЬИ ДО КОРОНАВИРУСА:
ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В РАЗНЫХ ВИДАХ
ДИСКУРСА.
(Обзор)**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана*

Аннотация. Рассматривается лексика семантической области «Война» в метафорическом использовании в разных видах дискурса: в семейно-бытовом, спортивном, публицистическом на тему COVID-19. Иллюстративным материалом служат текстовые фрагменты «Национального корпуса русского языка», современные печатные издания и живая разговорная речь с начала XXI в. и до настоящего времени, приводимые авторами представляемых в обзоре статей.

Ключевые слова: военная лексика; процесс метафоризации; военная метафора; обиходно-бытовой дискурс; семейный дискурс; спортивный дискурс; медиадискурс; лексико-семантическая характеристика; категориально-грамматические особенности; сема; неологизмы; коронавирус; COVID-19.

Проблема метафоры и ее особенности функционирования в языке и речи являются актуальными для современной лингвистики. Данные вопросы активно изучаются и находят отражение в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Лексика семантической области «Война» в метафорическом использовании активно манифестируется в различных типах дискурса современного русского языка, так как без метафоры любой вид дискурса неизбежно теряет яркость красок эмоциональных характеристик. Под военной метафорой следует понимать такой вид метафоры, в семантической структуре которой как эксплицитно, так и имплицитно представлена сема «война».

Как справедливо указывает Н.В. Федотова [Федотова, 2019], значительное количество работ в современной метафорологии посвящено функционированию военной метафоры в политическом, спортивном, медицинском и других видах дискурса [там же, с. 40].

Ее работа посвящена анализу военной метафоры в рамках структурно-семантического подхода в текстах, связанных с темой «Семья» (на материале текстовых фрагментов «Национального корпуса русского языка», современных печатных изданий и живой разговорной речи), с начала XXI в. и до настоящего времени.

Автор отмечает, что военная метафора широко распространена в обиходно-бытовом дискурсе, каковым и является «семейный» дискурс, в котором, в частности, отражается восприятие взаимоотношений между членами семьи – группы живущих вместе родственников (мужа и жены, родителей и детей и др.) – как аналога военной битвы, актуализируя метафорическую модель семейной жизни как поле брани.

Исследователь выделяет единицы семантической области «Война», получившие метафорические значения; выявляет тематические группы военной лексики, подвергающиеся процессу метафоризации; анализирует военные метафоры относительно лексико-семантической характеристики, выделяя семы, на основе которых осуществляется метафорический перенос, а также направления метафорического переноса и категориально-грамматических особенностей, рассматривая их функционирование для выражения семейных отношений в обиходно-бытовом дискурсе.

Анализ лексико-семантических характеристик военной метафоры позволил исследователю выделить следующие тематические группы [там же, с. 43–45].

1. Наименование военных действий и способов ведения войны, например: *агрессивно, артподготовка, атака / атаковать / атаковать / атакуются / атакующий, барри-*

кадировать / баррикадироваться / забаррикадировать / забаррикадироваться, баталия, битва / бить / биться, блокада и т.д. «Когда заиграли белый танец, Зинаида Львовна встала и пошла в наступление...» (Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)).

2. Наименование мест ведения военных действий, например: *аэродром / аэродромный, баррикада / баррикады / баррикадный, каземат / казематный, крепость, окоп / окопный, прифронтовая полоса, тыл / тыловой, укрытие, центр боевых действий и др. «Мой дом престал быть моей крепостью. Здесь распорядилась Ляна» (Виктория Токарева. Хозяева и слуги (2015)).*

3. Наименование воинских подразделений, частей, объединений, например: *взвод / повзводный / повзводно, дивизия / дивизион / дивизионный, легион, полк и др. «Легион любовниц был отставлен и забыт...» (Елена Съянова. Лей – обольститель немецкого рабочего класса // Знание – сила. 2005).*

4. Наименование способов построения армейских подразделений, например: *строй / строевой, тыл / тылы и др. «Муж и жена стоят в одном строю против всех жизненных трудностей и неурядиц...» (Из разговорной речи).*

5. Наименование понятий военного искусства и методов его достижения, например: *военная дисциплина, военная хитрость, высший пилотаж, маневр (маневр), маневры, муштра / муштровать / муштроваться / муштрование / муштровка / вымуштровать «А в отцовском воспитании присутствует военная дисциплина» (Ольга Кабо: «Было очень тяжело отпустить дочь во взрослую жизнь» // Семь дней, № 2 январь 2018).*

6. Наименование воинских ритуалов и порядков, например: *дедовщина, рапорт / рапортовать / отпрапортовывать / отпрапортовать / отпрапортоваться и др. «Свекровь и теща: женская дедовщина. Невестка и свекровь...» (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // Русская Жизнь, 2008).*

7. Наименование определяющего элемента боевой готовности военнослужащих, войск, например: *агрессивность / агрессивный, богатырство, во всеоружии, воинственный / воинствующе / воинственность / воинственно / воинствовать / воинствующий и др. «То есть агрессивное поведение родителей развивается путем подражания семейным моделям» (Физическое наказание: «за» и «против» (форум) (2007.01.05)).*

8. Наименование родов войск и специальностей, например: *артиллерия / артиллерийский, конница, контрразведка, разведка и др.* «– Вот, иду на разборку с женой. У нее, конечно, понимаешь, перевес: все же эти кастрюли, сковородки – тяжелая артиллерия» (Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)).

9. Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к военным действиям, например: *агрессор, богатырь / богатырский / богатырски / по-богатырски / богатырша, боец / бойцовский, боевая подруга, военачальник, воин* «Жена в нашей семье интендант!» (Из разговорной речи).

10. Наименование видов оружия, его элементов и мест хранения, например: *бомба / бомбочка / бомбовый, граната / гранатный, дуло / дульный, запал, заряд / зарядный / многозарядный / самозарядный, меч, мина* «...директор винзавода, щит и меч семьи...» (Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998–2007) // Зарубежные записки, 2009).

11. Наименование элементов обмундирования и снаряжения, например: *знамя, обмундирование / обмундировка / обмундировочный / обмундировывать / обмундировать* «В трехкомнатной квартире на Каляевской шла ожесточенная гражданская война, дочь переходила из рук в руки, как стратегически важный пункт, и над Глафирой поднимался партийно-советский штандарт отца, чтоб унести порывом ураганной брани матери, которая тут же взвивала над дочерью блеклый монархический флаг» (Анатолий Азольский. Глаша // Новый мир, 2003).

12. Наименование процессов и результатов ведения военных действий, например: *белый флаг, завоевания (завоеванные территории), завоевать, капитуляция / капитулянтство / капитулянтский / капитулянтски / капитулировать, контрибуция / контрибуционный, медаль* «Юношеские женитьбы, как известно, редко дотягивают до юбилеев, так и этот «томительный плен» благополучно распался» (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)).

В табл. 1 [Федотова, 2019, с. 47] автор приводит частотность употребления тематических групп военной лексики для выражения семейных отношений в обиходно-бытовом дискурсе.

*От семьи до коронавируса:
военная метафора в разных видах дискурса*

Таблица 1

Тематическая группа	Частотность
Наименование военных действий и способов ведения войны	40%
Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к военным действиям	17%
Наименование процессов и результатов ведения военных действий	14%
Наименование понятий военного искусства и методов его достижения	7%
Наименование видов оружия, его элементов и мест хранения	7%
Наименование элементов обмундирования и снаряжения	4%
Наименование мест проведения военных действий	3%
Наименование воинских подразделений, частей, объединений	2%
Наименование определяющего элемента боевой готовности военнослужащих, войск	2%
Наименование способов построения армейских подразделений	1%
Наименование родов войск и специальностей	1%
Наименование воинских ритуалов и порядков	1%

В табл. 2 [Федотова, 2019, с. 48] автор на основе анализа категориально-грамматических особенностей выражения семейных отношений в обиходно-бытовом дискурсе с помощью метафоризированной военной лексики представила частотность ее частеречного употребления.

Таблица 2

Частеречная отнесенность	Частотность
Субстантивные метафоры	46%
Глагольные метафоры	30%
Адъективные метафоры	19%
Адвербиальные метафоры	5%

Данные таблиц автор иллюстрирует большим количеством примеров.

На основе проведенного анализа употребления военной метафоры для выражения семейных отношений в обиходно бытовом дискурсе современного русского языка исследователь сделала вывод о том, что данный вид метафоризированной лексики активно манифестируется для выражения семейных конфликтных ситуаций.

Предметом исследования М.М. Сизых [Сизых, 2020] является метафоризированная военная лексика о коронавирусе в современной российской публицистике.

Автор отмечает, что сложившаяся в настоящее время пандемическая ситуация существенно повлияла на картину мира носителей языка и определила изменение их речевого поведения. Данный факт обусловил интерес к исследованию формирующегося концепта *коронавирус*. По мнению исследователя, термин *коронавирус* вышел за пределы медицинской терминосферы и стал феноменом бытовой, политической, деловой и медиакоммуникации. Автор указывает, что COVID-19 является названием инфекционного заболевания, однако в бытовом и медийном дискурсе закрепились лексема *коронавирус*. Данное понятие относится не к болезни, а к определению семейства вирусов.

Отмечается, что накопленный за время пандемии языковой материал определяет перспективу исследований словоупотребления данной лексемы, ее сочетаемостных возможностей, словообразовательного потенциала, языковой игры с лексемой и т.д. Особый интерес исследователей направлен на анализ речевой манипуляции в медиадискурсе, так как именно в нем журналисты стремятся экспрессивно и эмоционально отразить данное явление, прибегая к метафорам войны, смерти, стихийного бедствия и т.д., тем самым формируя ощущение страха и панику у читателей.

Автор отмечает, что к настоящему времени отечественными лингвистами уже описаны неологизмы в английском языке, мотивированные лексемами *coronavirus*, *Covid* и *quarantine*, например: *coronapocalypse*, *coronaphobia*, *coronallennial*, *covidol*, *quarantech* и др.

В работе предпринята попытка описания особенностей моделирования военной метафоры в рецепции COVID-19 в современном российском медиадискурсе. Материалом исследования послужили тексты медиадискурса, посвященные коронавирусу, автором проанализировано более 2000 текстов (репортажи, заметки, статьи), сформирован корпус примеров на основе электронных СМИ.

Война как явление социальное является ментальной единицей, представляющей результат восприятия человеком действительности, и вербализируется в различных дискурсах. Многочис-

ленные исследования посвящены анализу метафоры войны в политическом, бытовом, медицинском, спортивном, художественном и медиадискурсе. Новое явление COVID-19 человек описывает с помощью набора привычных метафор, в том числе и военной метафоры, в которой эксплицитно или имплицитно актуализируется сема *война*. Война и медицина – явления разного порядка, но действия врачей и пациентов осмысляются как война с коронавирусом, в результате которой есть пострадавшие и победители.

На основе анализа полученных примеров М.М. Сизых выделяет несколько тематических групп метафоризированных лексических единиц на тему коронавируса семантической сферы «война».

1. Наименование военных действий и их характеристика: *война / воевать / вести войну, атаковать / идти в атаку, борьба / смертельная борьба / бороться / вести борьбу, бомбить / разбомбить, ворваться, наступать / наступательная операция, поборошь и др.*

2. Результат военных действий: *победить / победоносный исход / одерживать победу, поражение / принять поражение / уверенное поражение / проиграть войну.*

3. Наименование видов оружия и его характер: *оружие / глобальное оружие / генетическое оружие, обоюдоострое оружие, бомба / атомная бомба / расовая бомба, боевой бумеранг, убийная сила.*

4. Место военных действий: *фронт / линия фронта / фронт борьбы / невидимый фронт борьбы, передовая / коронавирусная передовая, передовая всемирной борьбы, зона / красные зоны / красные точки.*

5. Участники войны, их действия, а также лица, косвенно относящиеся к военным действиям: *враг / невидимый враг, выживальщик, герой, жертва, оборонщик, партизан / партизанить, повстанцы, противник, убийца.*

Для каждой тематической группы исследователь приводит примеры из статей СМИ, посвященных коронавирусу.

Автор отмечает, что направление метафорического переноса: «военный => врач», «вирус => враг». В приведенных примерах реализуется классическая бинарная оппозиция «свой – чужой», однако она дополняется третьим субъектом, образуя триаду: враг (чужой) – защитник (свой) – мирный житель. Коронавирус мыс-

лится как враг, убийца, противник; врачи выполняют функцию защитников, наделяются качествами героев; мирные жители выступают в двух ролях (активной и пассивной) – участники сопротивления (партизаны) и жертвы.

В заключение делается вывод о том, что при описании коронавируса в отечественном медиадискурсе используется военная метафора, переосмысливается лексика военной сферы из пяти выделенных автором групп. Активное использование военной метафоры при описании коронавируса объясняется сходством военных действий, их характера и результата с борьбой человечества против коронавируса: коронавирус мыслится всеобщим врагом, с которым на земном шаре ведется война, и где есть победители и побежденные.

Работа С.З. Шукунды [Шукунда, 2020] посвящена возникновению английских неологизмов на тему коронавируса. Автор исследует их относительно частотности способов образования. Наиболее продуктивным способом, по его мнению, является смешение. Создание неологизмов путем смешения часто включает в себя языковую игру. Эти слова передают ироническое отношение к номинируемому объекту. Автор считает, что одной из причин образования большинства коронанеологизмов путем смешения является стремление человека использовать юмор в качестве защитной реакции от страха перед опасной ситуацией.

Отмечается, что глобальная эпидемия коронавируса 2020 г. унесла жизни сотен тысяч людей и нанесла мощный удар по экономике многих стран. Эта эпидемия послужила поводом для создания целого ряда оригинальных неологизмов в английском языке. Новое заболевание получило название COVID-19, что является сокращенной формой *coronavirus disease 2019*.

В дискурсах СМИ, социальных сетях (Facebook) и онлайн-словарях (Urban Dictionary, Merriam Webster) исследователь обнаружил тридцать пять неологизмов, связанных с коронавирусом.

Автором были проанализированы способы образования найденных неологизмов. Выяснилось, что большинство из них образовано путем слияния – соединения усеченных основ двух или более лексических единиц.

В работе приводится целый список примеров коронанеологизмов, например: *Coronapocalypse* (*coronavirus+apocalypse*),

Coronaphobia (coronavirus+phobia), Coronawashing (coronavirus+whitewashing), Coronancellations (coronavirus+cancellations), Coronaclosed (coronavirus+close) и многие др.

Другим продуктивным способом образования неологизмов являются сокращения, которые так же, как и слияния, отражают тенденцию к экономии языковых усилий. Из четырех видов сокращений (аббревиатуры, акронимы, усечения, слияния) преобладают усеченные слова. Особенностью усечений является их использование в рамках разговорной речи. Так слово «quarantine» многие носители английского языка сокращают до слова «quar», выражение «in isolation» сокращается до «in iso», а слово «coronavirus» сократилось до «gona» или «the Rona».

Автором обнаружены также неологизмы, образованные путем аффиксации: Coronic (суффикс –ic): *прил.*, инфицированный коронавирусом; CoViddy (суффикс –y): *прил.*, демонстрирующий необычное поведение, вызванное страхом перед коронавирусом.

Некоторые неологизмы образованы способом конверсии: Coronavirusing: пребывание дома в страхе перед коронавирусом; To self-quarantine: избегание контактов с другими людьми.

В заключение автор констатирует факт очень быстрой реакции языка на новые социальные изменения. Возникающие новые социальные реалии требуют своей номинации. Наблюдается частотное распределение неологизмов по способу их образования. Наиболее продуктивным способом оказалось слияние. По словам автора, «слова-слитки» часто создаются при участии языковой игры и передают шутливое и ироничное отношение к номинируемому объекту как психологическая реакция на страх перед опасностью.

В работе Н.В. Федотовой [Федотова, 2018] представлен анализ военной метафоры в текстах спортивной тематики с начала XXI в. и до настоящего времени на материале текстовых фрагментов Национального корпуса русского языка.

Как отмечает автор, спортивная и военная сферы исторически взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии. Метафорическая модель «Спорт – это война» отражает восприятие спортивной игры, победы или поражения в ней как аналога военной битвы. Подготовка спортсменов в первой половине XX в. в нашей стране: сдача норм на значки «Ворошиловский стрелок»,

«Альпинист СССР», «Парашютист СССР», спортивный норматив ГТО (Готов к труду и обороне) и пр. являются примерами этой модели.

По аналогии с семейным дискурсом исследователь выделяет те же тематические группы актуализации военной лексики (см. выше).

В табл. 3 [Федотова, 2018] представлена частотность использования в языке спорта выделенных тематических групп военной метафоры.

Таблица 3

Тематическая группа	Частотность
Наименование военных действий и способов ведения войны	30%
Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к военным действиям	20%
Наименование процессов и результатов после ведения военных действий	6%
Наименование военного искусства	3%
Наименование видов оружия, его элементов и мест хранения	15%
Наименование мест проведения военных действий	8%
Наименование воинских подразделений, частей армии	9%
Наименование определяющего элемента боевой готовности военнослужащих, войск	4%
Наименование способов построения армейских подразделений	2%
Наименование родов войск и специальностей	1%
Наименование элементов обмундирования и снаряжения	2%

Исследователем приводятся примеры военной метафоры различной частеречной отнесенности:

1) субстантивные метафоры: агрессия в значении «враждебность»: *«Шаг 1. А – проявляет признаки агрессии...»* (Олег Васильев. Контактная импровизация. Хореография боевых искусств (теория и практика) (2003) // Боевое искусство планеты. 08.12.2003) [там же, с. 380]);

2) глагольные метафоры: атаковать в значении «агрессивно себя вести»: *«Перед стартом пилоты приняли совместное решение не атаковать друг друга в первых двух скоростных и узких поворотах трека, чтобы избежать столкновений...»* (Евгений Чежегов. Хуан и Педро. Гран-при Италии прошел под диктовку

южноамериканцев (2001) // Известия. 17.09.2001) [Федотова, 2018];

3) адъективные метафоры: «У сборной России есть самое главное – **боевой дух**» (Матвей Глебов. Снова минус один. У баскетбольной сборной образовалась вакансия (2001) // Известия. 27.08.2001) [там же].

На основании предложенной И.М. Юрковским классификации, учитывающей особенности функционирования военной лексики в спортивном дискурсе, Н.В. Федотова выделяет три группы лексических единиц.

К первой группе относятся окказиональные, метафорически переосмысленные лексические единицы военного дела, чье употребление в лексике спорта носит случайный характер. Такие лексемы не носят характер устойчивого употребления, их цель – усиление экспрессивности. Поэтому их используют в качестве усиления эмоционального воздействия на реципиента или образных заместителей терминов спорта. Например, амбразура: «*Лишь 2 мяча в 9 последних встречах, бесконечные **броски на амбразуру** при полном неумении толково выстраивать наступление...*» (Дмитрий Навоша. Лицо массовки. Середняки футбольного первенства страны перестают быть безликими (2001) // Известия. 24.09.2001) [там же, с. 381]. Как отмечает автор, крылатые выражения «закрыть грудью амбразуру», «бросаться на амбразуру» употребляются применительно к тем, кто, не считаясь с личными интересами и не обращая внимания на препятствия, смог внести решающий вклад в успех какого-либо дела (в данном случае – футбольного матча) [там же].

Ко второй группе относятся широкоупотребительные метафоры, которые дублируют спортивные термины. Это метафорически переосмысленные военные слова, в результате регулярного употребления ставшие составной частью общеупотребительной лексики. К данной группе относятся лексемы, попавшие в спортивную лексическую сферу как готовые выразительные средства: *армия, атаковать, агрессия, баталия, битва, война, бой, побоище, боец, боевой, боеспособность, дивизион, ветеран, завоевать, наступление, контр наступление, оборона, разгром, снайпер, трофей, флагман, штрафник и др.* Слова рассматриваемой группы чаще всего выступают в роли заменителей основных терминов и

используются для усиления экспрессивности речи. Например, дивизион вместо «группа, подразделение»: «*В матче 8-го тура чемпионата России по футболу (второй дивизион, зона “Восток”)...*» (Сергей Петренко. Мировлюбивый «Сибиряк» (2003) // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 14.06.2003) [там же].

Наибольший интерес, по мнению исследователя, представляет третья группа, к которой относятся слова военной тематики, в результате метафоризации ставшие спортивными терминами. Слова данной группы отмечены во всех спортивных словарях (например, в толковом словаре спортивных терминов и в некоторых общих словарях со специальной пометой «спорт».

Переход военного термина в спортивный связан с резкими сдвигами в его содержании и основан на переосмыслении по сходству, которое порождает ярко образную метафору (1 группа слов). Единичная метафора становится широкоупотребительной при условии закрепления в языке (2 группа слов). Спортивные термины (3 группа слов) составляют терминологизированные слова из второй группы. К таким спортивным терминам относят следующие: *атака, контратака, блокада, бомбардир, булава, граната, капитан, карабин, колонна, комендант, легионер, маневр, маршал, пушка, пистолет, снаряд, стратегия, тактика, турнир, фланг, форпост, штурман, щит, экипаж, экипировка и др.*

Автор приводит большое количество примеров, иллюстрирующих данные группы метафор.

Подводя итог, автор предполагает, что хотя процесс метафоризации военной лексики актуален для различных типов дискурса, именно в языке спорта он является наиболее продуктивным и именно в этой сфере доля военных метафор составляет наибольший процент.

Таким образом, следует констатировать факт большого интереса исследователей к военной метафоре, ее актуализации в разных видах дискурса. Лингвисты пытаются зафиксировать существующую и формирующуюся (коронавирусные метафоры) в общественном сознании на определенном этапе развития общества систему основных метафорических образований, появление которых обуславливается существующими или новыми реалиями социума, и сделать выводы об истоках их появления и перспективах эволюции в языковом сознании носителей языка, а также изучить

факторы, способствующие активизации метафорических процессов.

Список литературы

- Сизых М.М.* Военная метафора в рецепции COVID-19 (на материале современного русского медиадискурса) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2020. – № 05 (61). – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/voennaya-metaphora-v-retseptsii-covid-19-na-materiale-sovremennogo-russkogo-mediadiskursa.html>
- Федотова Н.В.* Функционирование военной метафоры в обиходно-бытовом дискурсе современного русского языка // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования / Воронежский гос. тех. ун-т. – 2019. – № 1 (41). – С. 40–52.
- Федотова Н.В.* Специфика употребления военной метафоры в спортивном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2(80), ч. 2. – С. 378–383.
- Шужунда С.З.* «Ковидолы» против «ковидиотов»: английские неологизмы, порожденные коронавирусом // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2020. – № 04 (60). – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/kovidoly-protiv-kovidiotov-anglijskie-neologizmy-porozhdyonnye-koronavirussom.html>

СТИЛИСТИКА

Святославский А.В.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ МИХАИЛА ПРИШВИНА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. –

Москва: МПГУ, 2019. – 160 с.

(Реферат)

Ключевые слова: творчество Михаила Пришвина; язык и стиль художественного произведения; формирование художественного образа.

Монография состоит из предисловия, девяти глав и заключения.

Исследование посвящено анализу лингвистических, коммуникативно-риторических и символично-семиотических аспектов художественного текста Михаила Михайловича Пришвина с точки зрения выявления наиболее типичных, константных особенностей его идиостиля, а также явлений, отражающих творческую эволюцию писателя. Объектом анализа стали книги очерков Пришвина «В стране непуганых птиц» и «За волшебным колобком», цикл «старых рассказов» 1910–1912 гг. повесть «Мирская чаша», автобиографический роман «Кощеева цепь», повесть-поэма «Женьшень», поэма «Фацелия», роман-сказка «Осударева дорога» и рассказ «Москва-река». Отдельные главы посвящены краткому обзору проблемы стиля и языка в филологической науке XX в. и собственным размышлениям Пришвина о проблеме языка художественного произведения.

В ходе анализа лингвостилистических особенностей художественной прозы М.М. Пришвина автор рассмотрел с разной степенью подробности 11 произведений писателя, относящихся к

разным жанрам и созданных в разное время, – начиная от первых литературных опытов и кончая трудами последних дней. Это позволило выявить ряд констант, характеризующих совершенно специфическое творческое мироощущение Пришвина, о котором читатель и исследователь его творчества могут судить в первую очередь, исходя из языковых, речевых и коммуникативно-риторических построений его художественной прозы, которую он сам (как в прочем и некоторые критики) любил называть поэзией.

Двусмысленность понятия «поэтический» в русском языке как характеризующего одновременно и поэзию, и поэтику стала, в частности предметом обсуждения в теоретической главе по той причине, что именно стилистика Пришвина весьма наглядно показывает условность границ между понимаемой как стихосложение поэзией, с одной стороны, и прозой – с другой; между эпикой и лирикой; между жанрами повести и поэмы; между реалистическим нарративом и волшебной сказкой.

Другой проблемой, мимо которой никак нельзя было пройти при обращении к тексту Пришвина, автор полагает, стала проблема лингвостилистического своеобразия очерка, жанровая форма которого, позволяя сочетать документальное и даже научное описание мира с художественно-образным, предоставила этому писателю широкие возможности для формирования индивидуального и неповторимого стиля. Осмыслению этого жанра после известных слов А.А. Блока о первой книге Пришвина как о синтезе поэзии и «еще чего-то» сам писатель посвятил немало времени.

Особенности мироощущения Пришвина, нашедшие отражение в его биографии (путь из науки в изящную словесность), наложили отпечаток на форму практически всех его произведений, где наблюдатель-натуралист превращается в поэта-природолюбца и философа. Как уже много раз отмечалось, художественный текст пришвинских произведений вырос во многом из его дневников и путевых записей, что не могло не сказаться на стилистике. Однако и здесь Пришвин оказался оригинален, поскольку характер его дневниковых записей с годами становился все более аналитическим, когда описательно-повествовательное начало записи превращалось по мере ее разворачивания в тексте в художественное осмысление, в характерную пришвинскую поэтическую рефлекссию. Отсюда и ставшее особенно ощутимым после публикации

полного корпуса дневников восприятие этого писателя как философа.

Еще одной важной особенностью стиля Пришвина стала его обусловленность устным народным творчеством, устным рассказыванием, народным, как называл его Пришвин, языком. Автор попытался показать, что это было отчасти связано также с необычным для зрелого человека детским восприятием мира, склоняющем его к созданию волшебного-сказочных образов, которые составляют основу многих жанров фольклора. Не случайно приведенный в работе во второй главе эпизод разговора Пришвина с похвалившим детский рассказ крестьянином, что вызвало у автора чувство писательской гордости и удовлетворения своим слогом – дескать, пишу одинаково хорошо для детей и взрослых. Даже в ориентированных на взрослого читателя произведениях позднего периода, в «Осударевой дороге», «Корабельной чаше» и тем более в «Кашеевой цепи», детские образы стали не просто элементом образного строя, но средствами диалогической и несобственно-прямой речи и нередко давали возможность читателю ощутить детский взгляд на мир. Взгляд, способный творить сказку из видимой реальности.

При этом автор считает, что нельзя не отметить, что при всем богатстве средств субъективации и соответствующих стилизованных форм у Пришвина со временем вырабатывается наиболее характерный для реализации образа автора тип образованного, одаренного способностью эстетического восприятия мира и близкого к народу повествователя и рассказчика.

Специальная глава посвящена рассуждениям самого Пришвина о языке и стиле, поскольку он всегда уделял особое внимание этой стороне творчества в выступлениях, в эпистолярной, в дневнике, Методическая установка Пришвина при консультировании им молодых авторов сводилась к необходимости следовать двум принципам: верности языку русской классики и близости языку широких народных масс.

Однако, несмотря на постоянно подчеркиваемую писателем ориентацию на простоту и доступность языка, стиля и системы образов, нельзя не отметить, что в процессе творческой эволюции художественный текст Пришвина в его произведениях для взрослого читателя усложняется, позволяя говорить о многоуровневом

построении художественного образа, при котором не всем читателям оказывается доступна вся полнота заложенных в этой образности смыслов. Кроме того, особенностью пришвинской художественной прозы является наличие ряда сквозных образов, создающих эффект своего рода внутренней авторской интертекстуальности, скрепляющей собой проблемно-тематическую и мотивную основу его творчества. Это образ ребенка Курымушки, который писатель носит в себе. Это своеобразный образ Алпатова, предстающий то как явление лирического героя, то как alter ego писателя. Эти образы утраченной и обретенной любви, являющие себя от в Инне, то в Хуа-лу, то в Фацелии. Это доросший до символа образ Голубого, это образ воды, которая, падая с неба, напоминает об истекающей с Небес Любви. Отсюда необходимость знакомства читателя с творчеством Пришвина в целом как условие более глубокого постижения смыслов одного отдельно взятого произведения.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Ильина Е.Н., Сабурова Л.В., Ганичева С.А.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА. –

Вологда: ВоГУ, 2019. –

Часть 1: Домашние и дикие животные. – 178 с.

(Реферат)

Ключевые слова: диалектология; антропологическая лингвистика; анималистическая лексика; языковая картина мира; вологодские говоры.

Монография состоит из предисловия, введения, трех глав (глава I «Диалектная языковая картина мира: проблемы и принципы описания», глава II «Домашние животные», глава III «Дикие животные») и заключения.

Монография посвящена анализу речевых высказываний о животных в контексте изучения феномена диалектной языковой картины мира.

Материалом для исследования служат опубликованные выпуски и картотека «Словаря вологодских говоров», тетради диалектологических экспедиций по программе «Животный мир» Лексического атласа русских народных говоров, записи устной речи и письменные тексты мемуарного характера, опубликованные в изданиях серии «Народная речь Вологодского края» (2013–2017), а также данные некоторых других печатных и электронных источников, фиксирующие речь сельских жителей Вологодского края.

Наличие этих работ, а также доступность значительного по объему речевого контента, содержащего высказывания носителей вологодских говоров о диких и домашних животных, делают возможным системное описание названий животных в контексте ре-

презентации локальной картины мира. Это обстоятельство и определяет актуальность темы проведенного исследования.

Цель данной работы – изучение анималистической лексики и фразеологии, а также репрезентации образов диких и домашних животных в устной речи сельских жителей Вологодского края в контексте осмысления типологических свойств диалектной языковой картины мира. Постановка данной цели потребовала решения следующих задач.

1. Осмыслить опыты научного описания анималистической лексики в отечественной лингвистической традиции, сравнить подходы к классификации животных в научной и наивной картинах мира.

2. Определить специфику феномена языковой картины мира в контексте проблематики современной диалектологии, обосновать выбор исследовательских методов и методических приемов. Наиболее приемлемых для анализа источников исследуемого речевого материала.

3. В доступном нашему изучению речевом контенте, отражающем специфику устной речи носителей вологодских говоров (региональные словари и картотеки, тематические экспедиционные тетради для сбора материалов по программе ЛАРНГ, аудиозаписи диалектных текстов и их расшифровки, др.), выявить корпус названий домашних и диких животных в речевом контексте, достаточном для анализа их семантики и структурной организации.

4. Произвести систематизацию речевого материала, учитывая лексическое значение слов (названия домашних и диких животных), сферу их употребления (локально не ограниченное – диалектное), внутреннюю форму слов, их деривационный потенциал, активность в образовании устойчивых сочетаний слов.

5. Осуществить контекстуальную характеристику слов, называющих диких и домашних животных; выявить комплекс признаков, существенных для диалектоносителя при описании домашних и диких животных и птиц, характеристике рыб, насекомых и «гадов».

6. На основании обобщения результатов анализа речевого материала сделать вывод о специфике языковой картины мира сельских жителей Русского Севера – носителей вологодских говоров.

Объектом исследования в работе являются слова и устойчивые сочетания слов, называющие в вологодских говорах домашних и диких животных (*собачонок* «щенок»), *пестун* «медвежонок в возрасте одного года»), домашних и диких птиц (*куропатица* «курица»), *фылик* «снегирь»), рыб (*меева* «множество мальков»), *мень* «налим»), насекомых, червей, пресмыкающихся и земноводных (*долгая* «змея»), *лягва* «лягушка»), *палаголовец* «головастик»), *травяная кобылка* «кузнечик»).

Предмет анализа – лексическая семантика и деривационная специфика этих единиц, их участие в словообразовательных отношениях в качестве производящего или производного, контекстуальная характеристика этих слов как маркеров локальной картины мира.

В процессе исследования лексики и фразеологии животного мира на материале речи сельских жителей Вологодского края автор стремился доказать, что вербализация «мира животных» в вологодских говорах представляет собой систему лексических и фразеологических средств, семантика, внутренняя форма и контекстуальное окружение которых репрезентируют типологические свойства диалектной языковой картины мира: антропоцентричность, парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Логика решения исследовательских задач определила структуру монографии. Во введении характеризуется традиция изучения анималистической лексики русского языка в отечественном языкознании. Первая глава посвящена проблемам изучения феномена диалектной языковой картины мира и на фоне этих проблем и опытов их решения в российской диалектологии – обоснованию методики описания речевого контекста проведенного исследования. Во второй главе комментируются лексический состав и внутренняя форма названий домашних животных крупных (*корова, лошадь*) и более мелких (*коза, кролик, овца, свинья*), сельскохозяйственных животных, домашней птицы (*гусь, курица, утка и др.*) и животных-компаньонов (*кошка, собака*). В третьей главе представлена информация о диких животных: млекопитающих (*медведь, лось, заяц, белка и др.*), птицах (*ворона, жаворонок, журавль, кукушка, сорока и др.*), рыбах (*карась, налим, окунь, щука и др.*) и «гадах» – земноводных (*жаба, лягушка*), пресмыкающихся (*змея,*

ящерица), насекомых (комар, муха, овод, пчела и др.), червях (дождевой червь, пиявка и др.).

В заключение суммируются выводы исследования и определяются перспективы продолжения исследования.

Отмечается, что тематическая классификация лексики животного мира в вологодских говорах ориентируется на восприятие «мира природы» по отношению к человеку, поэтому репрезентирует не столько биологические, соответствующие научной систематике животного мира, сколько его социокультурные характеристики: разделение животных и птиц на домашних и диких, обобщенное представление о «гадах» и др.

Лексика животного мира составляет одно из наиболее актуальных семантических множеств. В исследуемом авторами материале было выявлено более 850 названий животных, среди которых более 300 составляют названия домашних – сельскохозяйственных животных (200), домашней птицы (70) и животных-компаньонов (35); среди остальных наиболее широко представлены названия млекопитающих (139), птиц (100) и насекомых (более 70). Наибольшее количество номинаций среди домашних животных имеют самки – корова (39) и курица (38). Среди диких животных чаще упоминаются медведь, лось (по 17), заяц (14), кабан (9), белка, крот, мышь, лиса, кукушка (7).

Названия животных в вологодских говорах сочетают в себе общезыковые свойства и локальные черты. Общезыковые свойства проявляются в преобладании локально не ограниченных видовых названий животных, использовании общерусского морфемного фонда и реализации закономерностей словообразовательной системы. Локальными чертами можно считать наличие в исследуемых говорах диалектных названий животных (*язвик* «барсук», *шишкопол* «дрозд», и пр.), сохранение в говорах более архаичной дистрибуции морфем (*теля* «теленок», *утя* «утка», *порося* «поросенок» и пр.), их более разнообразной сочетаемости основами, неодинаковым деривационным потенциалом общерусских слов в литературном языке и вологодских говорах. В рассказах диалектоносителей эксплицируются типичные для языкового сознания представления о домашних (сельскохозяйственных животных и птицах, животных-компаньонах) и диких животных (имеющих или не имеющих промысловую ценность), но их описание в диалектной речи явля-

ется более разнообразным и детальным, позиционирующим не пассивное наблюдение, а активное взаимодействие с животными, получение от них практической пользы, ежедневный тяжелый труд по уходу за ними; в большей мере описание животных в рассказах информантов связано с традиционными верованиями: воспроизводятся народные приметы, этикетные формулы, рассказывается о народных обычаях, связанных с животным миром.

Внутренняя форма слов, называющих животных, обладает свернутой предикативностью, эксплицируя признаки, существенные для восприятия человеком прагматических свойств животных (витальности, внешней характеризованности, функциональности, утилитарности и др.), выражаемые «в развернутом виде» системой речевых контекстов употребления слов данной тематической группы. Деривационный потенциал названий животных в вологодских говорах реализуется в результате использования общеязыковых средств и способов словообразования в их локальной дистрибуции. Корпус словообразовательных значений отанималистических производных отражает логику восприятия животных носителем диалектного языкового сознания, а также механизмы взаимодействия «мира человека» в локальной картине мира.

«Мир животных» составляет неотъемлемую часть диалектной языковой картины мира. В ней можно выделить объектную составляющую (это домашние и дикие животные с их внутренним членением: домашние – сельскохозяйственные / компаньоны и птица; дикие – звери, птицы, рыбы и «гады»), аксиологическую составляющую (система оценок животных с точки зрения характера восприятия их внешнего вида, физических параметров, подаваемых животным звуковых сигналов, места проживания, способа питания и в итоге практической пользы для человека) и акциональную составляющую (способ передвижения животного в пространстве, характер поведения единичной особи или их совокупностей, особенности физиологических действий взрослого животного и детеныша, сильного и слабого животного, самца и самки, специфика действий человека по отношению к домашним (выращивать, кормить, охранять, получать полезный продукт) или диким (охотиться, обороняться) животным).

Изучение «мира животных» по записям речи жителей Вологодского края дало возможность подтвердить следующие типологические черты языковой картины мира вологодского крестьянина.

1. Антропоцентричность, проявляющаяся в том, что номинация и оценка животных осуществляется с позиции говорящего субъекта – преимущественно женщин преклонного возраста, всю жизнь занимавшихся крестьянским трудом. Об этом свидетельствует преобладание в говорах номинаций и оценок самок сельскохозяйственных животных и птиц (корова, курица), а также их детенышей (теленки, ягненок, цыпленок); обстоятельство повествования об уходе за животными, многообразие использования экспрессивно окрашенной лексики, регулярная отсылка к опыту прошлой (тяжелой, полной лишений, но более оживленной и «социально осмысленной») жизни.

2. Приоритетность биологического выживания человека в условиях суровой северной природы, находящая свое выражение в рассказах о противодействии холоду и избыточной увлажненности по отношению к домашним животным, вредоносному воздействию животных-хищников, кровососущих насекомых, болезням и травмам, обращающая внимание на то, что наличие домашних животных в крестьянском хозяйстве и отлаженность трудовых действий по уходу за ними является залогом благополучия, жизнеспособности крестьянского хозяйства. Столь же важным представляется признак необходимости социальной адаптации человека в сельской общине: отношение к животному, качество действий по уходу за ним служит предметом внимания и оценки со стороны жителей деревни; сравнение с животным отражает социальные свойства человека, его социальное благополучие или неблагополучие определяется через наличие или отсутствие у него домашних животных, через отношение к труду с животными, а также в процессе выполнения социально значимых действий, прямо или косвенно связанных с животными.

3. Утилитарность, прагматичность восприятия мира сельскими жителями Русского Севера проявляется в том, при номинации и характеристике животных актуализировались те признаки, наличие которых обеспечивало получение от животных максимальной практической пользы – молока, мяса, сала, шерсти, шкур, меха, навоза, тягловой силы и пр. По соотношению с «полезными»

животными, таким образом, определялись «неполезные» (насекомые, пресмыкающиеся, земноводные и пр.), номинация которых представлена в исследуемом материале в значительно более обобщенном виде.

4. Традиционность, стереотипность восприятия мира находит свое проявление в разделении «мира животных» на мужской и женский, восприятии образов животных в контексте традиционных славянских верований, воспроизведении устойчивых речевых формул – примет, благопожеланий, заговоров, сохранении в языковом сознании рассказов о сверхъестественных силах, способствующих или препятствующих благополучию животных в крестьянском хозяйстве, взаимодействию человека с миром диких зверей.

5. Диалектной языковой картине мира свойственна такая черта, как экспрессивность. Она находит свое выражение в высказываниях информантов о животных, проявляется в эмоциональной окрашенности используемых в речи языковых средств, является следствием личной заинтересованности говорящего субъекта в предмете речи. Об этом свидетельствует множественное воспроизведение коммуникативного взаимодействия с животными, экспликация значений уменьшительности, ласкательности, увеличительности, уничижительности; активность зооморфных метафор в сфере семантического образования наименований человека, животных, растений, предметов бытового назначения; многочисленность, разнообразие и яркость внутренней формы диалектных зооморфных фразеологизмов.

Лексические и фразеологические единицы, называющие животных в речевом контексте вологодских говоров, а также лингвистические образования, мотивирующие эти единицы или мотивированные ими, составляют систему вербализаций представлений о животных в языковой картине мира вологодского крестьянина, могут быть определены как «анималистический код» современных вологодских говоров.

Е.А. Казак

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

УДК: 81'373; 81'374

DOI: 10.31249/ling/2021.01.10

Опарина Е.О.

**РУССКИЕ ГОВОРЫ:
ЛЕКСИКА И ЛЕКСИКОГРАФИЯ.
(Обзор)**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация. В обзоре диалектные единицы русского языка (слова и устойчивые словосочетания) анализируются как элементы лингвокультуры регионов России, в которых воплощаются и сохраняются язык и традиционная культура. Их изучение важно, так как в настоящее время сфера их действия сужается вследствие существенных изменений условий жизни. Особое внимание в обзоре уделяется смысловым, жанровым и коммуникативным особенностям диалектных единиц, а также совершенствованию принципов их отражения в словарных источниках.

Ключевые слова: диалекты; лексика; паремии (речевые формулы); лексикография; традиционная народная культура; культурные коннотации; пласты культуры; говоры; диалектная лексика; паремиология.

Диалектные единицы русского языка – слова и устойчивые воспроизводимые выражения – представляют собой элементы лингвокультуры и народной культуры регионов России. Их изучение и описание позволяет сохранить не только язык регионов России, но и опыт традиционной материальной и духовной культуры, сфера действия которой в наше время сужается в силу изменения условий жизни. В этом плане важную роль играют исследования

семантики и прагматики диалектных единиц и их полное, всестороннее отображение в лексикографических источниках. Смысловые, коммуникативные и жанровые характеристики диалектизмов дают ценный материал для развивающегося антропологического направления в языкознании, в том числе при их сопоставлении с элементами общенародного языка.

Паремии представляют собой тип устойчивых языковых выражений, отличающихся высоким прагматическим потенциалом. В широком понимании к этой группе фразеологизмов относятся замкнутые предикативные конструкции – пословицы и поговорки, приметы, этикетные формулы (приветствия, пожелания и др.) [Подюков, Свалова, 2019]. Исследователи отмечают высокую степень культурной нагруженности паремий. Заключенная в них культурная информация соотносится с разными пластами концептосферы культуры – с мифологическими, символическими и религиозными представлениями. Эти речевые обороты отображают базовые концепты носителей языка, стереотипы и ценности этнокультуры [там же]. Богатство семантики превращает их в микротексты, содержащие несколько блоков информации – денотативной, образной, мировоззренческой, эстетической, стилистической. Поэтому они выступают как особый феномен, важный для понимания лингвокультуры этноса¹.

Изучение диалектных паремий ценно для понимания оформления речевых жанров, форм бытовой и обрядовой коммуникации в диалектной и фольклорной народной речи. И.А. Подюков и Е.Н. Свалова анализируют диалектные паремии Прикамья как устойчивые единицы, обладающие особым типом семантики, в которых внутренняя форма тесно соотнесена с прагматическими и жанровыми характеристиками [Подюков, Свалова, 2019, с. 12–13]. Этим свойством отличаются, в частности, и паремии повседневной сферы диалектного общения, и те, которые принадлежат к обрядовой коммуникации.

Паремии повседневной речи выражают в говорах Прикамья широкий спектр коммуникативных интенций и, соответственно,

¹ Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: когнитивные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 288 с.; Тразанова Н.Ю. Параметризация паремиологии как аксиологического кода лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2012. – 23 с.

отличаются разнообразными прагматическими характеристиками. В форме устойчивых, воспроизводимых оборотов употребляются приветствия, просьбы, выражения отказа, формулы похвалы, оправдания, побуждения и предостережения, бранные выражения. Частью разнообразных коммуникативных типов паремий может быть юмор. При этом шутка часто обращена к важным жизненным ситуациям и событиям, таким как социальное и имущественное положение, возраст, смерть. Например, поговорка: *Не тужи, что мочальны гужи, ременные, да и те рвутся* – выражает представление о сомнительности богатства как главной ценности жизни. Широкой в русских диалектизмах является шкала смыслов, передаваемых жанром приветствия. Они дифференцируются по интенции, по ситуациям, по месту и времени и т.д. Так, *Здорово идешь* обращено к путнику, *Море под корову* – приветствие женщине, доящей корову, а *Здорово дневали!* – дневное приветствие [Подюков, Свалова, 2019, с. 111]. Развитыми и семантически нагруженными являются жанры пожеланий, утешений, благодарности и паремии-инвективы. В последней из этих групп ярко проявляются мифологические представления, например в распространенной группе паремий с семантикой удаления. Установка на удаление, часто выраженная в грубой форме, обусловлена архаичным поверьем в то, что таким образом можно отослать от себя в «плохое место» все то, что несет опасности и неприятности: *Иди в омут, болото* (места, в которых, согласно представлениям народной культуры, обитает нечистая сила), *в зад* (мотив телесного низа, имеющий в культуре негативные коннотации) [там же, с. 130]. Более ограниченное число паремических высказываний в диалектах Прикамья содержат похвалу или извинение.

Ритуальные паремии, связанные с обрядовой коммуникацией, являются вербальными маркерами связи между повседневным и сакральным мирами. Поэтому их прагматика обусловлена целью продуцировать (вызвать к действию, активизировать) благие магические силы и, наоборот, защититься от нечисти. В этом разряде паремий важны ценности не только утилитарные, но и символические. Их структурные характеристики очень разнообразны, поэтому границы жанров внутри группы ритуальных паремий провести крайне трудно. Среди наиболее продуктивных жанров в диалектах Прикамья выделяются пожелания, обереги и клятвы.

Пожелания в обрядовой сфере близки к магическому заговору. Они более развернуты в тексты, чем бытовые пожелания, нередко сопровождаются действием с предметами-символами или называют их, часто отличаются ритмической и фонетической обработанностью. Это могут быть как благопожелания, так и высказывания с негативной семантикой (проклятия, ритуальная брань), и они применимы к различным ситуациям. Многие благословения соотносятся с обрядами семейного, в том числе свадебного, и хозяйственного циклов: *Дай Бог счастья, дай Бог ума-разума* – при благословении молодоженов с ковригой хлеба; *Матушка-скотиночка, гуляй, дом знай* – заговор на Егорьев день, при выгоне скота, при этом до него дотрагивались вербной веткой [Подюков, Свалова, 2019, с. 188]. Символизм выражен в группе пожеланий-проклятий: *Как на осине лист трясется, так и тебя истрясси* – уподобление проклинаемого субъекта дереву, которое считается в народе проклятым. В говорах Прикамья разнообразны обереговые формулы, защищающие от колдовства. В них часто встречаются брань, грубые и агрессивные послы, действующие как средство обороны и имеющие акциональное сопровождение: *Пушкай у того язык согнется, кто будет меня колдовать* – при застегивании булавки в нижней части одежды [там же, с. 198].

Исследование диалектных лексем русского языка в целях их лексикографирования свидетельствует о том, что их культурные коннотации также формируются народными мифологическими и символическими представлениями и ритуальными смыслами. Словарь, содержащий толкования лексики смыслового поля «о детях» в говорах Среднего Приобья [Словарь детства, 2018], включает около 1000 статей, отобранных на основе присутствия в их значении семантических компонентов 'ребенок / дети' и 'детский'. Данный словарь является первым опытом системного представления языковых единиц, относящихся к сфере детства, однако он базируется на богатых традициях Томской диалектологической школы, которая занимается изучением среднеобских говоров с середины 40-х годов прошлого столетия. Авторы словаря также опирались на опыт исследования и лексикографической репрезентации кон-

цептосферы детства в других научных изданиях¹. Источниками словаря являются записи устной речи носителей говора, сделанные в ходе экспедиций сотрудников и студентов филологического факультета Томского университета.

По отбору языкового материала словарь является недифференцированным: в него входят не только непосредственно диалектные и диалектно-просторечные лексемы, но и общерусские.

Словник сформирован по тематическому принципу, например, в него включены следующие разделы: «Общие обозначения детей», «Детские и молодежные игры. Игрушки. Досуг», «Семья. Семейный статус ребенка», «Жанры детского фольклора» и др.

Словарная статья состоит из нескольких зон: 1) заглавное слово, при котором отмечаются акцентологическая характеристика и варианты (**роди'ны, роди'на**. Роды); 2) грамматическая характеристика, которая присутствует только в тех случаях, когда она является культурологически значимой, как при собирательных существительных, большое число которых обусловлено количеством детей в традиционной крестьянской семье; 3) пометы, отражающие особенности семантической структуры, такие как эмотивные и экспрессивные характеристики и метафорическое значение; 4) иллюстрации, подобранные так, что они сохраняют текстовую организацию, представляют собой целостные «бытовые зарисовки, рассказы о прошлом, о различных жизненных ситуациях» [Словарь детства, 2018, с. 9]; 5) лингвокультурологический комментарий, который является чрезвычайно важным для цели его авторов – сохранения языка и элементов крестьянской культуры региона, их трансляции последующим поколениям. Он включает этимологическую и экстралингвистическую информацию – этнографическую, историческую и т.п. Этимологическая экспликация дает возможность выявить образ, лежащий в основе мотивации, и его оценочную характеристику: **орда'**. *Собир.* О толпе, ватаге детей, преимущественно младшего возраста (часто бранно) [там же, с. 10].

¹ Например, в работах: Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Толстого Н.И. – М.: Междунар. отношения, 1995–2009. – Т. 1–5; Бунчук Т.Н., Дронова Т.И. Материалы к словарю этнокультурной лексики семантического поля «Детство» // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы. – Сыктывкар: Изд-во Сыкт. гос. ун-та, 2008. – С. 166–198.

Комментарии к словам, называющим предметы быта, одежду, обувь, содержат указания на связанные с ними символические и мифологические представления, как в комментарии к слову **зы'бка**. Колыбель: колыбель рассматривалась в традиционной культуре как «первый дом» младенца на его пути в мире людей, отсюда представление о необходимости его должного устройства и защиты от злых сил [Словарь детства, 2018, с. 12; ср. Подюков, Свалова, 2019-о символических представлениях народной культуры в диалектных паремиях].

Список литературы

- Подюков И.А., Свалова Е.Н.* Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. – СПб.: Маматов, 2019. – 224 с.
- Словарь детства: говоры Среднего Приобья: (с лингвокультурологическим комментарием) / *Агапова Н.А., Волошина С.В., Демешкина Т.А. и др.*; под ред. Угрюмовой М.М. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – 200 с.

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Культурологии; ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2020. – **№ 1 (41): Гетеротопии и семантика культурного ландшафта: проблемы визуализации = Heterotopy and semiotics of cultural landscape** / отв. ред. номера Кулешова О.В.; вып. ред. номера Лавренова О.А. – 230 с. – DOI: 10.31249/chel/2020.01.00. – URL: <https://human-inion.org/issue.php?id=58>

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания; ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2020. – **№ 2 (42): Дискурсы, конституирующие жизнь = Discourses that frame life** / отв. ред. номера Комалова Л.Р., Нагорная А.В. – 121 с. – DOI: 10.31249/chel/2020.02.00. – URL: <http://human-inion.org/issue.php?id=59>

Исследуется вопрос о том, как дискурсивные практики отражают различные жизненные ситуации и конструируют человеческие отношения в межличностной коммуникации, в организационно-деятельностной среде, а также анализируются дискурсивные модели межличностного взаимодействия, закрепленные в культуре и социальной практике. Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Литературоведения; ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – М., 2020. – **№ 3 (43): Homo scribens: Образ и саморефлексия автора в европейской словесности = Homo scribens: Author's image and self-reflection in the European literature** / отв. ред. номера Лозин-

ская Е.В. – 185 с. – DOI: 10.31249/chel/2020.03.00. – URL: <http://human-inion.org/issue.php?id=60>

Европейской литературе с самого ее зарождения была присуща метарефлексия. Писатели, поэты и теоретики словесности размышляли о ее высших целях, о той роли, которую «человек пишущий» играет в общественной жизни, о специфике поэтического и писательского труда, об отношениях автора и аудитории, автора и его предшественников. В номере представлена широкая панорама трактовки этих «вечных вопросов» от Средневековья до современности.

Этнопсихолингвистика = Ethnopsycholinguistics: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; ред. кол.: Пищальникова В.А. (гл. ред.) и др.; отв. ред. Комалова Л.Р. – М., 2020. – № 3. – DOI: 10.31249/epl/2020.03.00. – URL: <http://epl-inion.org/issue.php?id=3>

Публикуются статьи и аналитические обзоры, отражающие специфику языкового бытия человека и этноса, особенностей этнической картины мира. Рассматривается национально-культурная вариантность в речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности. Анализируется когнитивное использование языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем. Описываются механизмы организации внешних и внутренних процессов речевой коммуникации, процедуры анализа культурно детерминированной семантики и национальных особенностей коммуникации, перцептивные и когнитивные эталоны. Для широкого круга специалистов в области социального и гуманитарного знания.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021 № 1

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректоры А.А. Чукаева, М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 20.12.2020

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 10,75

Тираж 300 экз.

(1–150 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 8,3

Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, 117418

<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**

Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96

e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов

ул. Чернышевского, д. 88, литера У

